

Павлушанка

ЕМЬЯ
АПТРАМАН

59-197

И. Вукаичкай

АПТРАМАН ТАВРАШ

Сăвăллă роман

*Чăвашларан авторласа
куçарнă*

ЧĂВАШ АССР
ГОСУДАРСТВО ИЗДАТЕЛЬСТВИ
ШУПАШКАР — 1959

7324

Идувангай

СЕМЬЯ
АПТРАМАН

СЕРИЯ ПОЭЗИИ
СЕРИЯ ПОЭЗИИ
Роман в стихах

Авторизованный перевод
с чувашского

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ЧУВАШСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ — 1959

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР
Д. С. С. К.
Чувашской Иккижи, Палате
21 августа 1959 г.
№ 243

Под редакцией
Н. Н. СИДОРЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧУВАШСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
1959 — 114 страниц

НАПУТСТВИЕ

тнер, сынок, присядь со мною,
На плечи руки положу,
Свое я детство озорное
В глазенках черных разгляжу...

Когда я начал повесть эту,
На свете не было тебя,
И, может, без меня уже ты
Начнешь читать ее, скорбя.

Благословляю, сын любимый,
Единственный наследник мой!
Мое богатство — край родимый,
Язык певучий и живой.

Чтоб это уберечь наследство,
Я не щадил труда и сил.
Резвись! Твой смех, забавы детства
Я щедро кровью оплатил.

Пусть сверстники твои не знают
Ни мук, ни горестей войны,
Пусть их минует доля злая.
Тех, что в бою опалены.

Снаряды пусть не четвергуют,
Пусть не калечит их огонь,

Пусть не придется на мосту им
Тянуть беспалую ладонь.

Пойдем, Атнер! Перед тобою
Лежит еще нелегкий путь.
Вперед же! В мире нет покоя.
Ты вечным тружеником будь!

Спеши, мой мальчик, но, увидев,
Что есть идущие быстрее,
Ты мелкой не давай обиде
Точить, как червь, души твоей.

Не стань им поперек дороги
С досадой, черной, как бурьян,
Что зимовал на перелоге,
Не будь тщеславьем обуян.

О юность, ты самолюбива
И, сил своих в расчет не взяв,
Потоком пенистым, бурливым
С порогов падаешь стремглав.

А зрелость об ошибках тужит,
Узнав, где путь лежит прямой...
Идем и, словно горб верблюжий,
Груз прошлого несем с собой.

В нем слиты и печаль, и радость,
Усталость после троп крутых,
В нем — и твоих свершений сладость,
И горечь промахов твоих.

В нем все — и то, чем сердце нежишь,
И то, что угнетает дух,
Его не скинешь, не отрежешь
И не излечишь, как недуг...

Ты с грузом путь соизмеряешь
И с поворотами пути.

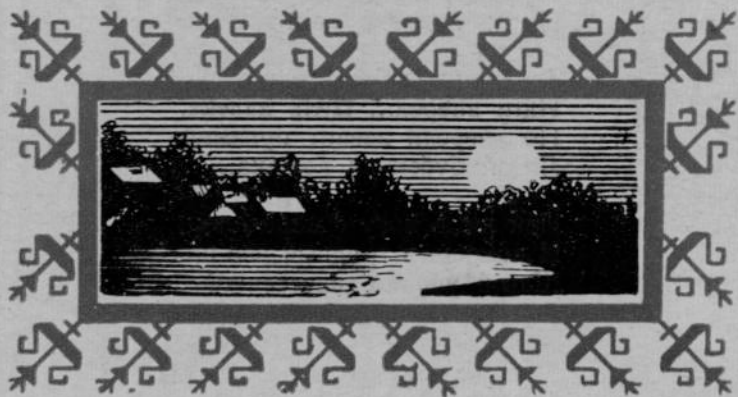
Мученье, коль один шагаешь,—
Нигде подмоги не найти.

А каравану непрерывно
Идти вперед... Цель далека,
Но впереди звенит призывно
Литой бубенчик жожака...

Иди же в ногу с караваном,
И помощь в трудный час придет.
Шагай упорно, неустанно,
Вперед, Атнер, всегда вперед!

1952

Р О Д

Всякий знает: Аптраманы—
Плодовитый, старый род.
Счет я им вести не стану:
Много времени займет.

Сто семей, никак не меньше,
Есть с фамилией такой.
Полк мужчин, а сколько женщин
Уходило в род чужой!

Аптраманы у народа
На виду и посе́йчас.
«Густокровная порода!»—
Говорят о них у нас...

Наш земляк не из богатых,—
Злой подвох, своя судьба ль,—
Четверть века был в солдатах
И принес домой медаль.

Ту медаль герой Кавказа,
Как бывало обещал,

Внуку с родственным наказом
Перед смертью завещал.

Как же стал наследник важен,
Как медаль свою берег!
Я видал ее и даже
Надпись помню на зубок.

Что та надпись означала,
Не открылось никому.
В ней «Не нам, не нам, — стояло, —
А имени твоему...»

И не смог бы тут помочь нам
Даже сам геройский дед.
Знал по-русски он «так точно»,
«Ваше бродь» и «никак нет».

И сошел старик в могилу
До конца не распознав,
Чья, какая злая сила,
Кем предписанный устав

Обкорнали жизнь простую,
Парня сдвинули с земли,
А потом и боевую
Славу в корне подсекли.

Что же мог кружочек медный
О солдате рассказать,
Коль во всей округе бедной
Не умел никто читать?..

А герой с людьми жил в дружбе,
Подносили — выпивал,
О своей солдатской службе
Часто песню напевал:

«Ай-хай-ах, Кавказ, Кавказ!
Занесла недоля нас.
Снизу камни, сверху — снег,

Становись-ка на ночлег!
На Кавказе мы бывали,
Мы и там не унывали!

Ай-хай-ах, солдат, солдат!
Чем ты богу виноват?
Штык не тронет — трость доймет,
Трость не тронет — штык проткнет,
Все равно нам пропадать,
Так чего же унывать!..»

Так певал солдат бывалый,
Осушив до дна стакан.
«Ан аптра!» — не унывай, мол.
Вот и стал он Аптраман.

Но иные говорили:
«Самый первый Аптраман
Жил, когда еще был в силе
Император Барабан».

Так в насмешку Бонапарта
Окрестили мужики,
Услыхав, с каким азартом
Лез на русские штыки.

Языки у дедов были
Не тупее, чем у нас —
Славно молодца отбрили!
Но пора и за рассказ.

Тем же слушателям рьяным,
Кто уж очень хочет знать,
Где, мол, корень Аптраманов,
Я могу совет подать:

Вы прислушайтесь под вечер,
Как на бревнах средь селян
Будет речь держать Хеведер,
Ныне старший Аптраман.

Впрочем, так или иначе,
Жди ее или не жди,
Раз я повесть эту начал —
Эта встреча впереди.

Как бы люди ни судили,
Кто бы что ни говорил,
Без владельцев нет фамилий —
Аптраман исконный жил!

А пока сказать я вправе
То, что знает целый край:
Род их древний в прежней славе,
Жив девиз «Не унывай!»

Он в сердцах у них и ныне.
Диво ль, что такой народ
В стужу в поле не застынет,
В бездорожье путь найдет.

И солдатами гордится
По заслугам этот род:
Штык таких, мол, побоится,
Пуля-дура не возьмет...

Им и с турком повстречаться,
И с японцем довелось,
И с германцем... Да, признаться,
Многим солоно пришлось.

Отличидись Аптраманы
И в гражданскую войну:
Гнали белых к океану,
Постояли за страну.

Кое-кто бежал из плена,
А иные брали в лоб,
Увязая по колению
В смрадной тине, Перекоп.

И в артели постоянно
Их приходится хвалить:
«Кто там в поле? Аптраманы?
Ну, порядок, стало быть!»

Дед Хеведер, как известно,
Ныне старший Аптраман.
Он рассказчик интересный—
Много видел ветеран.

До сих пор жива-здорова
И старуха Сабани.
Век прожив, недобрым словом
Не обмолвились они.

Молода была, так силы
Не жалела кинемей¹,
В три ведра она носила
Воду в избу — только пей!

Дед и сам не тратил даром,
Как пришел со службы, дни.
Не сыскать дружнее пары,
Чем Хеведер с Сабани.

И детей они взрастили
Им самим во всем подстать.
Сыновей переженили,
Стали дочек выдавать.

Средний дом, а выдавали
Без особенных хлопот:
Аптраманов всюду знали—
Работающий, мол, народ.

И теперь как дед наш древний
Вдоль по улице пройдет,
Так ему от всей деревни
Уваженье и почет.

---

¹ К и н е м е й— почтительное обращение к старой женщине.

А старушке доведется
Появиться — то и знай—
Ей навстречу раздается
«Азанне» и «кугамай».¹

Так, согласно четою,
И живут они в селе.
С ними старший сын с семьею
Средний Аптраман Илле.

Сын Хеведера и сам уж
Постарел — почти седой.
Сыновей женить, дочь замуж
Мог бы выдать чередой.

Белых ниточек без счета
К первой ранней седине
Поприбавила забота
И у тетки Кулине.

Надо думать, что не сладким
Было теткино житье.
Слышал «семеро по лавкам»?
Ну, так это — про нее.

Колыбель ногой качала,
А рукой сучила нить...
Так вот с самого начала
И пришлось крестьянке жить.

Да, семь раз страдала баба,
Семь родин перенесла,
И хоть жалобу когда бы
На судьбу произнесла.

Всех бы вырастила тетка,
Дотянула б семерых,
Но пришлось еще в молодках
Схоронить подряд троих.

---

¹ Азанне — бабушка по отцу, кугамай — бабушка по матери.

Вспоминая деток милых,
Как металась Кулине!
Это горе научило:
Берегла живых вдвойне.

Все снесла землячка наша.
Годы шли, и подросли
Трое братьев и Наташа,
По-чувашски — Натали.

Доля матери жестока,
Что ты там ни говори.
Кулине возьми — далеко
Сыновья — Кервень с Эндри.

Скажем кстати тут, что первый—
Обладатель двух имен:
Он Кервень, и он же — Герман,
Как попом был наречен.

Вот о них, о взрослых детях,
Мать страдает день и ночь.
Беспокойно ей на свете.
Хорошо хоть — с нею дочь.

С ней и младший — радость дома,
По-семейному Палля...
Ну, теперь тебе знакомы
Все друзья мои, земляк!

* * *

Терпеливый мой читатель,
Коль устал — передохни.
Иль постой, узнай ты кстати,
Чем же заняты они.

Герман вуз в столице нашей
Год назад окончил. Он
Пишет книгу о чувашах.
Всем на днях прислал поклон.

Он здоров, живет исправно.
Недоволен только дед.
Деда сильно внучек славный
Огорчил на склоне лет:

Взял фамилию другую,
Знать, не в прок ему талант!
На селе о нем толкуют,
Герман стал, мол, а спирант.

«Вот Эндри — другого склада,
Все-то в деда мальчуган...
Где теперь моя отрада,
Где наш младший Аптраман!»

А пока о нем здесь тужат,
Самый главный мой герой,
Мой Эндри, прилежно служит
В Красной Армии родной.

Срок призыва на исходе,
Служба близится к концу,
Но все медленнее вроде —
Так сдается молодцу.

Для такого нетерпенья
У бойца причина есть.
Взвесь, читатель, положенье:
Парень — там, девица — здесь.

Вести весть летит навстречу:
Пылки юные сердца...
И сейчас, в субботний вечер,
Ждет солдат мой письмеца.

Вот дождался. Отделенный
Говорит ему: «Пляши!»
Шутка — шуткой, но влюбленный
И сплясал бы от души...

И конверт знаком и почерк...
Угодил ты парню, друг:
Ровный бисер этих строчек—
Дело маленькой Верук.

Льется свет из глаз солдата,
Счастье еветится само.
Вскрыл конверт, увидел дату,
Углубляется в письмо.

«Незабвенный друг Эндри!
От души тебе привет.
Чтоб скорей послать ответ,
Нынче встала до зари.
Без тебя мне, верь не верь,
Скучно сделалось теперь.

Даже ласточки весной,
Чуть дождавшись теплых дней,
Из-за гор, из-за морей
Возвращаются домой,
Журавли летят, трубя,
А когда ж дождусь тебя?

Хорошо теперь в саду,
Много яблонь зацвело.
Все вокруг белым-бело...
К новым яблокам я жду
Возвращенья твоего.
Только ждать-то какво!

Коль удержишься в пути,
Спелых яблок для тебя
Сохраню я в отрубях.
Только вкус у них, учти,
Будет все-таки не тот:
Аромат их пропадет...»

Так Верук писала другу.
А строкою ниже шло

Разное про всю округу
И родимое село.

Сар-Микень был упомянут.
Подшутил старик над ней:
Зря, сказал, сады не станут
Наряжаться так, ей-ей.

На судьбу свою не сетуй,
Если есть дружок-солдат.
Цвет — хорошая примета:
Будет осенью назад.

А еще про Яганата,
Про другого старика,
С кем Эндри дружил когда-то,
В том письме была строка.

Пчеловод, ребят любимец,
Был на выставке в Москве,
Каждому привез гостинец,
И уже недели две

Ходят на его рассказы
На селе и стар и млад,
Что ни день—рассказ: не сразу
Повторится Яганат.

Но, пожалуй, интересней
Всех историй старика
Им же сложенная песня
О Москве—«Москва-река»...

О себе писала мало
Другу скромная Верук,
Но письмо напоминало
Про родимый бор и луг,

Про стволы обочь тропинки,
Золотые от зари—

Пред собой, как на картинке,
Увидал их вдруг Эндри.

Но не стал солдат печальней
Хоть, как зов гусиных стай,
Поминали строчки дальний,
Горячо любимый край.

Письмецо Верук лекарство
От тоски в себе несло:
Простодушное лукавство
И душевное тепло.

В Л Е С У

лева—луг в зеленых травах.
Низкий берег, краснотал.
На холме высоком, справа,
Лес густой, дремучий встал.

В том лесу дубы и клены
Рослые, как на подбор,
И березы ствол беленький
Там нет-нет и встретит взор.

Посреди дубов кудрявых,
Кленов статных, вековых,
Ели в шлемах остроглавых,
Наподобье часовых.

Сколько раз картине скромной
Отдавали дань мы все
Не на юге,— в черноземной
Среднерусской полосе.

Среднерусская природа...
Южной щедрости в ней нет,
Но милей нам год от года
Суть простых ее примет.

Ведь с народом неуклонно
Русский лес всегда дружил.

И солдат Наполеона,
Замерзая, здесь кружил.

И такими же лесами,
Провалившись в снег по грудь,
Вел врагов Иван Сусанин
По сугробам в смертный путь.

Здесь обычный немудрящий
Лес, как прочие леса.
Но порою слышишь в чаще
Молодые голоса.

Средь поляны безымянной,
Невысок и неширок,
Разместился полотняный
Скороспелый городок.

Есть винтовка, есть лопата,
Крыша есть над головой,—
Все, что нужно для солдата,
Вплоть до кухни полевой.

Вколотить покрепче кольца,
Стенку дерном обложить,—
На раздолье, на приволье
Хорошо в палатке жить!

В тюфяке твоём солома,
Лист сухой, или камыш.
Пуховик остался дома?
Не беда, и так поспишь!

На свое не сетуй ложе.
Неженкам не место тут!
На постели этой тоже
Разоспаться не дадут.

Разорвет сигнал побудки
Воздух утренний, сырой.

И, не медля ни минутки,
Становится надо в строй.

Без ремня, сорочку скинув,
Разминаешь налегке
Руки, ноги, плечи, спину
И купаешься в реке.

Если ты не плавал сроду,
Ободряет старшина:
«Не робей, бросайся с ходу,
Да держись, браток, за воду,
Вот и вынесет она!»

Тактика, политбеседа...
Не оглянешься — летит
Быстро время до обеда.
Здесь отменный аппетит.

А, бывает, из похода
Возвращается назад
Вся в поту, в пыли пехота,
Только глаз белки блестят.

Нестерпимо ноют пятки,
Будто отдыха прося.
От шершавой жаркой скатки
Гимнастерка взмокла вся.

Но веселой чьей-то шутке
Засмеешься, и опять
Хватит пороху на сутки.
Сорок верст готов шагать!

* * *

Обошел ты всю округу,
Словно к девушке спеша.
И винтовку, как подругу,
Обнял, — больно хороша!

Парня девушка дождется,
Сбережет любовь свою.
А с винтовкою придется,
Может быть, дружить в бою.

Вот масленка, вот и пакля.
Взял, на шомпол намотал.
Любит чистоту, — не так ли? —
Смазки требует металл.

Мягко хлопнув, без заминки
Вышла пробка из ствола.
Ни соринки, ни пылинки,
Сталь каленая светла.

В ствол, начищенный до блеска,
Глянь, затвор открыв сперва.
Вьется чистая нарезка,
Отливает синева.

И, решив, — «Определенно,
Будет воин из него», —
Новобранцу отделенный
Скупое скажет: «Ничего...»

Постоит, любуясь глянцем,
А потом, притворно строг,
Озадачит новобранца: —
Сколько весит, мол, мулек?

В нашем новом обиходе
Многих слов, понятий нет.
Все они исчезли, вроде
Старых пуговиц, монет.

Царский гривенник орлений
Не положишь в кошелек.
Лишь армейской немудреной
Не выходит шутке срок.

«Дома у родной мамыши
Ел ты кашу из пшена.

Кадровой отведай каши!»—
Угощает старшина.

Как всегда, в сравненье с пшенной—
Каше гречневой почет.
И ее вполне резонно
Он гвардейскою зовет.

Пообедаешь — и краткий
Отдых, сладкий сон дневной.
Как убитый, спишь в палатке,
В солнечной тиши лесной.

Но тебе дороже вдвое
Час другой, его уют:
В этом часе, до отбоя,
Шестьдесят твоих минут.

Ты свободен, независим,
Ты в занятиях своих.
Это — час писанья писем,
Чтения, мыслей о родных.

В свете розовом заката
Вспоминаются друзья.
Тут и сверстники-ребята,
И любимая твоя.

* * *

Так стоял, не зная горя,
Лагерь в лиственном лесу.
Вечерами били зорю,
Всякий раз в одном часу.

Звук протяжный, величавый...
В нем отчетливо слышны
Отголоски трудной славы
Русской ратной старины.

Оттого, заслышав зорю,
Край далекий видишь ты,

Ледники, чужое море,
Над ущельями мосты.

Видишь горные громады
И альпийские луга,
И седые водопады,
И вершинные снега.

...Отзвучал сигнал отбоя.
Все легли, но с полчаса
Средь вечернего покоя
Не смолкают голоса.

Тихий спор в палатке дальней,
В ближней — шепот, легкий смех.
Озабоченный дневальный
Окликает строго всех.

Изголовье с изголовьем,
Два ровесника лежат, —
Двое пышущих здоровьем,
Крепких молодых ребят.

«Да, не бабкина перина —
Наш солдатский тюфячок...
Сон чтоб снился складный, длинный,
Ты ложись-ка на бочок!»

«Верно?» — «Точно! Сам испробуй.
Если ты уж долгий срок
Не видал своей зазнобы —
Спать ложись на левый бок!»

И шуршащую солому
Придавило чем-то вдруг.
Парень, будто нам знакомый,
В полусне шепнул: «Верук...»

Разве вы не узнаете
Аптраманова Эндри?

Служит он теперь в пехоте.
Парню скоро двадцать три.

Коренаст, не слишком строен,
А шагнет — земля дрожит.
Может быть, не ладно скроен,
Да на диво крепко сшит.

Взгляд приятный и открытый.
Аптраманов средний сын,
Как дубочек плотно сбитый, —
Не вколотишь даже клин!

Чернобровый, черноглазый,
Волосы черны, как смоль.
Виктор Басов как-то сразу
Стал делить с ним хлеб и соль.

Славный парень, этот Басов,
Разговорчивый такой.
Кончил в Горьком десять классов,
Бывший слесарь заводской.

Синеглазый, русский, статный
Не обидит никого,
Говорит спокойно, внятно,
Мягко округляя «о».

Он — прямой, без выкрутасов:
«Если слово дал — держись, —
Так считает Виктор Басов, —
Если дружба — на всю жизнь!»

«Ты, хотя и смирный с виду,
Друг-ровесник мой, чуваш,
Но друзей не дашь в обиду,
Спуску недругам не дашь!»

«Да покамест рановато
Судишь, Виктор, обо мне.

Аптраман, мой дед, когда-то
Впрямь не струсил на войне.

А тебе — Пожарский прадед,
Либо Минин-Сухорук...
С семерыми сразу сладит
Новгородцев славных внук!»

Так друзья беззлобно шутят
В полотняном городке.
Вечерком приемник крутят
Вместе в красном уголке.

Вместе слушают известья,
Словно врозь им свет не мил.
Обсуждают «Правду» вместе
И листают «Крокодил».

...Так в общенье повседневном
Дружба братская растет.
Ведь не зря теплом душевным
Русский славится народ.

И в года солдатской службы
Сыновья большой страны
С языком любви и дружбы—
С русским языком дружны.

Д О М

село, где обитает род
Аптраманов, земляков моих,
Как и все — пока из небольших.
Но теперь растет из года в год.

Старое названье Ярмухаль
У народа нынче не в ходу,
Нынче речь о чкаловцах ведут.
Прошлого тут никому не жаль.

«Чкалов» в память летчика назвал
Свой колхоз с любовью сам народ.
И артель стремится свой путь вперед,
Словно сокол крылья людям дал.

Ход событий, впрочем, был иной:
Так артель назвали земляки,
Получив угоды Ярмухи
И почуяв крылья за спиной...

Крылья распахнулись широко
И, хоть часто крепкий ветер дул,
Все-таки в сороковом году
Чкаловцы взлетели высоко.

Молодежи не с чем и сравнить
Жизнь свою — счастлив наш молодняк —

Сделать это может лишь бедняк,
Что успел за сошкой пот пролить.

Он владел полоской горевой.
Ту полоску, гаркнув во весь дух,
Мог легко перелететь петух,
Деревенский щеголь удалой...

Только по-иному мы хотим
Полететь, не правда ль, пареньки?
Нет, не зря гордятся земляки
Знаменитым тезкою своим.

Чуть закат поля позолотит,
Малышей домой зовет народ.
Выйди и послушай у ворот:
Здесь «Валерий!» чаще всех звучит.

* * *

То гнездо, откуда Аптраманы
Разлетелись по лицу земли,
Долго я описывать не стану:
Сами вы в подобном жить могли.

Ведь в любой чувашской деревеньке
Есть теперь точь-в-точь такой же дом:
У крыльца три желтые ступеньки,
Новая скамейка под окном.

Три окна на улицу выходят,
Два — во двор, еще одно в сенях.
Солнцем блещут стекла на восходе.
Окна не глухие — на петлях.

Вдоволь в доме воздуха и света,
Славно пахнет в горнице смолой,
На стене семейные портреты—
Бабка, дед и внуков целый рой.

Прочен дом — стоит как в землю врытый
Во дворе амбар подстать избе.

Ворота по-русски тесом крыты,
В кружевной затейливой резьбе.

А давно ли вовсе не такую
Жизнь была у дядюшки Илле,
Схожая с избушкою курною,
Где семья ютилась в полумгле.

Та лачужка в садике плодовом,
Что вплотную подступил к реке,
С завистью глядит на дом кондовый,
Скромно притулившись в уголке.

Словно чем-то белым облитые
Яблоньки вокруг нее цветут,
Отцветают вишни молодые,
А под ними улы там и тут.

В садике теперь Хеведер старый
Будет пропадать по целым дням.
Вот и сам он. Вышел из амбара
Неспеша побрел к своим роям.

Ласточки Хеведера тревожат:
«Шустрые... переведут мне пчел...
Говорил ведь сыну, что не гоже
Их пускать. И что он в них нашел?»

Это, мол, краса и гордость дома,
И без них жильё, мол,— не жильё...
Кошку что ль привадить от знакомых?
Нет уж, дудки... к лешему её...»

Вспомнил дед, как осенью котище
Съел, негодный, пару голубков.
«Белые... белее и не сыщешь...»
Кот сожрал их да и был таков.

«Голуби... Нет, не к добру все это...»
Дед трясет седою головой.

У него на все своя примета,
Взгляд на вещи и обычай — свой.

В войлочной широкополой шляпе
Схож Хеведер старый с чабаном.
Тут еще Камбур на задних лапах
Радуетя, просит ли о чем...

Верный пес хозяина из тыщи
Отличит, а трубку и кiset
Хоть за три версты ему отыщет.
Впрочем, их в саду теряет дед.

Он присел на лавку у избушки.
В ней теперь омшаник и... музей.
За рекой ведут свой счет кукушки.
Он ничуть не трогает друзей,

Сколько в них тепла и пониманья!
Поглядишь и навсегда решишь,
Что Камбур — разумное созданье
И при том — отзывчивой души.

«Что, Камбур, ты тоже рад погреться?
Зажились, брат, оба мы с тобой...
Только на Эндри бы наглядеться...
Славный должен быть солдат... герой... ..»

Не был тут Кервень четыре года.
Как бы речи не забыл родной...
Натали... Ее бы замуж отдал,
В пору бы тогда и на покой...»

* * *

Натали!.. Мне самому придется
Рассказать о ней, ведь невдомек
Старику, что внучка в город рвется,
Спит и видит вузовский порог.

Но заветной думушки девичьей
Натали не выдает своей.

Не при чем тут дедовский обычай—
Дело тут и проще, и сложней.

Девушка, едва окончив школу,
Заменяла по хозяйству мать.
Случай частый, хоть и невеселый—
Захворала та — ни сесть, ни встать.

Бабка Сабани ждала, что внучка
Не отвергнет помощи ее;
«Девочка училась, белоручка,
Ей ли печь, варить, стирать белье?..»

Но ошиблась: «белоручка» эта
В трудный час и развернулась вдруг.
Так взялась за дело, что с рассвета
До темна кипело все вокруг.

Осенью как раз Эндри призвали,
В доме все свалилось на нее,
И, куда б мечты ни увлекали,
Жизнь твердила девушке свое.

Как самой свою судьбу решить ей,
Как сомненья все перебороть?
Герман?.. Он теперь не сельский житель,
Он давно — отрезанный ломоть.

Вместе с братом Натали и друга
Проводить пришлось в далекий край.
Замела следы их в поле вьюга,
Но подругу не забыл Сумбай.

С Педером в одном училась классе
Наша непоседа Натали,
И ничто на свете не погасит
Огонька, что дружбы дни зажгли.

Срок уж близок. Педер возвратится
Вместе с братом осенью в село.

Вот, должно быть, парень изумится.
Время-то недаром ведь прошло.

Натали теперь послушен трактор,
И комбайн она уже вела;
Наше время любит цифры, факты,
Мало слов ему — нужны дела...

Преуспела кое в чем, но что бы
Здесь ни затевала Натали,
Все ж от мысли о большой учебе
Сотни дел ее не отвлекли.

У нее пример перед глазами, —
Не мечта пустая, не обман:
Прибыла на лето из Казани
Одноклассница ее Турхан.

Говорят в деревне, что Тамара
Возвратилась чуть ли не врачом.
И молва торопится недаром:
Учится Тамара горячо.

Не распалась дружба одноклассниц,
Даже крепче стала в эти дни,
И могли б напомнить соучастниц
Заговора школьного они.

Натали зовет подруга в город:
«Мать твоя здорова — медлить грех.
Мы уже врачами станем скоро,
Разве Аптраманы хуже всех?»

У девчины сердце не на месте.
Эти речи пуще разожгли.
Но под вечер радостные вести
Почтальон принес для Натали.

НАТАЛИ ВЫШИВАЕТ

сорочке вдруг цветы
Расцвели.
Для кого кладет кресты
Натали?

Холст домашний, как снежок,
Ровен, бел.
Вот на нем еще стежок
Заалел.

Красный шелк — огонь в крови,
Чувств приборь,
В алой нитке — знак любви
Молодой;

А в зеленой — мурава
Или лес;
В желтой — солнце; синева—
Глубь небес.

Есть в узоре черный шелк—
Знак земли.
В каждой нити видит толк
Натали.

Свой у вышивок язык,
И они то...

Говорят не хуже книг
Искони.

Рукоделье — волшебство,
В нем — мечты,
И любовь, и торжество
Красоты.

В нитях — полночь и рассвет,
Смех и стон
Для того, кто в их секрет
Посвящен.

С кем же иглы разговор
Завели?
Для кого кладет узор
Натали?

Нынче с озера Хасан
Весть пришла.
Не с того ли Аптраман
Весела?

Орден Педер, друг 'ее,
Получил.
Написал в село свое—
Не забыл.

Намекнул, что будет здесь
К Октябрю.
«Что ж, коль не обманет весть,
Подарю...

Для сомненья нет причин—
Письма шлет...
Только кто же их, мужчин,
Разберет!

Знаменит... Не нам чета
Парень стал.

Про награду неспроста...
Нос задрал».

Кровь отхлынула от щек.
Прочь покой.
«Может, встретится еще
Друг с майрой.¹

Уж тогда прощай жених
Навсегда.
Есть красавицы среди них.
Вот беда!»

Сердце девушки стук-стук,
И она
Наколола палец вдруг—
Кровь видна.

Палец — в рот, конец шитью.
«Ох, злодей!»
А рубашку — на скамью
Поскорей.

Отдышалась. «Не пойму,
Где тетрадь...
Надо нынче же ему
Написать!»

* * *

«...Словом, белый лист черня,
Я пишу...
Без тебя не вижу дня.
Верь, прошу...

Шлет тебе салам колхоз
В дальний край,
Поздравлений целый воз—
Принимай!

---

¹ Майра—русская девушка.

Мне ж обычай вот какой
По нутру:
За уши тебя, родной,
Я беру

И целую много раз
Храбреца...
А теперь читай рассказ
До конца.

Хвастать нечем мне пока,
Но — расту.
Поднялась на три вершка
В высоту.

Раньше трактор я вела,
А сейчас
За комбайнера пошла —
Выше класс.

По-хасановски ходил
В бой Сумбай,
По-ударному косил
Мой комбайн.

Нами держится весь мир.
Так ведь, да?
Знай, тобой, мой командир,
Я горда.

Мы по-старому живем...
Приезжай
К той поре, как соберем
Урожай.

Если верность кое-кто
Сохранит,
То его здесь кое-что
Удивит.

Выдам тайну до конца,
Так и быть!

Постараюсь молодца
Наградить.

Коль вернется холостым
К Октябрю,
Рукоделием своим
Одарю.

Много девушек теперь
Едет к вам...
Будь же верен мне и верь,
Друг мой, сам.

Тот герой, кто и любовь
Бережет,
Как страну, которой кровь
Отдает.

А изменщик?..— На груди
Ордена,
Да душа, как ни крути,
Всем видна!

Что ты скажешь, дорогой?
Верен взгляд?
Не давали мы с тобой
Страшных клятв,

Но тебя я только жду—
Это знай.
Зреют яблоки в саду...
Приезжай!

Как ответить мне, какой.
Стала я?—
Нужен не листок такой,
А статья.

Изменилась?— Да, мой друг.
Жизнь идет.

Все меняется вокруг,
Все растет.

Кое-кто у нас в селе
Стал мечтать,
Как Ангелина, в Кремле
Побывать...

Написала я длинно—
Выходной...
Вот бы вечером в кино
Нам с тобой!

Поскорее свой ответ
Мне пришли.
Комсомольский привет!
Н а т а л и ».

* * *

Погадала, как ей быть:
«В клуб пойти?
Вот письмо бы опустить
По пути...»

Что ж,— подумала она,—
Решено!
Хорошо ли убрана
Для кино?

Разглядев своих волос
Завитки,
Недовольно морщит нос:
Коротки!

Две бороздки меж бровей
Натали.
Что за думы там их ей
Провели?

А смотреть со стороны—
Егоза.

Ум и смелость в ней видны,
Смех в глазах.

Птицей к зеркалу с шитьем—
«Поглядим!»
Что-то вспыхнуло огнем
На груди.

Подбородком воротник
Придержав,
Потянула в тот же миг
За рукав.

Словно флаг, горит не зря
Полотно:
Жизнь, любовь, огонь, заря—
Все красно!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

тепно, мерно день за днем
Сменяются в начале лета.
Прополкою, на яровом
Все бабы заняты с рассвета.

Мужчины поднимают пар,
Клуб ремонтируют, толкуя,
Пришлет ли нынче Шубашкар¹
Своих артистов к агадую².

Илле в конюшне. Без конца
Скребет и холит Ургамеха,
Зато и шерсть у жеребца
Блестит на солнце, словно бляха.

Рысак на прошлый агадуй
Легко взял первый приз в районе.
Что скажет в нынешнем году?..
Навряд ли есть резвее кони.

Он серый, в яблоках. Горяч.
Заржет — звенит в избе посуда.
На волю вырвется и — вскачь!
Не конь, а сказочное чудо.

¹ Шубашкар—Чебоксары.

² Агадуй—традиционный весенний праздник—«свадьба плуга».

Его копыта — что ковши,
Долбленные из корневища.
Ударит — камень сокрушит.
В ковыльной гриве ветер свищет.

Завидя издали кобыл,
Раздует ноздри, выгнет шею
И вдруг взовьется на дыбы,
Играя силою своею.

Илле красавца-жеребца
На волю вывел — поразмяться.
Тот с воза пожевал сенца,
Потом заржал и ну — валяться.

Илле налил ему воды
И долго ждал, пока напьется.
Но чуть коснулся до узды,
Конь змеем взвился у колодца.

Мужик ругнул его: «Балуи!»
Скребок бока ему почистил...
Да, скоро, скоро агадуи,
Когда на старте грянет выстрел!

* * *

Жар. Бабушка и внучка дома.
Старуха над чулком корпит,
А внучка над любимым томом:
Взялась перечитать «Нарспи».

Перед взором не страницы—
Люди, судьбы их, года...
«Звонко с желоба струится
Родниковая вода...»

«За водой идет девица,
На тухье¹ горит коралл...»

¹ Тухъ я — девичий головной убор в виде шлема, расшитый разноцветным бисером.

Том захлопнулся у чтицы,
Звонкий голос прозвучал:

«Хочу спросить я, азанне,
А что это за вещь — коралл?»
«Да бисер из морских камней.
Тухью видала? Вот на ней,
Бывало, кто ни вышивал
Из этих камешков узор...
А то еще и весь убор
Из них был: камни покрупней
На бусы, на браслеты шли.
Носили их, кто познатней,
И пуще глаза берегли.
Есть желтый, розовый коралл,
А чаще, словно кровь, он ал...»
«Голубка азанне, тухью
Ты не покажешь мне свою?»
«Тухью? На что тебе тухья?
Подружек хочешь удивить?»
«Коралл хочу увидеть я...»
«Ну что ж, достану, так и быть.
Проветрить кстати, просушить...»

У старухи на цепочке
Уйма ключиков, ключей.
Где-то короб на замочке.
В нем приданое у ней.

Бабка связкой позвенела,
Ключик, нужный ей, нашла.
Не откладывая дела,
Поднялась из-за стола.

Натали рукою машет:
Что-то пальцы затекли...
«Совершив учук¹, чуваш
На луга косить пошли...»

---

¹ У ч у к — полевое моление чуваш-язычников.

Вновь загадочные строчки.
Что бы значили они?
Натали, прочтя до точки,
Ждет прихода Сабани.

Та вошла, неся охапку
Серебра, сукна, холста.
Виден шубор¹, лисья шапка
И расшитая фата.

Сверху что-то вроде шлема.
То тухля, как жар, горит.
«Вот, разложим на столе мы...»—
Бабка внучке говорит.

Шельгеме², хушпу³ тут были,
Сары⁴ — всякое добро.
На иных вещах от пыли
Потускнело серебро.

Натали, еще не глядя,
Но услышав стук дверей
И шаги старушки сзади,
Обратилась тут же к ней:
«Скажи, ты знаешь что такое
Учук? Прочла, а не понять». —
И, щеку подперев рукою,
Уткнулась в томик свой опять.
«Вон что ты вспомнила. Учук!
Учук — моление. На луг,
Поближе к речке, в ясный день
Сходились мы из деревень.
Жаль, память стала коротка...
Кололи, помнится, быка,
Водою окатив сначала,
Чтоб он встряхнулся и богам

¹ Шубор — летний женский кафтан с борами.

² Шельгеме — нагрудное украшение из серебряных монет.

³ Хушпу — головной убор замужней чувашки из серебряных монет.

⁴ Сары — богато вышитая набедренная повязка.

Угодна наша жертва стала
И боги подобрили к нам.
Потом, прося добра народу,
Молитву наш чукпусь¹ творил...
Не помню, что он говорил,
Лицом оборотясь к восходу,
Но помню, яства он крошил,
Плескал он жертвенное пиво
На луг, где весь народ стоял.
Так он усопших поминал,
Чтоб им и нам жилось счастливо...
Когда готов был суп и каша,
К котлу и бочке шли чуваша.
Всем выдавал старейший долю,
И ели мы и пили вволю...
Потом водили хоровод,
Невест высматривали парни—
В учук знакомился народ...
Вот вспомнилась какая старь мне,
Совсем заговорила я.
Взгляни-ка, вот она, тухья!»
Лишь сказать она успела,
Встрепенулась Натали,
На кулак тухью надела,
Руки пачкая в пыли.

«А где ж коралл тут, азанне?»
«Да весь узор — коралл к кораллу».
«Макушка тоже?»—«Да!»—«А мне
Тухья к лицу была б, пожалуй...»

Пыль с тухьи смахнув платком,
Натали бочком, бочком
К зеркалу подобралась
И примеркой занялась.
Что-то чувствует она,
Чем душа ее полна?
У какого же народа
Шлема ратного подобье

---

¹ Чукпусь—жрец.

Детской прихоти в угоду
Надевают? Смолкли обе.
Видно, бабке Сабани
Вспомнились иные дни.

«Ай-вай, красавица моя!
Такой точь-в-точь была и я...»
«Ты про Нарспи слыхала?»—«Да.
Не часто в прошлые года
Чувашки замуж выходили
За тех, кого они любили.
Но все-таки, кто посмелей,
Те сами выбирали мужа.
Не то сиди да слезы лей.
С немилым жить — нет доли хуже.
Сама я смелая была.
Росла далеко, за Пюлером,
А замуж вон куда пошла...
Твой дед был ловким кавалером.
Хоть и за сотни верст село,
А счастье все ж ко мне пришло...»

Натали не до примерки,
Замечталась и старушка,
Из старинной табакерки
Табаку берет понюшку.

«Вот как чихнула!»—«Будь здорова!»—
«Спасибо, милая... А, к слову,
Ты видишь, правда-то моя!
Все, все как было помню я.
Был дед красавцем... Всякий скажет.
В Пюлер на ярмарку привез
Свои изделия на продажу...
Гребенки, прялки — целый воз.
И я была там. Покупала
Веретено. Как глянул он,
Так, помнится, мне жарко стало.
Не вижу я и веретен.
Не знаю, как я торговалась:
Другое было на уме.

Дед уговаривать умел—
Я так у воза и осталась.
Поладили мы с ним, но все же
Меня, я помню, горе гложет.
Я некрещенная была,
Семья б меня не отдала.
Мне горько, внученька, до слез,
А дед твой подступил всерьез;
Веди к отцу, мол, Савнэби,—
Меня так звали до венчанья.
В ответ я: «Дела не губи—
Напрасны все твои старанья...»
Как поступить? Решилась я:
Прощай отец, прости, семья!..»

«Как интересно, азанне!»
«Постой-ка, дай закончить мне!
На пароход мы сели с дедом,
Сюда приплыли. Здешний поп
Нас не венчает. Впору в гроб
Ложиться девке. Парню — следом.
Как туча свекор, а свекровь
И не скрывает нелюбовь.
С ума, мол, спятил мой сынок,
Язычницу нам приволок,
Мол, осрамил на всю округу...
Чего не стерпишь ради друга!
Проплакав ночь, я покорилась
И в старой кадке окрестилась.
Все тихомолком от родни,
Чтоб уж одна была обида.
Мне дали имя Сабани,
По-письменному — Степанида.
Когда мы кольцами менялись,
Набились в церковь стар и млад.
А после на чувашский лад
Мы свадьбу справить постарались.
Чтоб не гневить богов Пюлера,
Сняла я перед свадьбой крест...
Да, много было нас, невест,
Менявших ради друга веру...»

Потом в семье меня простили,
Как водится, благословили
И стали в гости наезжать—
Отца уговорила мать...
Как заболтались мы с тобой.
Прости меня, о Пюлех мой!»

Усмехаясь, наша бабка
Свой наряд взяла в охапку.
Тут до слуха Натали
Звуки музыки дошли:
Кто-то вышел в сад со скрипкой.
Внучка молвила с улыбкой:

«Уж не роятся ль пчелы нынче?—
На скрипке кто-то заиграл...»
«Да это дед... Его обычай...
Чтоб рой от нас не улетал,
Он скрипкой услаждает матку.
Да как, хитрец, играет сладко!..»

* * *

Шутке — время, делу — срок.
Бабка вышла за порог.

Не прошло пяти минут,
Щелкнули калиткой.
Кто же это ходит тут,
Шаг уж больно пряткий.
Натали глядит в окно,
Видит: некто в шляпе.
Кто бы это в выходной?
Может, с делом к папе?

Парень в комнату вошел.
Держится свободно.
Молод. Выбрит хорошо
И одет он модно.
Стал в дверях на ветерке
С чемоданом желтым,

Поставь-ка душу на треножник:
Любуйтесь, мол, как хороша!
Не всякому откроешь сердце,
Вот и таится братец наш.
Парнишка, надо думать, с перцем,
И, видно, страсть его — не блажь».
«Ах, Герман, до чего ты черный.
Давай-ка, я тебе полью...»
«Загар такой... высокогорный...
Бродяга я. Ходить люблю.
Быть может, ветер черноморский
Мне кожу выдубил. Ведь он
Пропитан солью по-матроски
И южным солнцем прокален.
Люблю, сестра, волну морскую,
Когда, как черный ургамах,
Откинув гриву, всю седую,
Летит на скалы во весь мах.
Мне по душе и ураган,
Ломающий с налета ветки.
Быть может, в том виновны предки,
Ведь как-никак — я Аптраман.
В моей крови закваска та же,
Что и у пращуров моих
Бродила в жилах, то на кряжи
Высоких гор бросая их,
То посылая в даль морскую
С веслом на грудь волны крутую...
А, может, на моем лице
Лежит простая пыль с обочин.
Пусть! Я не этим озабочен.
Я стосковался по отце,
По маме, по тебе, сестренка.
Сюда, в родимую сторонку,
Случись, пешком бы я пошел...
Здоровы все — все хорошо!»
Гость раскрыл свой чемодан
Из тисненой кожи,
Мыльницу достал, стакан,
Полотенце тоже.

Рассердилась Натали.
Ну и братья, мол, пошли:
Лишь порог переступил,
Выкинул коленце—
У сестры не попросил
Даже полотенце.
Подает она свое.
Слезы в голосе ее:

«Взгляни-ка, может, лучше это?»
«Еще бы! Вышито, да как!
Скажи, сестренка, по секрету,
Кто вышивал?»—«Сама».—«Ах так!
Не ожидал я... Молодчина!
Вот мешкелле, вот хандысла¹...»
«Ты удивил меня: мужчина,
А знаешь женские дела!»
«То не бог весть какая штука.
Так требует моя наука».

Дверь—шелк! Примолкли вдруг они—
В избу вернулась Сабани.
«Тсс!»— Натали шепнула брату
И подмигнула воровато.

«Что вижу, внучка! Гость к тебе...»
«Мой кавалер!»—«И правда, вроде.
Не зря молва идет в народе,
Что суженый придет к избе».
«А мой и в дом вошел, как видишь...»
«Молчи-ка лучше! Вижу я,
Что велика тебе тухья...
Ты больше из дому не выйдешь!
Тебе такая ль речь к лицу?
Вот погоди, скажу отцу...»
«День добрый, бабушка!»—«Как, как?
Мой внук?.. Ну да, Кервеня голос!
Ах, сердце чуть не расколосось...
Вон весь просыпался табак.

---

¹ Мешкелле, хандысла—названия приемов вышивания.

Вот слепота: ждала, ждала,
А за чужого приняла...»

У старушки от волнения
В горле словно ком застрял.
Плачет. Шепчет в умиление,—
Вот какой он, внучек, стал.
Внук и сам вот-вот всплакнет,
В шутке ищет он исход:

«Скрепи ты сердце, азанне.
Пускай еще оно послужит.
Табак — пустяк. Ничуть не хуже
И тот, какой достался мне.
Вот. Забирает он до слез.
Я только для тебя и вез...»
«Мне?! Как же не любить тут внука!
Ах, чтоб далась тебе наука,
Да чтоб тебе богатым быть!..
Ну, Натали, давай кормить!»

* * *

Мигом в кухне закипело
У старушки нашей дело.
Брат с сестрою той порой
Разговор заводят свой.

«Скажи мне, Герман, почему
Она зовет тебя Кервеном:
«Кервень, Кервеню моему...»
«Давай пластинку переменим...»
«Нет, видно, больше ты любим!»
«А ты ревнуешь?»—«Да».—«Напрасно.
Не все ли мы о тех твердим,
Кто вдалеке сейчас? Но ясно,
Что сердцу бабушки равно
Любой из нас, из внуков, дорог...»
«Ах, Герман, ты не слишком зорон,
А я заметила давно...»
«Ну, раз ты следопыт такой,

То сдать будет мне полезней.
Так вот послушай, от болезней
У нашей матушки родной
Скончались до меня три сына.
Взяла тут бабушку кручина.
Решила в простоте она,
Что виноваты имена.
Когда явился я на свет,
Она сама дала мне имя:
Мол, надо называть своими,
Коль от церковных проку нет.
Отец потом просил попа:
«Дай, чтоб с Кервенем было схоже...»
Крещение обошлось дороже,
Зато я в Германы попал.
Теперь, чтоб бабушкину веру
Не подорвать, придется мне
Жить не положенную меру,
А сверх положенной вдвойне.
Вот все, что знаю я про имя.
Сменить бы тему нам пора.
Давай займемся-ка твоими
Делами, милая сестра».
«Их нет пока. Гуляю много...
Не давит мне на плечи груз.
Мне очень хочется дорогу
Пробить вслед за тобою — в вуз».
«Ах, вот что! Ну, прольешь ты пот.
Зато экзамен сдашь и — панствуй!»
«Что значит, объясни, же манство?»
«Жеманство? Как сказать? Да вот...»

Герман голову откинул,
Испустил какой-то стон
И такую сделал мину,
Будто высосал лимон.

«Я, Герман, что-то не пойму».

«Ну как тут не понять: кривлянье,
Манерничанье... Но к чему
Спросила ты?» — «Борюсь за знания».

«Онегина» вчера прочла
И кое-что не поняла.
Но ты мне о себе скажи.
Не трудно ли в аспирантуре?»
«Не легкая, признаться, жизнь.
Сейчас я ожидаю бури:
Защита на носу...»—«Да, да!
Пронесся слух в округе нашей,
Что ты историю чувашей
Почти закончил...»—«Ерунда!
Об этом мне и думать рано.
Хоть я из рода Аптрамана,
И унывать мне не к лицу,
Но никакому молодцу
Не хватит сил в четыре года
Создать историю народа.
Раскрыть хотя б одну эпоху—
И то уж было бы неплохо!»
«Я вижу, ты все ближе к книгам,
Схожу за папой...»—«Сам вернется.
Уж полдень...»—«Это — как придется.
Не знаешь ты его... Я — мигом!»

* * *

Герман в комнате один.
Аспирант, крестьянский сын,
Отчего он нервно ходит,
Словно места не находит?
На стенах портреты в рамах.
Мягко смотрит Иванов.
Лезут в голову упрямо
Строки из его стихов.
Западают прямо в душу
Эти строфы о минувшем.
Герман медленней шагает,
Вспоминает, размышляет:
«Я не был здесь четыре года,
И в памяти моей жила
Изба курная с низким входом,

А дом-то новый... Вон смола
Стекает, словно капли меда,
И пахнет, как в бору!.. Дела!
Тут сажу и в помине нет.
Ты рад, наверное, поэт?

В газетный заглянув столбец
Сегодня утром, вдруг читаю,
Что открывает мой отец
Музей: «Последняя курная
Изба в районе...» И светец,
И кочедык, и сошка, знаю,
Нашли себе местечко в ней,
Забившись в угол потемней.
Да. Наши дни — рубеж эпох.
Немного лет еще минует,
И про избушку про курную
Забудут люди... А не плох
Вид из окна... Что ж, может, здесь
И этих новых изб не будет,—
Дворцы себе воздвигнут люди.
Их можно избам предпочесть...
А все же с запахом таким
Я ни за что бы не расстался...
Родимый край, как стосковался
Я по лугам, полям твоим!»

* *
*

Просушить, проветрить вещи
В сад выносит Сабани.
Лист на яблонях трепещет,
Сливы прячутся в тени.

Радость в сердце у старухи.
День ей кажется светлей.
Но листва да сучья глухи—
Поделиться не с кем ей.

«Может быть, открыться деду?
Вместе ждали столько лет...

Нет, пускай уж до обеда
Ничего не знает дед...»

Но минут с пяток, пожалуй,
Потерпев, пошла она:
«Гость у нас там, я слыхала...
Не сиди тут до темна».

«Что за гость, скажи на милость?»
«Не скажу, увидишь сам...»—
И с улыбкой удалилась.
Дед смекнул — и по пятам.

«День добрый, дедушка!»—«Ах, внучек!
А старая сказала «гость!»
Откуда столько в ней колючек!
Устал ты? Голоден, небось?
Не чаял я тебя увидеть.
Да, верно, счастью с молодцом
Жаль расставаться... Вишь, обидеть
Не захотело пред концом...»
«Перед концом? Но ты не болен,
Ты крепок, дедушка, пока...»
«Эх, внучек, жизнь не в нашей воле.
Земля взманила старика».
«Так рано?»—«Шутишь ты, наверно.
Восьмой десяток мне идет.
Пошаливают, как их... нервы,
И сердце старое сдает.
Да что уж обо мне... я древний...
Таким все жребии равны...
Ты Расскажи-ка о себе мне.
В какие вышел ты чины?»
«Учусь я, дедушка...»—«Не много?»
«Мне очень много надо знать.
Народа нашего дорогу
Хочу я в книге описать».
«А говорили книгу нашу
Давно корова сожрала...»
«Напишут новую чуваша...»
«Ну дай вам бог... Дела, дела!»

А что, фамилия твоя
Все Аптраман или иная?»
«Все Аптраман, и не сменяю
Ее ни на какую я».
«Добро, добро! И на обложке
Проставь ее, родню уважь.
Беды в том нет, что мы — от сошки.
Наш предок добрый был чуваш.
С французской, почитай, войны
Идет наш род; в тот год с Наплюном
Россия билась. Без вины
Он объявил тогда войну нам.
Скажу тебе без похвальбы,
Что дед мой крепко отличился.
Под гомон труб, под гром пальбы
В самом Париже очутился.
Своею собственной рукой
Наплюн поднес герою шашку,
Но получилась тут промашка—
Не принял пращур дар такой.
«Благословение чужое
Мне сил,— сказал он,— не придаст».
Тот: «Что такое? Что такое?»
Перевели ему отказ.
Наплюн, весь красный от позора,
Как спичку, шашку ту сломал,
Сверкнул на деда гневным взором
И прочь от фрунта ускакал».
«Скажи, как срезал. И кого!
Ведь самого Наполеона!»
«Да, да. Наплюна самого...»
«Медаль, что сделалась зеленой,—
Она не деда твоего?»
«Его, его. А крест Ягура,
Тот мой... за дело против турок...
Не забывай, что дед Хеведер
Солдат-то не простой — ехветер!»
«Ефрейтор, дедушка!»—«Ну, пусть.
С тобой я спорить не берусь.
Тебе, вон, чин ученый дан...
Но все-таки ты Аптраман?»

«Конечно, дедушка, конечно!»
«Так молодец ты, я скажу.
С дороги-то устал, сердечный.
Постой, я за медком схожу».

* * *

Только вышел дед с кувшином,—
Напою, мол, внука влать, —
В избу чуть не половина
Ярмухальцев собралась.
Уж таков обычай здешний,
С давних пор так повелось—
Поприветствуют сердечно,
Коль приехал дальний гость.
Родичи со всей округи
Соберутся иногда.
Школьные друзья, подруги
Вспомнят прошлые года.
Дети их набьются в сени,
На крыльце займут ступени,
А иной в избе пищит.
Слышится: «кукки», «пичи»¹.
Вдруг народ посторонился,
Герман просветлел лицом.
То Илле с Паллей явился,
Обнялись сынок с отцом.
Покатилась, заблестела
На щеке Илле слеза,
И, такое видя дело,
Отвела родня глаза.

«Заждались мы тебя... Надолго?»—
«Там будет видно... поживу».
«Хоть лето отдохни-ка с толком.
Не украдут твою Москву...
Не бойся — трудодней не спросим.
С Паллей теперь мы пашем, косим...»

---

¹ Кукки — дядя по матери, пичи — дядя по отцу.

Бросив взгляд по сторонам:
Видят ли его ребята,—
Младший брат в тот миг салам
Пионерский отдал брату.

«Ну, как живется, пионер?»
«Да ничего...»—«И только? Слабо!
А я-то думал, ты в карьер
Летишь вперед. Ведь нет ухабов...
Зимой, должно быть, в комсомол?»
Илле сказал: «Еще не видно.
В восьмой-то с тройкой перешел.
По русскому она...»—«Обидно,—
Заметил Герман.— Ну, а как
Твои картины? Что рисуешь?»
«Я не рисую... Только так...
Балуюсь...»—«Нет, брат, не надуешь!
Мне все сказала Натали...»

«Ты языком-то не мели!»—
Крикнул грозно младший брат,
Заприметив в этот миг
Натали (та шла назад
Со стопою новых книг)—
Погрозил ей кулаком
И пустился прочь бегом.

«Что такое? Это ново!—
Морщит брови Натали.—
Отчего Палля взволнован?
Чем тут парня допекли?»

Рядом с девушкой другая
Встала, словно помогая
Ей присутствием своим:
Друг за друга, мол, стоим!

Объяснил Илле причину.
Улыбнулась Натали.
«Вот уж, право, дурачина!»
И к подруге:—«Ну, пошли!»

Но уйти не удалось им:
Появилась Кулине.

Только взгляд на сцену бросим,
О которой трудно мне
И сейчас писать, хоть много
Утекло воды с тех пор.
Так же нынче я растроган,
Как в тот миг, когда мой взор
Обнял женщину, что руки
Протянула: «Ах! Сынок!»
Сколько радости и муки!
Струйки слез в морщинах щек.

Обнял Герман мать, погладил
Материнское плечо.
Сам с трудом с волнением сладил.
Видно, сердцу горячо.
Ради истины отмечу,
Что глаза его смогли
Разглядеть при этой встрече
И подругу Натали.

Та заговорила первой,
Смело встретив долгий взгляд:
«Хорошо ль доехал, Герман?
Сесть не просто, говорят...»
«Тамара?»—«Будто бы...»—«Турхан?...»—
«Пока что верно, Аптраман!»

Девушки захохотали
Так, что зубы засверкали,
И довольные ушли
В комнатнушку Натали.

Кулине уже хлопочет:
«Сын-то есть, наверно, хочет...»
И, заботою полна,
В кухню кинулась она.

Стала будто вдруг моложе.
Ходит, говорит быстрее.
Чуть помедлив, Герман тоже
В комнату вошел к сестре.
С медовухой — первый сорт! —
Дед Хеведер возвратился.
Чтобы дед с пути не сбился,
Следом шествует эскорт.
Это Сабани. Присела
Наша бабка у стола.
Видно, что в холстине белой
Что-то грузное внесла.

Дед Хеведер буркнул глухо:
«Стол-то ты покрой, старуха!»
«Вышитую постелить?»
«Что ж, ученых нужно чтить.
Все мы скоро, ты пойми,
Станем важными людьми.
Что ни говори — порода!
Крепкая у нас природа.
Корень, стало быть, такой.
Видишь, даже книжник свой!»
«Это я уже слыхала.
Ты, видать, успел хлебнуть?»
«И откуда ты узнала?
Я и выпил-то чуть-чуть.
А не выпить в день подобный
Было б грех, сама пойми.
подавай закуски доброй,
Сыру в погребе возьми...»
«Вот ширтан¹ поберегла я...»
«Ну-ка, не протух ли он?»
«Что ты! Я не молодая,
Чтоб терпеть такой урон».
«Знаю, знаю: мастерица
По ширтану ты у нас.
Хоть сто лет он сохранится...
Вот попробуем сейчас...»

---

¹ Ширтан — род колбасы из баранины.

Тут старик увидел сына
И смущенно замолчал.
Налил в ковшик: «По единой! —
Для Кервеня я достал».

Отыскал потом он внука
В комнатушке Натали.
«Ну-ка, милый, за науку!»
Выпил. Девушкам налил.
У него один обычай:
Встретил жбан ты — значит, гость.
И стыдливости девичьей
Уступить ему пришлось.

А в избе гостей не меньше.
Все родные собрались.
Голоса мужчин и женщин
В тихий ровный гул слились.
Кулине снует по дому.
Ей такие дни знакомы,
Ей уже не привыкать
Полдеревни принимать.
Молодежи на потеху
Принесла она орехов,
Все проверив на столе,
Подала сигнал Илле.

«Чтоб сковорода не стыла, —
Заявил Илле гостям, —
В самый раз бы, други, было
За обед садиться нам».

Стулья разом загремели,
Земляки к столу подсели,
А приезжий Аптраман
Открывает чемодан.

Первою почтил он мать —
Шаль ей преподнес в подарок.
«Шерсть верблюжоя, видать,
Да и цвет хорош — не марок...» —

Так подумав про себя,
Сыну Кулине сказала:
«Некому бранить тебя!
Шаль рублей, знать, во сто стала!»
Но ворчанье Кулине
Никого не обмануло.
Взором так она сверкнула,
Шаль так бережно свернула,
Что подумалось и мне:
«Вот счастливая вполне».

Вслед за тем наш гость отцу
Преподнес мохнатый свитер.
Все нашли, что он к лицу,
А Илле слезинку вытер
И сказал: «Спасибо, сын,
Но, пока ты не профессор
И живешь, как перст, один—
В тратах мало интереса.
Ну, почтил бы, скажем, мать,
Я же мог и подождать...»

Герман вынул старикам
Теплых шлепанцев по паре.
Дед сказал: «Спасибо, парень,
В самый раз нам... по ногам...»
Бабка встала, говоря:
«Разорился, внучек, зря...»

Любопытные подружки
Шепчут на ухо друг дружке:
«Очередь за Натали»,
А бедняжку Натали
Ноги сами унесли.
Брат с улыбкой наклонился
К чемодану своему,
В уголке его порылся:
«Ну, а это вот кому?»—
Он извлек на белый свет
Синий фетровый берет.
«Натали, возьми свою

Современную тухью!»
А у той глаза горят.
Подошла: «Спасибо, брат!»
Этот дар с особым жаром
Похвалила и Тамара.

В этот миг Палля вернулся.
Был он все еще сердит.
Старший брат опять нагнулся:
«Это вот тебе, джигит!»

В серебре, с кистями чудный
Горский пояс он достал.
Передать словами трудно,
Как парнишка просиял.

«Что художник ты — не знал я, —
Старший младшему сказал, —
Репродукцию б достал я...
Есть одна... «Девятый вал» —
Айвазовский рисовал...»

Карие глаза Палли
На бедняжку Натали
Ярый гнев метнули снова.
Та притихла — ни полслова.

«Не художник я», — сердито
Брату заявил меньшей.
«Ладно, ладно... хорошо...
Ишь какой ты ядовитый!»

Не художник ты, так что ж —
Спорить мы с тобой не будем.
Дело ты всегда найдешь,
Коль добра захочешь людям».

* * *

«Стол заждался вас! Садитесь!» —
Бабка с дедом говорят.

Гость, сказав «не торопитесь»,
Ставит розовый мускат.

На свету вино в бутылке
Ярким вспыхнуло огнем.
Вместе с южным солнцем пылким
Море, горы, ветер в нем.

«Уж не сок ли виноградный?»—
Внука спрашивает дед.
«Он как раз...»—«Какой нарядный
У него на солнце цвет!»

И с присловием хвalebным
Дед подносит Сабани:
«На-ка вот шербет целебный,
Не пугайся, отхлебни.

Это сок из ягод сладких.
Их уж пробовали мы.
Как-то я купил в палатке
И привез вам из Юхмы.

Помню, ты еще ворчала,
Что, мол, зелены они,
А потом, что взял я мало,
Докучала — вспомяни.

«Ягоды твои я помню.
Что ворчала — отрекусь...»
«Суть не в этом. Важно что мне?
Важно, что узнала вкус!»

* * *
Час, больше ли прошло — не знаю.
Шел пир горой, как вдруг вбежал
Иван Исаевич Самаев.
Илле ему навстречу встал.

У ярмухальских коммунистов
Самаев был «старшим». Народ
Любил его. Он был неистов,
Когда громил кулацкий сброд.

На лбу высоком след от пули
Колчаковской носил Иван,
Ходил он, спину не сутуля,
На всякий праздник был он зван.

Кто знал весь путь его неровный,
Тот шрам красивым находил,
Народ, шутя над ним любовно,
Рубец медалью окрестил.

Во время споров на собраниях,
Когда гудит весь Ярмухаль,
Нет-нет и обратят вниманье:
Не покраснела ли «медаль».

А шрам краснел довольно часто:
Болея за колхоз душой,
Народ стал нынче языкастый,
Но не терялся и «старшой».

Он в председателях артели
Бессленно ходит с давних пор.
Стремится он к заветной цели
И лодырям дает отпор.

Мечтой он делится со всеми:
«Впряжемся дружно в общий воз,
Чтобы в ближайшее же время
Миллионером стал колхоз».

Настойчив, деловит Самаев,
Присловье ходит про него,
Что сын покойного Исая
Всегда добьется своего.

Он дружит с домом Аптраманов.
С Илле хыйматлахи¹ они:
Илле стал за отца Ивану,
За бабуку стала Сабани.

Хеведеру четвертым внуком
Самаев стал. Доволен дед.
Не зря симпатию к Верук он
В душе скрывает много лет.

Верук вы помните, конечно,
Прошло, пожалуй, года три
С тех пор, как другом ей сердечным
Стал средний сын Илле Эндри.

Мелькают весны без отсрочки.
Судьбы никак не миновать.
Верук — единственную дочку,
Все горячей жалеет мать.

В чужое дальнее селенье
Отдать она не хочет дочь.
Эндри?.. Какое же сравненье...
Тогда бы все печали прочь.

Две матери, как тут ведется,
Когда пути их совпадут
У речки или у колодца,
О детях разговор ведут.

Ну, что, мол, пишет ваш служивый?
Не обещает побывать?
Такую ж, впрочем, речь могли вы
В любой деревне услышать.

По нраву ль парням и невестам,
Когда вникают в их дела,
Не знаю я, но повсеместно
Открыто жизнь их потекла.

---

¹ Хыйматлах — определение родства.

Меж сыновьями и отцами
Нет, видно, распрей никаких.
Фата и плеть с шестью концами,
Сурбан — давно не видно их...

Иван Самаев, о котором
Повел я издали рассказ,
С которым вновь сведу вас скоро,
Зовется и Юлдаш у нас.

Он вечно, кстати и некстати,
Будь русский ты или чуваш,
Будь незнаком с ним, будь приятель—
Всех по-простому звал «юлдаш».

Так вот Юлдаш-Самаев этот
Влетел в гудящую избу
И после первого привета
Сказал, как протрубил в трубу:

«Не лишний я?.. Ба, Герман, ты ли?
Да что же это ты, юлдаш,
Шагал пешком по здешней пыли?
Иль стал уже совсем не наш?»

«Я на телеге...»—«На чужой-то!
Что ж телеграмму нам не дал?
А наш рысак на что? Какой ты!..
Скандал, юлдаш, большой скандал!

Ведь полсела вас, Аптраманов.
С какой душой я, сам пойми,
В глаза теперь смотреть им стану,
Чем оправдаюсь пред людьми?»

«Вас беспокоить не хотелось.
Кругом, я думаю, дела...»
«Дела! Когда их не имелось...
Их, брат, на два таких села!»

«Прими, Иван, да выпей малость», —
Прервал Илле его слова.
«Нет. Дел еще полно осталось.
Закружится, брат, голова».

«Не унывай. Ты ковш одюжишь,
А тут всего один стакан!»
«Тебе-то что! Лишь двор... К тому же
Ты и по званию — Аптраман».

Тебе бы сто дворов-то в руки,
Тогда бы пил я да молчал!»
Самаев выпил медовухи
И головою покачал.

«Ну, дед, видать, твоя работа.
Как ты добился? Дай совет.
Заборист твой медок...» — «Да что ты?» —
Невинно удивился дед.

В окошко громко постучали
И чей-то голос произнес:
«Илле! На сходку!» — Гости встали —
«На сходку? В полдень? Что стряслось?»

Самаев распахнул окошко:
«Постой, юлдаш, о чем она?»
Запнулся тот на ровной стежке,
И все услышали: «Война!»

* * *

Тяжелым камнем слово пало.
Занозой весть впилась в сердца.
Все смолкло. Как рукою сняло
Улыбку с каждого лица.

В углу запричитала бабка:
«Неужто тесен людям свет?»

У Кулине упала тряпка.
«Ах, дети... Детям жизни нет...»

«Да кто напал?»—«А с кем война-то?»
И тут вошел Хеведер в раж:
«Кто б ни был, раз полез, проклятый,
Бей!— пусть кулак почует наш!»

Самаев крикнул: «Так, юлдаш!»

РОДНАЯ ВОЛГА

1

ушает грозная стихия,
Все изменяя что ни день:
Дела и помыслы людские,
Быт городов и деревень,

Границы стран, племен, наречий,
Настрой умов, сердец накал...
И неожиданные встречи
Сулят то пристань, то вокзал.

В те дни Семен Эльгер¹ Купалу,
Как брата, принял у себя.
Грустил певец, ночей не спал он,
О Белоруссии скорбя.

На берегу реки могучей
Родимый Неман видел он,
Над ним разорванные тучи
И в сотнях зарев небосклон.

Где дом его, архив и книги?
Везде огонь встречает взгляд.
Быть может, в нем под хохот дикий
И письма Горького горят...

Но видел славный друг Эльгера
Бойцов в глуши родимых пущ.

---

¹ С. Эльгер (1894)—народный поэт Чувашии.

Он жил одной с народом верой,
Он знал: народ наш всемогущ...

Те ночи помните вы сами:
Куда ни глянь — ни огонька.
Поэт с чувашскими друзьями
Беседовал у камелька.

Для всех желанный гость и боле—
Наставник добрый, он отнюдь
Не по своей пустился воле
В тяжелый, скорбный этот путь.

Терзало горе грудь Купалы.
Земля родная далека...
Эльгер — солдат, и понимал он,
Что угнетало старика.

И разгадав единове́рца
В собрате скромном без труда,
Купала сборник свой «От сердца»
Эльгеру подарил тогда.

От сводки к сводке жили в доме,
А между ними речь вели
О родине. О чем же кроме
Мы помышлять тогда могли!

Судьба и раньше двух поэтов
Сводила невзначай не раз:
Съезд, юбилейные банкеты,
Курорты наши — Крым, Кавказ.

Случалось поднимать им чаши
С армянским искристым вином, —
«За белоруссов!» «За чувашей!» —
За общим дружеским столом.

И вот теперь Эльгер Купалу
Пригреть от всей души был рад.

Не удивлялся тот нимало:
У нас народ народу — брат.

Хлопот хватало у Эльгера—
Звонков и прочей суеты.
Взять булку белую, к примеру.
Ну, как ее добудешь ты?

Но все-таки нашлись и булки,
И папиросы... Славный гость!
Как жаль, что в нашем переулке
Мне встретить Вас не довелось.

Я был далеко... В сердце с песней,
В руках с винтовкой я шагал
По темным просекам Полесья
И Ваши строки повторял.

Я шел к Востоку, оставляя
Израненную Беларусь;
И молчаливая, большая
В душе моей теснилась грусть.

Ее познал я не впервые:
Я вспомнил, как вошла в наш класс
Худая девочка Мария,
Что «беженкой» звалась у нас.

То были жертвы первой бойни—
Крестьяне, дети на возах...
До отрешенности спокойно
Глядели впалые глаза...

Мария Ромашкевич — с нежным,
Певучим голосом, с косой.
Она училась так прилежно,
Усвоив мой язык родной.

Стихи чувашские так мило
Она на свой читала лад;

А мне узнать занятно было,
Как белорусские звучат.

И вот когда Купалы имя
Я дивной сказкой услышал...
С воспоминаньями такими
По Беларуси я шагал.

Я шел к Востоку, чтобы в славе
Вернуться вновь на этот шлях,
Чтоб Вашей верной Владиславе¹
Сказать, что Вы у нас в сердцах.

Купала в путь не собирался—
Какие сборы под огнем!
В одном портфеле помещался
Багаж, что был тогда при нем.

А впереди еще дорога.
Кто знает, где конец пути?
До холодов уже немного—
Ледок на лужицах хрустит.

И нет ни шубы у Купалы,
Ни валенок — лишь М-1,
Что в переделках побывала,
Да разнарядка на бензин.

...Но вот к Эльгеру в дверь стучатся.
Открыл Эльгер, стоит и ждет.
«Простите... чтоб не обознаться...
Купала... Янка... здесь живет?»

Чуваш-рабочий в спецодежде.
Под мышкой сверток... Никогда
Эльгер его не видел прежде.
Уж не случилась ли беда?..

«Да, здесь Купала. Что ж мы стали...
Входите...»—«Нет, я тороплюсь...»

---

¹ В. Ф. Луцевич — жена Янки Купалы.

Вот валенки от нас Купале,
Да не малы ль они, боюсь...»

Но валенки Купале впору,
И шерсть — как пух, тепла, легка...
Чуваш ушел без разговора,
Чтоб не смущать, мол, старика.

Купала смотрит на подарок,
Рукой по валенку провел.
«Хорош, хорош... и цвет не марок...
Но где же гость, чего ушел?»

Ну, друг, спасибо... Вот уважил...
Пригрел бездомного...» — А сам
Глядит в окно, лица не кажет,
Потом платок поднес к глазам...

* * *

Вдруг, как будто для Купалы,
С переливом, с огоньком
Молодецкий запевала
Запевает под окном:

«Украина золотая!
Белоруссия родная!...»

Миг — и песню подхватили
Молодые голоса.
С облачком дорожной пыли
Песня взвилась в небеса.

На ремне винтовка... Скатка
Через левое плечо...
Котелок, мешок, лопатка...
Сердце бьется горячо.

Утром песню слышно дальше,
Но и вечером она,
Хоть упаришься на марше,
На полгорода слышна...

Головы, солдат, не вешай,
Не клони ее, устав.
Будь ты конный, будь ты пеший —
Пой, как требует устав!

И звенит, летя над строем
К низким тучам снеговым:
«Наше счастье молодое
Мы штыками оградим...»

Чуваши поют по-русски.
Ноша легче, шаг бодрей.
Не дадим врагу мы спуска,
Верь, полесский соловей!

* * *

Хоть далеко фронты, однако
Тот звук гундосый здесь знаком...
Прожектор выхватил из мрака
Крыло со знаком-пауком,

И вот видна та птица злая,
Что, сбросив смертоносный груз,
Уходит в тучи, подвывая,
Точь-в-точь как с поля битвы — трус.

Но днем и ночью, в сумрак сизый,
И на Москву, и на Восток
Идет тяжелых язв, зисов
И быстрых газиков поток.

В тот год чувашская дорога,
Что наши люди провели,
Держала высоко и строго
Былую честь моей земли¹.

И город мой не растерялся,
Услышав тот гундосый гуд.

¹ В довоенные годы Чувашия по дорожному строительству вышла на первое место в СССР.

Весь, как солдат, он подобрался
И взялся яростно за труд.

2

Ржет залиvisto и долго
Белогривый Ургамах,
Ветерка вдохнув, что Волгой
Многоводною пропах.

В круг слились, мелькая, спицы.
Ну и кучер, ну и нрав!
Тарантас летит, как птица,
На полсвета пыль подняв.

Все плывет перед глазами:
Небо, Волга и земля...
Кто же действует вожжами?
Ба, да это наш Палля!

В кузовке ютятся Герман
И Тамара с Натали...
«Брат, полегче: как бы нервы
Седоков не подвели!»

Девушки прижались к краю...
Герман — этот ничего...
Он не весел: провожают
Брат с сестрою в путь его.

И Тамара, молодчина,
Тоже села в тарантас.
Есть у девушки причина
В Шубашкар попасть сейчас.

Там как раз отец Тамары
Нынче сессию сдает.
Знания — свет, учитель старый
Копит их, как пчелы — мед.

Нынче Аполлон Иваныч
На заочный поступил.

День в трудах, вот только на ночь
Не хватает что-то сил.

Сдаст экзамены Тамара,
Глядь, экзамен у отца.
За ученье взялись с жаром,
И разлуке нет конца...

Кто б, читатель, в путь недолгий
Не собрался в ранний час,
Чтоб отца обнять и в Волге
Искупаться лишний раз?..

Может статья, у девчины,
Чтоб усестся в кузовок,
И еще была причина,
Но... прикусим язычок.

Кстати, Герман, лишь приехал,
Вновь собрался в долгий путь.
Все дела сегодня к спеху—
Не успел и отдохнуть.

Только-только повстречались
И расстаться вдруг пришлось...
Уж не это ли печалит
Их обоих — вот вопрос...

Между тем лихой наш кучер
Перестал вдруг погонять,
С козел спрыгнул и вдоль кручи
Под уздцы повел коня.

* * *

Глядят друзья мои на пристань,
Где нынче целый день народ.
Вот отвалил, гудя басисто,
Приплывший сверху теплоход.

Палля, как все мы, любит Волгу,—
Какой простор — вода и свет!—

Он с кручи смотрит долго-долго
Красавцу белому вослед.

К причалам обернулся парень:
Какой-то необычный вид
У тех, кто вышел в Шубашкаре
Иль сесть на пароход спешит.

Сегодня заполняют пристань
Не шутники-отпускники,
Не загорелые туристы,
А школьники и старики.

«Откуда вы?»—«Из Ленинграда.
А вы откуда?»—«Из Москвы.
Как быть — детишкам хлеба надо...»
«Э, мать, не вешай головы.

Лихая выдалась година...
Но хлеб сумеем мы найти...»—
Старушка и седой мужчина
Вот так знакомятся в пути.

Он прав. Подумали о пище:
Подвозят хлеба, молочка.
Э в а к у и р о в а н н ы х ищет
Военный в роговых очках.

Палле в новинку это слово
И потому внушает страх.
Вот молча, губы сжав сурово,
Двух раненых ведет сестра.

У одного рукав халата
Висит, другой на костылях...
«Что делает с людьми проклятый!»—
Услышал за спиной Палля.

«Чтоб сдох он, враг окаянный!»
Глаза старушки слез полны...
Так увидали Аптраманы
Воочию лицо войны.

Волга, Волга! В песнях старых,
К нам дошедших из веков,
Ты прославлена недаром
На десятках языков.

Светлый плес, крутые спуски...
Как их словом передашь?
— Матушка!— воскликнет русский,—
— Батюшка!— вздохнет чуваш¹.

В трудных поисках свободы
Близ тебя, краса-река,
Повстречались два народа
И сдружились на века.

Волга, Волга! Счастье наше!
Паруса... дымки... гудки...
В целом свете нету краше,
Полноводнее реки!

Пенясь брагою хмельною,
От избытка сил буйна,
Далеко в луга весною
Забирается волна.

И глядят — не наглядятся
В глуби пойменных озер
Ветлы старые, что снятся
Мне во сне с недавних пор.

Воды вешние оставят
Ил в низинах берегов,
Заиграет разнотравье
Яркой радугой цветов,

И тебе такую сказку,
Что ты знать не знал досель,
Подарит тогда подпaska
Простодушная свирель.

---

¹ Чуваши называют Волгу Адал-атте (Волга-отец).

Иль о том споют девчата,
Что в душе всю жизнь ты нес.
Чувством искренним богата,
Песня трогает до слез.

А когда, о Волга, зноем
Дышит купол голубой,
По какому над тобою
Ходит солнце день-деньской,

И чувашаи косят сено
В белом с ног до головы,
Ряд за рядом, словно пена
На крутой волне травы,

И кузнечики стрекочут,
И лягушки из воды
Вторят им, и свищут ночью
Соловьи на все лады—

Все звучит единой песней,
Песней звонкою твоей.
Нет мелодии чудесней,
Нету музыки родней.

Помахав косою вдоволь,
Хорошо прийти к реке
И, нырнув, как утка-гоголь,
Выплыть где-то вдалеке.

Пусть волна нахлынет, вздыбься,—
Смелых этим не проймешь,—
Словно стайка белорыбиц,
Веселится молодежь.

Девушки — поближе к парням:
Безопасней как-никак...
Улетают к поймам дальним
Смех и шутки забияк.

А под вечер, чуть жарится
Непомерная спадет,
Кто-нибудь игру подыщет
И потешит весь народ.

Поиграть, мол, надо в свадьбу:
Места много на лугу.
Колокольчик лишь достать бы,
Чтоб повесить под дугу.

И, глядишь, с кривою палкой,
Ну, ни дать, ни взять — старик,
В свой мешок кладет подарки
Нарядившийся шутник.

Прибаутки, песни, пляски—
Погулять народ не прочь.
Глядь, двух зорь смешались краски,
Не понять, была ли ночь.

Сыновьям крестьян, что знали
Серп, мотыгу да соху,
Тех, что силы надрывали
И в полях и на току,

Им и впрямь косьба в охотку—
То ль работа, то ль — игра.
Прикорнут на срок короткий—
И за косы, как вчера.

Вспоминаю я с любовью
Белопенных гребней ход
В дни, как осенью с верховья
Ветер северный дохнет.

Расшатают шутки ради
Волны самый крепкий плот.
Кто теперь, мол, с нами сладит,
Кто порядок наведет?

И лесины в два обхвата,
Глядь, по воле волн, одни

Уплывают без возврата.
Кто не трус — так догони!

Но не зря у плотогона
Деды были волгари.
В лодку прыгнет он с разгона
Вмиг настигнет: «Не хитри!»

И рыбак, что с колыбели
В дружбе с волжскою водой,
Что другие б не посмели
Совершает в час любой.

Плещут волны, свищет ветер,
А ему не все ль равно—
Соберет и в бурю сети,
Не упустит снасть на дно...

Нет, недаром предки знали
Столько милых сердцу слов,
Нет, не зря мы повторяли
С детства: парус, руль, весло...

Волга, Волга! И зимою
Хороша на диво ты.
Санний путь зима построит,
Наведет мороз мосты,

И по той дороге ровной,
Вдоль красавицы реки,
В дальний бор помчатся дровни
С ветром наперегонки.

Не кукушка закукует—
Застучит в лесу топор,
Заведет пила лихую
Песню с пляской на весь бор.

В поле снег пушистый белый
Вьется лаской на юру.

Но взгляни, как посинел он
В зимнем сказочном бору,

На ольхе и на осине,
На березке на любой
Синий иней... Тени—сини,
Даже воздух — голубой.

Постояв, забудешь, где ты,
И как будто вновь листва
Зашумит кругом, как летом,
Заволнуется трава...

Волга, спи тогда спокойно
Под покровом снеговым.
Много дела летом знойным
Предстоит волнам твоим.

Спи, копи пока что силы,
Собирай их про запас
И, как прадедам служила,
Послужи нам в трудный час.

Волга, Волга! Ты по праву
В наших царствуешь сердцах.
Искони, крутая нравом,
Ты врагам внушала страх.

Все, что только сделать в силах,
Мы свершим теперь в бою,
Чтоб в грядущем ты затмила
Славу прежнюю свою.

* * *

Так думал, в путь готовясь, Герман
Над милой для него рекой.
Он не один в тот миг, наверно,
Был занят думою такой.

Под низкою зловещей тучей,
В густеющей ее тени,

О многом на приволжской круче
Задумывались мы в те дни.

И то, что есть, и то, что было
И будет впереди — в тот раз
С особою вставало силой
В воображении у нас...

Зеленый берег, с балюстрадой
И фонарями вдоль него,
Обвел мой Герман долгим взглядом,
Не пропуская ничего:

Ни тех домишек деревянных,
Что век свой скоро доживут,
Ни многоглазых великанов,
Что выросли недавно тут;

Ни лиц приезжих на причале,
Усталых, со следами мук,
И сердце сжалось от печали,
И горько, горько стало вдруг.

Он на часы взглянул со вздохом:
«Пять... до посадки время есть...
Что ж, окунуться бы не плохо!
Палля, ты, брат, побудь-ка здесь.

Мы мигом, а тогда уж брассом
Иль кролем сам покажешь класс,
Но все же... и с десятым классом
Придется рассчитаться, да-с!»

Должно быть, это продолженье
Беседы братьев. Давний спор.
Палля замялся и в смущенье
Промолвил, опуская взор:

«Я в летчики пойду...» — «Ну что же,
Окончишь школу — поглядим...»

Хотел бы старший быть построже,
Но сам давно ли был таким!

И Герман улыбнулся брату
По-дружески. «Ну, мы пошли»—
Сказал он и исчез куда-то
Вслед за Тамарой с Натали.

Палля коню подбросил сена
И замечтался, глядя вдаль,
Где вел буксир, взбивая пену,
Баржи — не дюжину едва ль...

Весь серый от дорожной пыли
Кервень подружек догонял.
Вдруг кто-то крикнул: «Папа! Ты ли?»—
Тамарин голос он узнал.

Учитель, брюки надевая,
Попрыгал на одной ноге;
Очки платочком протирая,
Идет навстречу налегке.

«Кому там папы не хватало?—
Смущенно шутит педагог,—
Ну, здравствуй!»— и поцеловал он
Волос девичьих завиток.

«Вот неожиданная встреча,
Вот не гадал!»— басит старик.
А дочь без умолку щебечет
И то поправит воротник,

То с рукава его толстовки
Травинку сбросит, пыль стряхнет
И вдруг без всякой подготовки
К своим друзьям его ведет.

«Ты похудел, однако, папа,
Вон, и костюм стал мешковат...»

Очки блеснули из-под шляпы:
«Да, да... старею, виноват...

А ты как? Выросла хоть малость?
Да. Вроде, поднялась чуть-чуть,
Но больно уж бледна... Досталось?
Ну, ну,— поправим как-нибудь...»

Тут, улыбаясь, Аптраманы
С ним поздоровались. Старик
Наташу видит постоянно,
Ее узнал он в тот же миг.

Но кто же это рядом с нею?
«Постой, постой, узнаю сам!
Что-что, а это я сумею...
Не Гера ли нагрянул к нам?»

Кервень!.. Да, да — тебя и ныне
Так бабушка твоя зовет...
Поди-ка, вот узнай в мужчине
Ученика... Как жизнь течет!..»

Учитель с молодым ученым—
Один на «ты», другой на «вы».
Расспросы, новости, поклоны,—
Ведь Герман из самой Москвы...

Ему к воде б—не тут-то было.
Насилу сжалился старик:
«Иди, купайся»,—отпустил он.
И тот был рад, как ученик.

* * *

Уже у старого Турхана
Терпенье лопнуло давно,
А дочь его и Аптраманы
Ныряли, доставали дно...

Но вот все выбрались на кручу,
Где ждал купальщиков Палля,

Следя за облаком летучим,
Что тень бросало на поля.

«Да ты никак уже в дорогу?—
Не твой ли это чемодан?—
Входя в суть дела понемногу,
Спросил у Германа Турхан.

«Да, еду. Надо торопиться,
Нельзя же прохлаждаться тут.
Еще не знаю, не случится ль
Мне догонять свой институт...»

«Да, да, Кервень, я понимаю...
Но что ж поделаешь... война!
Ведь ей не скажешь «хата с краю»—
И на краю найдет она...

А тут один чудак мечтает,
Что ученик его Кервень
Загадку нашу разгадает
Для нас в один прекрасный день...»

«Вы, Аполлон Иваныч, шутки
Все так же любите... Намек
Не раскушу я и за сутки.
Что за загадка — невдомек...»

«Намек раскрыть не трудно, Гера:
Хочу я знать, где корень наш.
Ну, яфетиды ли, к примеру,
Иль угры предки у чуваш?»

«Ах, вот что! Но загадку эту
Не так-то просто разгадать.
Да и нужды, пожалуй, нету
По свету пращуров искать.
Перебери ты все эпохи
И гору книжек напиши,
Однако,— хороши ли, плохи,—
Какие есть — мы чувашы...»

«Сейчас-то чуваши, но прежде?»
«И прежде, и теперь, и впредь...»

«О прошлом помолчу: невежде
Тебя к стене не припереть.
А вот о будущем напрасно
Ты, Гера, судишь так легко.
Мне, например, и нынче ясно,
Что через несколько веков
Далекие потомки наши,—
Жалей о том иль не жалей,—
Слова «чуваш» или «чувашин»
Узнают лишь из словарей.
Чтоб это время наступило,
Чтоб на земле в одну семью
Слились народы, я все силы,
Пусть небольшие, отдаю...
И ныне учимся мы с вами
И переделать жизнь спешим,
Чтоб не с пустыми шли руками
На этот праздник чувашин...»

Как в классе, видно, по привычке,
Старик в глаза всем заглянул
И словно на другой страничке
Учебник жизни развернул:

«Теперь учиться любо-мило,
А как же, дети, тяжело
Нам в наше злое время было...
Но все же солнышко взошло!
Ты помнишь Яковлева, Гера?
Статьи о нем — не встретишь злей.
Не торопись их брать на веру:
Коль косу бьют — она острей.
Его старанья не пропали,
Вот отчего шипят враги.
Но мы теперь умнее стали...
Смотри же, Гера, береги
О просветителе чувашском
Ты память в сердце и давай

Его клеветникам острастку,
А их еще не мало, знай».

«А не сгущаете ль вы краски?
Ведь и такой я труд читал,
Где Ломоносовым чувашским
Один доцент его назвал.
И, кстати, мне слышать случалось,
Что много сделал он добра,
Но школа-де его держалась
«Дубинкой Первого Петра...»

«Всегда вокруг имен подобных,—
Сказал с усмешкою Турхан,—
Тьма выдумок и часто — злобных,
Не поддавайся на обман.
А что старик был крут порою,
Давно пора ему простить.
Спешил для нас любой ценою
Он детище свое взрастить.
Ему обязаны,— и многим!—
Я сам и ты — мой ученик.
Он первый проложил дороги
Нам, чувашам, к богатствам книг.
Вы, Гера, рождены в сорочках,
В науку путь для вас открыт.
Вас напечатанная строчка
Уже никак не удивит;
А мы тогда, как благодати,
Ей были рады без конца,
И в каждой буковке печати,
В страничке с запахом свинца
Мы чудо видели... И все же,
Раскрыв ашмаринский словарь,
Ты и мое там имя тоже
Прочтешь, хотя бы в скобках... Встарь
Ведь сообща над ним трудились
Интеллигенты-чуваши,
Что первыми на свет пробились
В уездной серости, в глуши.
Заслуг Ашмарина огромных

Я не пытаюсь умалять,
Но труд тот — дело рук народных,
Не нам об этом забывать.
Клоню же вот к чему я, Герман:
Весом Ашмаринский словарь,
Но был к нему ступенькой первой
Школярский скромный наш букварь,
Написанный одним студентом
Лет семьдесят тому назад.
И, если скромным монументом,
Как и Ашмарина, почтят
Студента этого потомки,
Не удивляйся — почему:
Он первый свет зажег в потемках,
А имя Яковлев ему...
Букварь был искрой, а с годами
Все шире разливался свет.
Из искры разгорелось пламя
Литературы наших лет.
Премудрости особой нету —
Алфавит русский да значки,
Но растеклись по белу свету
Чувашской речи ручейки...
Обрел народ наш миллионный
Свой голос в стопках первых книг...»

Так, прошлым воодушевленный,
С ученым толковал старик.
Симбирск припомнив, где учился
У Яковлева самого,
Турхан и вовсе оживился —
Глаза сверкнули у него.

«... И там, в Симбирске, я впервые,
Стоустой вопреки молве,
Узнал и полюбил Россию...»
«Но ведь Россий-то было две!..»
«Да, да... конечно... Изуверы —
Церковники, Сибирь, тюрьма...
О них и раньше знал я, Гера,
А вот чего не знал — ума!

Великого ума России
И широты ее души.
Что знать о них могли такие,
Как я, к примеру, чуваша—
Народ бесписьменный в ту пору,
Хоть и не глупый, может быть?..
И вот на них-то ваши взоры
Хочу я нынче обратить.—
(Он повернулся тут к Тамаре
И к любопытной Натали).—
Такие люди, как Ашмарин,
К нам из России ведь пришли...»

«Но вы забыли, что Радищев...»—
Тут начал, было, Аптраман.
«Имен назвать мы можем тыщи,—
Поспешно возразил Турхан,—
Белинский, Чернышевский... Пушкин—
Могучий гений всех времен...
Но мы не поняли друг дружку,—
С улыбкою добавил он.—
У тех имен масштаб особый.
Среди народов и веков
Одним — любовь, другим же — злобу
Внушать удел их... Не таков
Лингвист Ашмарин, о котором
Известно только чувашам:
«Тезаврус лингве чувашорум»¹
Конечно, дорог только нам
Да одиночкам из ученых,
И, может статься, потому,
Я удивляюсь восхищенно
Душе и светлому уму
Того, кто малому народу
Себя всецело посвятил,
Отдав и молодости годы,
И знания, и запасы сил...
Его словарь — труд беспримерный,

¹ Латинское название «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина.

Труд гениальный, может быть,
И кстати я отмечу, Герман,
Он только начинает жить.
Еще послужит он ученым,
Писателям, учителям,
А это значит — миллионам.
Ты, впрочем, знаешь это сам.
Война, конечно, помешает,
Но не горюй — мы победим.
Россия — вон она какая!
Да разве с нами сладить им!»

И все надолго замолчали
И устремили взгляд туда,
Где с плеском билась о причалы
Все та же волжская вода...

«Ах, Аполлон Иваныч, милый,
Как жаль, что мне уже пора...
Вы здесь поберегите силы—
Ведь утомляет детвора...»

«Спасибо, Гера, я-то дома,
Помогут стены коли что...»
Тут возвестил гудок знакомый
Всем собеседникам про то,
Что время кончилось. Уныло
Прошел тот звук по берегам,
Где тотчас эхо заходило
И по холмам и по долам.

Казалось, будто вся Россия
Ответила тому гудку,
Мол, что печалитесь, родные,—
Я помогу, я помогу-у-у!

Мой Аптраман бежит по трапу,
А сверху машут два платка,
Одна поношенная шляпа
И загорелая рука...

Утро. Сквозь иллюминатор
 Льется яркий, теплый свет.
 Взглянешь—за волной кудлатой
 Сто других спешит вослед.

В одиночестве за чаем,—
 Крепкий чай на Волге пьют!--
 Герман наблюдает чаек,
 Что над волнами снуют.

Лист газетный на колени
 Сполз давно; глаза следят,
 Как по зелени их тени
 Мимолетные скользят.

Волга в мирном настроенье:
 Сроду из-за пустяка
 Не доходит до кипенья
 Величавая река.

Синий дым костров рыбачьих
 С ветром тянется в луга...
 Чайки выются, чайки плачут,
 А вдали стога... стога...

Плещут волны, мысли будят
 И о том, что позади,
 И о том, что только будет.
 Что случится впереди.

У чувашского народа
 Нынче, завтра и вчера
 И удачи, и невзгоды,
 Труд и праздная пора,

Ход сегодняшних событий,
 Сказы древности седой
 Тысячами крепких нитей
 С этой связаны водой.

«Снова горе, кровь, потери—
Словно шторм, ревет война.
На какой далекий берег
Вынесет меня волна...»

Мой Кервень вздыхает тяжело,
Разглядев на берегу
В белом шуборе чувашку
На некошенном лугу.

Герман вдаль бинокль направил,
Что подарен был отцом.
Миг — и в радужной оправе
Полудетское лицо.

Глаз не видно — смотрит мимо.
Рядом ведра с молоком:
Ждет, должно быть, чтоб с Елыма
Перевез ее паром.

Стан свой девушка согнула,
Коромысло подняла,—
Лишь стекло в глаза блеснуло—
Поглядела, поняла:

Вот, смотри, мол, я какая!—
Взором весело сверкнув,
Ведро, полные до края,
Понесла, не колыхнув.

«Хороша!»— сказал, не знаю,
То ль о ней, то ль о реке,
Герман, все еще сжимая
Цейс в опущенной руке.

Все вокруг свое, родное—
И природа, и народ.
Бор дремучий над рекою,
Плавный ход могучих вод,

Из которых солнце всходит
Над Чувашией родной,
И в которые заходит,
Отправляясь на покой.

Пахнет хвоей старых сосен,
Воздух чист, простор широк...
Дума Германа уносит
В детский красочный мирок:

Вот лужок, где босоногий
Он в золе картошку пек...
Вот Турхан... какой он строгий!—
Долго тянется урок.

Вот он сам студент, вот полка...
Книги... Смена дат, имен...
Но к тебе, родная Волга,
И в мечте вернулся он.

Мысли, как ручьи весною,
Вновь в один поток слились
И широкою волною
Вместе с Волгой понеслись.

«Тут мы силы собирали,
Затаившись до поры,
Тут мы русских повстречали
Хлебом-солью у Суры.

Для того, чтобы в Казани
Сломлен был жестокий хан,
Тут чувашские крестьяне
Поднимали ятаган.

А скакун Сари-батыра
На восток направил бег
Ради дружбы, ради мира
С москвитями навек.

«Не один, четыре века,—
Размышлял историк наш,—

Дружбе с русским человеком
Верен с той поры чуваш.

И не выдумка, не сказки,
Что лишь в силу дружбы той
Уцелел язык чувашский,
Изнывавший под Ордой.

Строками старинной вязи
С той и с нашей стороны
Навсегда с Москвою связи
У чуваш закреплены...»

Цену узам тем историк,
Как никто другой, постиг,
Изучив десятки хроник,
Летописных сводов, книг,

Утварь, надписи надгробий,
Мне внушающих тоску,
Да к тому же тьму пособий
И трудов по языку.

И пергамент пожелтевший,
Что досель хранит Москва,
Дружбы вечно неслабевшей
Сквозь века пронес слова.

Нету в книгах ни полслова
Раздраженья иль хулы.
Значит, дружбы той основа
Тверже, чем гранит скалы.

Мой герой не зря работал—
Ясно многое ему.
Но пришла опять забота,
Вновь покоя нет уму:

Увидал Кервень, что слаб он
В знании арабских книг—

Обратился и к арабам—
Вник в историю, в язык.

Понял он, что путь не ложен,
И пошел, пошел вперед.
Что ж теперь его тревожит,
Передышки не дает?

Я могу ответить кратко,
Что мечтает Аптраман
Дать отгадку на загадку,
О какой твердил Турхан.

Глядя вдаль на низкий берег,
Где еще горит восток,
Герман думает: «Путь верен,
Силы хватит — был бы срок!..»

НА ТА ЛИ У Ч И Т С Я

руг-солдат военных лет,
Славный парень тот,
Чей кисет был — мой кисет
И наоборот,

С кем, как деды наши встарь,
Коль уж час настал,
Я единственный сухарь
Надвое ломал,

Друг-солдат — сапер, моряк,
Летчик-ветеран,
Дальний ты или земляк,
Родом из волжан,

Семьянин ли пожилой
С головой седой,
Или парень холостой
С гривой густой,

Будь татарин, будь чуваш
Или русский ты —
Вспомни черный карандаш,
Белые листы!

Вспомни, как, — чуть бой затих, —
Мы, кто был в живых,

Из пожитков из своих
Доставали их.

И, коль был недалеко
Дом, так за столом,
Нет — так просто на пенъке
В ельнике густом,

Словом, каждый как хотел,
Как умел, где мог:
Где прилег, а где присел
На недолгий срок,—

Как подсказывало нам
Времечко само,—
Кто легко, кто по складам
Сочинял письмо.

Этот матери писал,
Тот строчил родне,
Тот невесте отвечал,
Тот — домой, жене.

Стол, пенек или планшет—
Нам не привыкать.
Речь не об удобстве, нет.
Было б чем писать!

А случилось, что как раз
Ты писать не мог—
Перевязан был твой глаз,
На руке лубок...

Принесут тебя в «покой»,
Знаешь: будешь жить
И воротиться домой,
А поди — скажи!

Успокой поди-ка мать,
Извести жену.

Сколько им перестрадать
Выпало в войну!

Ты свернулся, бел, как плат,
Сам себе не рад:
Без причины в медсанбат
Не положат, брат!—

Рана — это не капут,
Поболит — пройдет.
Только как там дома? Ждут?
Как там сын? Растет?

Но и в этот горький час
На особый лад
Выручали сестры нас:
Ты диктуй, солдат.

Правда, что ни говори,
Толк уже не тот:
Как в письме ты ни хитри,
Почерк выдает.

Вмиг смекнут в семье твоей,
Почему — чужой...
Все же слава, слава ей—
Почте полевой!

Слава тем, кто, — на коне ль,
На своих двоих,
Летом в зной, зимой в метель,—
Нес ли, вез ли их—

Те заветные листы,
Сложенные так,
Как придумать мог лишь ты,
Фронтвик-мастак!

Сумка с почтой полевой,
Почтой боевой!

Слава тем, кто шел с тобой
Под грозой любой,

Кто из рук не выпускал,
Не бросал тебя
В миг, как тучей налетал
Враг, большак бомбя,

Кто и сквозь свинцовый град
Нес, пока живой,
Треугольники солдат—
Письма их домой.

Пусть корявы иногда
Были строчки в них,
Это — малая беда,
Если в суть ты вник.

Ведь в любой строке жила
В годы слез и бед
Та любовь, что нас вела
По пути побед.

Пожелтевшие листки
Старого письма!
У кого-то в час тоски
Вы не шли с ума.

Кто-то вас перечитал
И не раз, не два,
Кто-то слезы проливал:
Стердись все слова.

Написал их мой герой
Между двух атак.
Есть и почты полевой
И цензуры знак...

«Дорогая Натали!
Знаешь ты сама,

Что нам нынче не велит
Ехать по домам.

Загремел над нами гром,
Я среди огня,
И покамест в отчий дом
Пусть не ждут меня.

Ворвались-таки скоты
К нам на огород.
Надо им ломать хребты,
Защищать народ.

Не подумай обо мне:
Вот, мол, возомнил
Оттого, что был в огне,
Орден получил...

Орден — случай, знаю сам, —
Нынче выпал мне,
Завтра выпадет друзьям,
Мы ведь на войне...

Командир ли, рядовой,
Раз уж прибыл в строй,
Так в бою у нас любой
Бьется как герой.

Натали, родная, знай:
Что б ни ждало нас,
Слово, что дает Сумбай,
Крепко, как алмаз.

Письма он тебе писал...
Все они верны...
Кстати, вот что я читал
Как-то до войны:

«В жены надо брать особ
Из семей таких,

Что живут вблизи, и чтоб
Старше был жених...»

Это верно, хоть старо—
Вот каков мой взгляд.
Так писал Дени Дидро
Двести лет назад.

Много правды в строчках тех.
Вот ведь и у нас
«Дочь соседа лучше всех»
Песня есть как раз.

Эту песенку твержу
Часто я теперь.
А тебя опять прошу:
Жди меня и верь!

Верь и в то, что победим
Лютого врага.
Как один на том стоим,
Тем живем пока.

Для тебя же, Натали,
Есть совет такой:
Чтобы дни не даром шли,
Стань-ка медсестрой.

Знай, что крепко кой о чем
Беспокоюсь я...
Ведь неплохо быть врачом,
Ласточка моя.

Вот пока и привыкай
К делу... Так верней.
Впрочем, ты сама решай,
Там тебе видней...

Если б стала ты сестрой,
Я б мечтал: «А вдруг...»

Не сойтись горе с горой,
Мы же люди, друг...

Все пока. Меня зовут.
Чаще отвечай.
Письма медленно идут!
Лейтенант Сумбай».

* * *

Ну а что же Натали?
Так вот и ждала
Слов Сумбая, что дошли
С фронта до села?

Ведь могли и не дойти:
Тьма была преград,
Все встречалось на пути—
Бомба и снаряд.

Нет. О чем старался друг,
Сделано сполна,
Да писать ей недосуг:
Занята она.

Утром надо в МТС,
А полдня прошло—
Торопись, минуя лес,
В ближнее село;

Там больница, там врачи,
Тишина палат...
Ночь. А ты латынь учи!
Так все дни подряд.

Вести с фронта все мрачней.
Все грозней война.
Натали не спит ночей:
Нужно, так должна!

И подруги Натали
В ней пример нашли.

Все бы хоть на край земли
И в огонь пошли,

Кровь бы отдали свою
Для земли родной,
А пришлось бы — и в бою
Пали до одной.

Но другой пока приказ,
Кровь их не нужна,
Медики нужны сейчас —
Ждет сестер страна.

* * *

Позади пора мытарств.
Натали горда:
Все названия лекарств
Пишет без труда.

Ей соседка говорит:
«Ты, никак, уж врач...
Полечи-ка — грудь болит.
Ох, болит, хоть плачь!»

А лукавые глаза
Прячет, смотрит вбок.
«Что насмешнице сказать?
Ладно, дам урок...»

«Грудь-то, видно, не при чем —
Плохо с языком.
Может, стану и врачом,
Что ж плохого в том?»

Чем высмеивать людей,
Лучше б помогла.
Ну, для фронта бы вещей
Теплых принесла.

Не чужие — братья там.
У тебя там муж...»

«Вот свяжу носки и сдам.
Далеко до стуж...

У меня один солдат,
Сдам — и весь расчет.
У тебя не только брат—
Кое-кто еще...

Больше доля-то твоя...
Может быть, помочь?
Мужнин свитер, скажем, я
Сдать еще не прочь...»

Улыбнулась Натали:
«Справлюсь и сама...
А фуфайку ты пошли,—
Все ж придет зима...

Фронт велик... шлем шерсть ему,
А Сибирь — меха.
Может, мужу твоему
Попадет доха».

Непоседа Натали
Дальше держит путь.
«Вот и шутки помогли
Фронту хоть чуть-чуть».

Ей порою тяжело:
Сильно устает.
Сколько раз она село
За день обойдет!

В МТС не опоздай,
Подымись чуть свет,
Сводку бабам почитай
На селе в обед.

А больница? Сколько там
Неотложных дел!..

Свет до зорьки по ночам
У нее горел.

А назавтра Натали
Хлопотала вновь.
Два крыла ее несли:
Юность и любовь.

* * *

Юность! Помню я твои
Жадные глаза.
Помню, как вдоль колен
Я шагал в Казань.

Да, шагал: с тех пор, как вор
Меринка увел,
Безлошадным стал наш двор,
Лебедой зацвел.

А машины... Был ли тут
Им простор, когда
Знал мужик лишь свой закут
Да считал года?

«Много ль мучиться мне лет?»—
У кукушки он
Спрашивал, и клял весь свет,
Подавляя стон...

Зорко вглядываясь вдаль,
Мимо деревень
Нес я радость и печаль
В памятный тот день.

Мир большой манил давно...
Степь. Кустарник. Лес.
Осень пестрое рядом
Сбросила с небес.

Из рядна и мой мешок,
Что в дорогу дан.

В нем домашний хлеб, лучок
Да сухой ширтан.

А в лаптях — крапивы слой,
Чтоб не сбить ступни,
Чтоб не вспухли, как назло,
При ходьбе они.

А онучи из сукна
Отсырели, жмут.
Мне б на пристань до темна,
Там уж повезут...

Вдруг — такая широта,
Словно я во сне.
Волга! Та ты иль не та,
Что жила во мне?..

Не гадал я, степи сын,
Что оставлю след
В мире, что воспел акын
Через много лет.

Не одну заполнил десть
Юный бред и жар,
И не знал, что где-то есть
Слово «гонорар».

Просто на досуге я
Где-нибудь в ночном
Сочинял о вас, друзья,
О себе самом.

Труд же я такой ценил,
Что кормил мой дом:
Я пахал и боронил,
Молотил цепом...

А стихи мои связал
Я, собравшись в путь,

Отдал матери, сказал:
«Брось куда-нибудь».

Помню — мать их отнесла
В наш амбар, к мышам...
Зашагал я из села
К новым рубежам.

Мыши сделали свое,
Но не в этом суть:
Птица певчая поет,
Только б не вспугнуть...

А потом... Да что потом!
Мне бы вновь туда,
В тот, соломой крытый, дом,
Что отверг тогда...

Юность! — Запертая дверь,
Чистая доска,
На которой все теперь:
Горе, гнев, тоска...

Только вижу я тех дней
Удивленный взгляд:
Из-под выцветших бровей
Угольки горят...

Не вернуться, знать, они,
Раз так ярко мне
Светят дальние огни
Ночью, в тишине.

И вернется уж едва ль
В мире суеты
Большеглазая печаль —
Спутница мечты.

Что ж! Всему своя пора.
А любовь? Молчи...

Что там делает сестра?
Где мои ключи?

Подберу ли ключ, чтоб он
Подошел точь-в-точь?
Кажется, я сам влюблен
В Аптрамана дочь.

* * *

Полночь. В окна дождь стучит.
Зарядил с утра.
Натали дрожмя дрожит—
Вся спина мокра.

Смачно хлюпают коты:
В них полно воды.
От порожка две черты—
Влажные следы.

Свисли мокрые боры—
«Ох, едва дошла.
Не кафтан, а две горы
Будто с плеч сняла...

Что-нибудь поесть бы мне...»
«Дам. У нас уха...»—
Заметалась Кулине:
Долго ль до греха?

То девчонка недоспит,
То полдня не ест,
И всегда теперь спешит
Сразу в десять мест!

Накормила дочку мать,
На печи легла,
А у дочери опять
Срочные дела.

«Молода еще... глупа...
Все-то где трудней...

В сестры эти поступать
Не давать бы ей.

Без того полно забот
В нынешнем году.
Сердце нбет — будто ждет,
Чувствует беду...

От Кервеня вести нет.
Срок давно истек.
Видишь ли ты белый свет,
Жив ли ты, сынок?

Где-то, как-то там Эндри?
Не поддался б он...
Парень, что ни говори,
Ловок да силен,

Парень крепкий — это так,
В деда он как раз.
Да, видать, не слаб и враг,
Коль напал на нас...

Тут бы жить да поживать—
Все пошло на лад,
Глядь, с войной полез опять
Немец-супостат.

Что за прок ему в войне,
Что за прибыль в ней»,—
Размышляет Кулине
В тишине ночей.

* * *

Мать в тревоге за детей
Охает, не спит,
Дочь над книгою в своей
Комнате сидит.

Свет на белый лист упал,
На листе — солдат.

Видно, только что попал
Раненый в санбат.

Как учили доктора—
Край на край витка—
Налагает бинт сестра
На плечо стрелка.

А на полке у стола—
Книг иных отряд.
Их хозяйка не брала
Много дней подряд.

Даже пыли серый слой
Лег поверх томов.
Пушкин здесь и Лев Толстой,
Сеспель, Иванов...

Кажется, еще вчера
Герман вместе с ней
Здесь читал. Грустит сестра:
Жаль тех светлых дней.

Как пристало знатоку,
Брат в ней укрепил
Тягу к книгам, к языку—
Сам он этим жил.

Был в мечтах у Натали
До войны литфак,
Но мечты вдруг отцвели—
Растоптал их враг.

Мысль одна лишь за собой
Тянет, как магнит.
«Злобный враг земли родной
Должен быть разбит!»

«Так работай же, не спи,—
Вдруг она шепнет,—

Вспомни времена Нарспи—
Тьму, неправье, гнет.

Разве хочешь ты, чтоб вспять
Время потекло,
Чтоб пришла беда опять
К чувашам в село?

Ей с портрета Иванов,
Кажется, вот-вот
С одобрением, без слов,
Головой кивнет.

На певца родной земли,
Грустных дум полна,
Долго смотрит Натали,
Думает она:

«Да, была твоя Нарспи
Смелою, поэт.
Словно узник, на цепи
Жить не стала, нет...

Имя звучное... У нас
Что-то дочерям
Не дают его сейчас...
Будет дочка — дам.

Ну, а если будет сын—
Назову Сетнер...»
«Дон-н-н!» пробили тут часы.
Глядь — восток уж сер.

«Что ж я!»— дум своих стыдясь,
Шепчет Натали.
Вся, как зорька занялась,
Щеки расцвели.

А родные мирно спят,
Тишина в избе,

Капли по стеклу стучат
Да гудит в трубе...

Тучи черною грядой
Высятся вдали...
Одиноко в час ночной,
Грустно Натали.

Хоть словечко бы сказать
Тут бы, а кому?
Стой! Ведь можно написать
Братьям по письму!

«До рассвета время есть.
Я теперь одна—
Днем-то некогда присесть», —
Думает она.

И, когда лучи зари
Разгоняли мрак,
Брату среднему Эндри
Написала так:

«Здравствуй, братец дорогой!
Шлю тебе привет.
Что случилось там с тобой—
Писем нет как нет?

Не бери пример с меня—
Тем же не кори.
Я и так не вижу дня,
Дорогой Эндри.

Здесь мы трудимся сейчас
Все, как никогда.
Подняла, сплотила нас
Общая беда.

Весь наш род пока здоров, ---
Я о тех, кто тут, —

Но все больше земляков
В армию идут...

И хыйматлах наш ушел.
Люди говорят,
Что его военный стол
Посылал назад;

«Год твой дома, не хитри!»—
Ну, а он в ответ:
Мне, мол, только двадцать три.
Не гляди в билет!

«А куда же тридцать дел?»
«Что вы! Я и жил
С той поры лишь, как прозрел—
В партию вступил...»

И Верук теперь одна
С матерью живет.
С фронта весточки она
Тоже нынче ждет.

Шутит дед наш: «Если, мол,
Даже Самаюх
На войну от нас пошел—
Гитлеру каюк!»

От Самаева отец
Принял весь колхоз
И пока что — молодец—
В гору тянет воз.

Он ворчит: «Хитрец Иван:
Хлеб казенный ест,
А бедняга Аптраман
Тащит тяжкий крест».

В самом деле: урожай
Был у нас хорош,

Ну, а рук — хоть занимай,
Только где найдешь!

От отца ты жди письма—
Хочет дать совет,
А какой — я и сама
Не скажу: секрет!

Тужат наши старики,
Что молчит Кервень.
Да и ты!.. Хоть полстроки
Вы писали б в день!

Не сойтись горе с горой,
Дорогой Эндри.
Я же стану медсестрой.
Уж тогда смотри...

Вот и все! Ответ пришли
На мои листы.
А писала Натали,
Смуглая, как ты...»

ПИСЬМО ОТЦА

Эндри, сынок родимый мой,
Мы все: твой дед, отец и мать,
И братья с младшею сестрой
Тебя готовились встречать.

Но обернулось все не так—
Не время ставить пироги.
Как стая бешеных собак,
На нас набросились враги.

Эндри, среди этой кутерьмы,
Смотри, не потеряй лица.
Ты — Аптраман, сынок, а мы
В бою стояли до конца.

С медалью прадеда ты сам,
Как был мальчишкою, шалил.
Хоть и стоит на ней «не нам»,
А все же он ее носил...

И дед твой старый в свой черед
Солдатской чести не ронял,
И сам я трудовой народ
От недругов оборонял.

В германскую войну окоп
Держал до раны штыковой,

В гражданскую брал Перекоп
Лихой атакой лобовой.

Я не забыл немецкий плен,
Гнилую брюкву да морковь...
Там, видно, мало перемен:
Все так же лить готовы кровь.

Сынок, наказ тебе даю:
За честь отчизны твердо стой,
Народ родной, семью свою
Врагу не выдай головой!

Семья тебе поклоны шлет,
И свой особенный привет
Через меня передает
Наш старший Аптраман — твой дед.

Благословляет азанне
Тебя, сынок, а с нею — мать.
Приходится частенько мне
Им весточки твои читать.

Но ты бы новые прислал...
Живем мы дружно... Вот Кервень
Раз написал и замолчал.
Ждут все тут писем каждый день.

Тебя жалеют на селе:
Мол, не успел и побывать
В деревне средний сын Илле,
А больше всех горюет мать.

Сосед Микень который раз
У нас справлялся о тебе.
Вот, мол, и есть уже у вас
Опора в поле и в избе.

«Дал, — говорит, — вам бог сына!
Хоть двадцать третий год идет,

А по уму за старика
Седобородого сойдет...»

Тебе просил писать привет
И пчеловод наш Яганат.
Не позабудь ему в ответ
Прислать поклон. Вот будет рад!

Ведь за старейшего сейчас
Он среди всех односельчан.
Писал тебе я, что угас
Как свечка древний Эльдиван.

Но есть охрана у ворот,
Что Эльдиван оберегал.
К нам ночью недруг не зайдет,
А коль зайдет, пиши — пропал.

Здесь в ополчение старики—
Народ бывалый, боевой.
Все следопыты и стрелки,
Годится в снайперы любой...

Так поскорей ответь, а мы
О вас тут помним, дорогой.
Теперь недолго до зимы,
А там уж разговор другой...

Наподдадите немчуре...
Уж так ведется искони,
Что, коль морозец на дворе,
Так не бойцы, сынок, они.

Германец слаб на этот счет.
Не поддавайтесь вы пока;
А как морозец проберет,
Покрепче бейте под бока...

Вот так-то... Письма направляй
Мне лично. Это не пустяк:

Глава всего колхоза, знай,
Отец твой нынче как-никак...

А главное — не трусь в бою,
Но и под пулю зря не лезь.
Не забывай про мать свою,
Про всех, кто ожидает здесь...

Да, вот еще, сынок! Наш дед,—
Сам стар, а память, знать, крепка,—
Тебе напомнить дал совет
Про доблестного земляка.

Пусть, мол, с Чапаева берет
Пример мой славный внук Эндри...
«Чтоб был во всем таким, как тот...»
Поди, вот, с ним поговори...

Кончаю. Бейся же, как лев,
Как глаз, храни ты честь свою,
Пускай святой народный гнев
Тебя ведет в любом бою!

Прощай! На подвиги тебя
Благословляю я, любя!

ЭНДРИ В ГОСПИТАЛЕ

Аптраман в бою жестоком
Тяжко ранен был,
Завезли его далеко:
В глушь, в глубокий тыл.

Завезли его лечиться
В бор, где полутьма,
Жизнь теперь, как говорится,
Тишина сама.

Сосны медны, духовиты,
Лапы их ветвей
Иглы сеют, как сквозь сито,
На узлы корней.

Особняк. Дымок курится.
Сказка. Тишина.
Только тенькают синицы
Да стучит желна.

Аптраман стал поправляться,
Душу лечит бор.
Отчего б не прогуляться?
Вышел в коридор.

Мимо зеркала проходит,
Запахнул халат.

Посмотрел: «И я бы вроде,
И не я, а брат...»

Показалось что ль вначале—
Что за волшебство?—
Будто в зеркале, печален,
Старший брат его.

Щеки с впадинами, шрамы,
Волос побелел...
Он, себе не веря, в раму
Снова поглядел.

Не какой-нибудь осыпал
Порошок зубной.
И не просто иней выпал—
Веет сединой.

Верно, друг... А прожил мало,
Только двадцать три,
Вот и юности не стало,
Дорогой Эндри.

Юность, юность! Ты виденьем
Меж берез прошла,
Отмелькала птицей, тенью,
Речкой проплыла.

Жизнь манила, хорошея,
Только—в прах мечта.
Над бровями, как траншея,
Глубока черта.

Старше лет своих намного
Кажешься ты, брат.
Вдаль зовет тебя дорога,
Ты на ней — солдат!

Может, это испытанье
Первое, как знать.

А потяжелей страданье
Ты готов принять?

Будешь ты еще в походе,
Ждут тебя друзья...
Нынче грустно? Все проходит
В буре бытия.

Вот ты вышел на террасу,
Молча в кресло сел.
Я таким тебя ни разу
Не видал досель.

В жизни всякое бывает.
Говорю к тому:
Ты — орел. Орел летает,
Падать не ему.

Нрав капризен человеческий;
Хлынет грусть волной—
Откреститься даже нечем
От нее порой...

На террасу иглы хвои
Падают легко.
Мысли моего героя
Где-то далеко.

Меж ветвей дрожащих просинь,
Облачко скользит.
Может быть, и в сердце осень
В этот час царит?

Журавли над лесом тянут,
Тяжело смотреть.
Что же делать Аптраману,
Плакать или петь?

Отвернув полу халата,
Он полез в карман;

Вынул свой блокнот помятый,
Пишет Аптраман:

«...Кареглазая подруга,
Свет души моей!
Вспоминаешь ли ты друга
В сутолоке дней?

Как с мечтою все несхоже...
Все из боя в бой...
Кто вернет нам юность, кто же?
Встретимся ль с тобой?

До невзгод, до потрясений,
Не встречая зла,
Наша молодость — весенней
Ласточкой была.

Что таить — не вылетали
Мы из гнезд тогда,
Пели песни и мечтали
Строить города.

В одночасье гнезда наши
Сбила сила тьмы,
И нашли свое бесстрашье
В испытаньях мы.

Разлученные боями,
Мы живем по-врозь.
Тучи в молниях над нами
Пролетают вкось.

Был зловещ огонь летучий,
Брошено жильё,
Сердцу больно — черной тучей
Вьется воронье.

Пусть гремят сильней орудья,
Раздается гром.

Верю: мы придем, как судьи,
Победив, придем.

Знаю: враг наш прахом станет,
Будет мир опять.
«Пусть сильнее буря грянет!»—
Хочется сказать.

В АГИТПУНКТЕ

удто в мареве, огромный
Город проступал...
Поезд прибыл в полдень ровно,
Зашумел вокзал.

В агитпункт людей набилось,
Гомон толчеи,
Каждый просит: «Сделай милость,
Потеснись... свои».

Словно срочно едут в гости
Люди разных лет,
Ждут, когда пробьет компостер
Проездной билет.

Много всякого народу,
Крика, суеты.
В одиночку, группой, взводом
Едут на фронты.

Редки «ромбы», редки «шпалы»,
Мельком видишь их,
Даже лейтенантов мало,
Больше рядовых.

Ну, конечно, с ними вместе
Младший комсостав,

Соблюдают честь по чести
Воинский устав.

В ожиданье порасселись
Всюду — тут и там,
Льнут и к шашкам и к веселью,
К разным новостям.

Кто стихи в углу читает,
За сердце берет,
Кто вдруг песню затевает,
Под гармонь поет.

И кого в вокзальном доме,
Не увидишь ты,
Тут и русские, и коми,
Ненцы, якуты;

Украинцы и туркмены
С искоркой в глазах,
Белорусы, и степенный
Сын степей казах.

Вот мордвин меха гармони
Тянет у окна...
Кажется, как на ладони,
Вся моя страна.

Все друзья мы, все мы братья,
Гитлер — общий враг,
Шлет народ ему проклятье
На ста языках.

Поклянемся же, солдаты,
Поцелуем меч, —
Нам хранить Союз наш свято,
От врага беречь!

Агитпункт в тяжелом гуде,
Будто улей тут,
Зал битком набит — а люди
Все идут, идут.

Слушают с фронтов известья;
Режутся в «козла».
Вот со спутниками вместе
Натали вошла.

Ищет земляков глазами,
Но среди солдат
На скамьях и за столами
Их не видит взгляд...

Думает она: «Увижу—
То не ошибусь».
Каждый воин брит и стрижен,
Редкий — крутит ус.

Угадать не так-то просто,—
Дело все ведь в том,
Что не одного мы роста,
Разные лицом.

Иногда и с чувашами,
Может, говоришь,
От других, судите сами,
Разве отличишь?

Ведь чуваш по-русски складно
Речь свою ведет,
Говорит легко, понятно,
Как ручей поет.

Русские слова — родные,
Утверждаю я,
Чувашу она, Россия,
Как душа — своя.

Натали идет, глазами
Шарит по скамьям...
Наконец, ей указали:
«Земляки вон там!»

...Поезд будет только к ночи.
Пасмурен денек.
Письма, друг, пиши, а впрочем,
Можешь пить чаек.

Стань на время шахматистом
Иль читай рассказ...
Нет, гляди, пришли артисты.
Слушай. Вот так бас!

Зимний день короткий очень,
Быстро сходит тьма,
Занавесив окна-очи,
Слепнут все дома.

Не видать снаружи света—
Хоть с мышиный глаз,
Кажется, и жизни нету,
Думаешь подчас.

Но за шторами глухими
Та же жизнь идет,
И заботами своими
Город весь живет.

Проводили мы артистов,
Снова толчая.
«Дайте место гармонисту!
Шире круг, друзья!»

И метнулась пляска-пламень,—
Ног не удержать,
В круг, прищелкнув каблуками,
Вылетел сержант.

Он прошелся, будто вихорь,
Будто гром вдали,
Выкинув «коленце» лихо,
Вызвал Натали.

И она плечом заодно,
Гордо повела...

Каблуки стучат проворно,
Как перепела.

Пол как будто бы в ознобе.
«Ловко, черт возьми!»
«Натали, побольше дрови!»
«Жарь, сержант, нажми!»

Хорошо, скажи на милость,
Пляшут, право, всласть.
И частушка раскатилась,
По душе пришлась:

«Все равно тебя поймают,
Гитлер—гадина,
По тебе давно скучает
Перекладина!»

Гармонист с душой играет,
Что твой соловей,
Натали в кругу летает,
А сержант за ней.

Веселятся долго люди,
Словно про запас...
А о том, что с ними будет,—
Впереди рассказ...

НАТАЛИ — МЕДСЕСТРА

В белом козьем полушубке,
В белых валенках она,
Не беда, что воин в юбке, —
Важен факт — в бою видна.

Сбоку сумка. Красный крестик.
Небольшая кобура.
И тебе со всеми вместе
Воевать пришла пора.

Здравствуй, милая девчонка!
Всяк тебя приветить рад —
Старший с ласкою: «сестренка»,
Младший с радостью: «сестра».

А солдат бывалый прямо:
«Дочка! Ты ведь молодец!»
А бывает, даже мамой
Назовет иной боец.

Назовешь, когда ты ранен,
Кровь течет и взгляд погас...
Нам заботливым вниманьем
Жизнь она дарит подчас.

В самом деле, ты в атаке,
Лег за пень, свиреп и глух,

Взрывов яростные знаки
Поднимаются вокруг.

Ты — за пнем, стреляешь смело.
В ста шагах окоп врага.
Вдруг свинцом тебя задело,
Боль в плече, в крови нога...

Уж в глазах не стало света,
Не поднять бессильных рук.
Смутно слышишь пистолета
Прерывающийся звук.

Ты очнулся. На порубке
Каска с дыркой видна.
Рядом — в белом полушубке,
В белых валенках — она.

Вьется бинт. Нога, как в лубе.
След кровавый на снегу.
Ты подумал, стиснув зубы:
«Ну, теперь я жить могу».

С этих пор, как знак зарубки,
Все дальнейшее житье.
Будешь помнить в полушубке,
В белых валенках — ее.

Натали такого склада, —
Маята для молодца,
И улыбка, как награда,
Будто орден для бойца.

И солдат, скажу, немало
Здесь она лишила сна.
Только, зная, не замечала,
Зная, не видела она...

Не затянет время-замять
Облик милый, хоть давно

Это было, — крепко в память
Дело врезалось одно.

Был мороз — косил железом,
Галки мерзли на лету,
И лежал в полях белесых
Наст, похожий на плиту.

Стужи мы не замечали,
Лишь чернели на ветру,
С каждым боем мы крепчали,
В пот бросало, как в жару.

В дымке высились деревья,
Батальон напрягся весь.
Неказистая деревня,
А атак, поверьте, шесть.

Пули пели, пушки били,
Раз ходили, два и три,
В штыковой два раза были —
Победи или умри!

Немцы падают и наши,
Стынет ужас в стеклах глаз,
А война идет и пашет,
И запахивает нас.

И рванулись мы с опушки
Через речку и овраг,
И из этой деревушки,
Наконец, был выбит враг.

Ели снег железный, хрупкий,
Брали с поля-полотна.
И мелькала в полушубке
В белых валенках она.

Сколько выдержки и воли
У детей моей земли!

Будто перекаати-поле
Среди боя Натали.

И откуда только сила,
Улыбающийся взгляд?
Сколько их повиносила—
Бледных раненых солдат.

Задыхается, а тащит,
То в деревню, то в блиндаж.
Право, ангел настоящий.
«Разве бросишь, — скажет, — наш!»

Скажет «наш» с такой любовью,
И крестит бойца бинтом,
Не войти, знать, доле вдовьей
В чей-то милый дальний дом.

Край передний, край передний,
Край любви и мести край,
Край для мертвого последний,
Где одно лишь — поминай.

Синеват рассвет, седеет.
Гул орудий полковых.
Звезды на небе редуют,
Будто стряхивают их.

Месяц тонкий на ущербе,
Таял, таял и пропал;
Нам казалось — он на вербе
Покачнулся и упал.

Сердцу больно, сердце бьется,
И тоска такая вдруг,
Будто месяц не вернется,
Будто месяцу — каюк.

Да и вправду, знать, иные
Не сумеют увидеть

Над околицей льняные
Пряди месяца опять.

И на том рассвете синем,
В бой поднявши батальон,
Пал солдат, солдат России,
Пал лицом на запад он.

Пал солдат — прощай! Не можем
Постоять мы над тобой,
Может, в сумраке тревожном
Сами головы мы сложим,
Продолжая этот бой.

Пал солдат, а мы все — лавой
По сугробам февраля.
Будет пухом им со славой
Вызволенная земля.

Пал солдат в огне и дыме,
Смертью смерть поправ, он пал,
Не завееет снегом имя
В чистом поле вьюги шквал,

Потому что есть живые,
В чьих сердцах огонь не сгас,
Потому что есть Россия,
Что забвенью не предаст.

И, накатываясь валом,
Подымались цепи рот,
Чтобы жизнь торжествовала,
Шли и шли бойцы вперед.

Снова в поле, на морозе,
С вечной сумкою видна
В полушубке белом, козьем,
В белых валенках — она.

Не по тропке, не по вешкам
К полосе «ничьей» земли,

А ползком и перебежкой
Продвигалась Натали.

Прядь волос заиндевила,
Будто вишня — цвет лица,
Напряженный взгляд и смелый
Ищет павшего бойца...

«И меня вдруг...» Легкой дрожью
В сердце эта мысль вошла:
«...Упаду... останусь... что же,
Лишь бы скорой смерть была...»

Не предашься тут печали—
Мысль мелькнула и ушла.
«Санитар! Сестра!»— позвали
За сугробом. Замерла.

Слышен стон. Метнулась птицей.
«Он, земли советской сын!»
Большеглазый, бледнолицый,
На снегу лежит грузин.

Натали перевязала
Рану натуго бинтом,
Подняла бойца, сказала:
«За меня держись, пойдем».

Захватила и оружие
(Не оставишь автомат).
«Путь в деревню логом, кружный,
Потерпи, прошу, солдат».

А солдат ослаб, несчастный,
Стон его острее ножа,
И у Натали на части
Разрывается душа.

До гумен дошли. Огромен,—
Видит девушка,— сарай;

И решила: на соломе
Отдохнет боец пускай.

В приоткрытые ворота
Тихо входят в полумглу;
Зашумел соломой кто-то
В дальнем сумрачном углу.

Поняла в одно мгновенье—
Немцы. Двое их. Конец.
Вот один метнулся тенью,
Выстрелил в нее, подлец.

Натали кладет солдата
Наземь, и сама, как пласт,—
По врагам из автомата
Очередью — раз и раз...

Одного во мгле сарая
Подсекла. Его уж нет.
А другой опять стреляет,
Разряжает пистолет.

Не сдается он без боя,
Видно, целится еще...
Вдруг ужалила осою
Пуля девушку в плечо.

Вздрогнула. Сарай заухал.
Свет мелькающих огней.
То она послала в угол
Несколько очередей.

Смолкло все. Лишь стонет, слышно,
Наш товарищ, наш солдат.
Что в углу? Привстала выше.
Немцы мертвые лежат.

«Поделом!»— она сказала,—
А плечо горит, болит.

«Ранил враг. Вот наказание.
Как теперь с грузином быть?»

На солому положила
Поудобнее его,
Чуть соломой принакрыла,
Чтоб оставить одного...

Ободрила теплым взглядом.
«Не тужи. Вернись назад.
Для тебя носилки надо...
За тобой придем, солдат».

В инее стоят деревья.
Снег скрипит. И ветер жжет.

Недалеко от деревни
За высотку бой идет.

ПОДАРКИ

орывист жесткий ветер,
И нет ему помех,
Он тянет, будто сети,
Пушистый первый снег.

Он тянет и бросает
С размаху на кусты,
Да так, что вырастают
Черемухи цветы.

Он тянет сеть, качает
Над полем, над водой,
И вот уже крепчает
Морозец молодой.

Ах, ветер, он — проказник,
В любую щель свистит...
«Ну, Виктор, — завтра праздник, —
Эндри вдруг говорит, —
Поднимутся знамена,
Над всей страной паря.
Нас вспомнит поименно
Родня в день Октября.

А как теперь там, дома?
Узнать-то мудрено...
В окопах, друг, давно мы,
И писем нет давно.

Мать повидать охота,
Не видел столько лет!
Я жду вестей, да что-то
Их и сегодня нет...»

Эндри задумчив, мрачен,
Он глухо говорит.
Цыгарки глаз маячит, —
То гаснет, то горит.

Сидят друзья-солдаты,
Их речь о том, о сем,
О пятом, о десятом,
О разном, о своем.

И вдруг их вызывают,
Зачем — и не поймут...
Подарки им вручают
За честный ратный труд.

Страна, земля родная!
Сынов растила ты,
И к ним полна, я знаю,
Сердечной доброты.

Благодаришь за удаль
Своих родных солдат:
Лежат посылки грудой,
Под елью целый склад.

«О, сколько тут припасов, —
Сказал один, — смотри!»
И улыбнулся Басов,
И радостен Эндри.

И в самом деле, много —
От жен и от невест,
От матерей подмога,
Из самых разных мест.

Сердечное признание
Бойцам шлет млад и стар

Из Томска, из Рязани,
Из Мги, из Чебоксар.

Святой слезой отмечен,—
Сквозь бой, огонь и дым,—
Доходит человечесий
Сердечный пламень к ним.

Эндри кивнул на ящик:
«Приступим, что ль, к ларцу;
Писал, должно быть, мальчик—
«Отважному бойцу».

Посмотрим, что в посылке...»
Эндри достал со дна
Табак и три бутылки
Янтарного вина.

Записка сверху: «Другу
В честь боевых заслуг,
От старого ашуга
Прими, мой юный друг».

А Виктор?— Он с подарка
Ножом спорол кайму,
Раскрыл мешочек яркий,
Сперва прильнул к письму.

«...Дарю тебе, наш воин,
Я от души от всей.
Подарок хоть и скромен,
Но нет его теплей...

Чуваш ли ты, татарин
Иль русский, иль узбек—
Неважно, важно, парень,
Чтоб он помог тебе.

Помог в мороз, в метели,
Озябнуть не давал,

Чтоб ты в бою по цели
Без промаха стрелял.

Чтоб гнал ты орды вражьи
И жгла бы их зима...
Сама пряла я пряжу,
Мотала я сама.

Мне сердце приказало...
Крутились клубки.
Сама тебе вязала
Перчатки и носки.

Носи и согревайся—
И буду я горда;
Врагу не поддавайся
Нигде и никогда.

Мне, как о лучшем друге,
Все надо бы узнать...
Свой адрес на досуге
Ты не забудь послать.

Прости, боец, за смелость,
Шлю не кому-нибудь.
Конечно, мне б хотелось
И на портрет взглянуть...

Держи оружие крепче,
Не выпускай из рук!
И будет всем нам легче.
Победы вам!

В е р у к».

Эндри спросил: «Из дома?»
«Да нет,— ответил друг,—
Письмо от незнакомой,
Какая-то Верук...»

«Верук?»—«Верук».—«Скажи ты...
И что же пишет в нем?»

«Письмо к носку пришито.
Прочти! Бери с носком».

Эндри берет, читает,
И ясен стал вопрос.
Он и район тот знает,
И Чкаловский колхоз...

Ему и этот почерк
Со школьных лет знаком.
Он глух, он озабочен,
Письмо вернул молчком.

Он в мыслях там, далеко,
В былом, в родных местах.
...Там девушка у окон
С ромашкой в волосах.

Она стоит, смеется,
Чуб парня ворошит.
«А свадьбу нам придется
На осень отложить».

Эндри, спешишь ты больно,
Денек настанет наш...»
Эндри вздохнул невольно,
Вокруг — окоп, блиндаж,

Лежат боеприпасы.
Снега. Норд-ост. Мороз.
«Ты что? — окликнул Басов, —
Да что с тобой стряслось?»

«Да ничего... Закурим?
Свернем-ка по одной.»
«Ты, друг мой, не в натуре...
Ты вроде как шальной».

«Такой, знать, уродился,
Есть маленький изъян».

«А, может, загордился,
Товарищ Аптраман?»

«Мне б счастья кроху, малость...
Сам не сумел добыть,
А мать не догадалась
У бога попросить».

А Виктор рассердился:
«В уме ли ты своем?
Как с неба ты свалился...
О чем же речь? О чем?»

«Все пустяки, ровесник,
Недуг, гвоздь в сапоге...
Забудется, как песня...
Нам помнить о враге!

К чертям невзгоды, беды
И думы о своем.
Сначала, друг, — победа,
А нежности потом».

«Постой, — промолвил Басов, —
Ты больно не хандри.
Загадочных рассказов
Не надо мне, Эндри».

«Да, да. Хандрю отчасти.
Лукавить не привык.
Мы долго ищем счастье,
А вот теряем — вмиг.

Ты прав, душе нет места...
Скажу всю правду я:
Верук — моя невеста,
Любимая моя».

Воскликнул Басов: «Странно!..
Не время для тоски...

Возьми!»— И Аптраману
Он протянул носки.

«Ну, нет,— Эндри ответил,—
Твое — и есть твое.
Так и в душе отметим.
А мне — любовь ее».

НА БЕРЕГУ ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРА

Ильмень бьет волной летучей,
Ильмень с маху в берег бьет...
Был на Ильмене тот случай,
Молодецкий случай тот.

Помню: дикий ветер катит,
Гонит волны косяком...
В бронь одетый вражий катер
День и ночь ходил тайком.

Шмыгал катер то и дело,
Будто вор, туда-сюда,
Под винтом его кипела
Белогривая вода.

Он фашистам пополнение
В бухту Птичью доставлял,
И по нашим укреплениям
Он при случае стрелял.

Катер нам хлопот доставил,
Право, душу иссушил.
Вдруг его в ночь ледостава
Лед железный обложил.

Вмерз он прочно, стал форпостом,
Стал округу наблюдать.

Говорили, немцев до ста
Было там. Да что считать!

Дело, видим мы, не чисто;
Да не трудно и понять,
Ясно, вздумали фашисты
В бухте нашей зимовать.

Сообщаем куда надо,
Так и так, мол, дело тут,
Бронированные гады
На виду у нас живут.

Мы, мол, их стереть хотели б
Навсегда с лица земли,
Мол, без всякой канители
Это сделать бы могли.

Шлет комбат в разведку смелых,
Курс на вражий катер дан,
И, таясь, идут на дело
Двое: Басов, Аптраман.

Нам давно они знакомы,
Это старые друзья.
По неписаным законам
Вьется дружбы колея.

Обойди весь свет — и лучше,
Крепче дружбы не найдешь:
И огнем их не разлучишь,
И водой не разольешь.

Между тем они крадутся,
Избегают лесосек,
Тихо лапы веток гнутся,
Тихо стряхивают снег.

Аптраман лег под ольхою,
Шутит, глядя сквозь кусты:

«Нас не двое, Басов, — трое,
За двоих сойдешь здесь ты.

Ты, друг, той еще закваски...
Нижний Новгород — твой дом,
Ты и Минин, и Пожарский,
Сочетанье двух в одном.

Глянь-ка, Минин! Видишь — берег,
Спуск средь сосен вековых...
Жарят немцы рыбу жерех,
Их бы к жереху самих.

Лед вокруг бортов обколот,
Катер будто в полынье.
Эх, бы, мину... Взрыв, как молот,
Звезданул бы по броне».

Виктор вторит: «Вон дозорный...
Во-он за снежною грядой.
Ничего, и лед озерный
Станет им сковородой».

Бухта долго на прицеле
У разведчиков была,
Все, как надо, оглядели,
Так, как требуют дела.

И друзья назад вернулись,
Доложили что почем...
Ходят день солдаты, хмурясь,
Ходят два они молчком.

Их обоих гложет дума,
Не дает ночами спать,
Как бы катер — так, без шума
На руки русалкам сдать.

Подмигнет Эндри, положит
Другу руку на плечо.

«Князь Пожарский, делать что же?
Лед не тронулся еще?»

Не пора ль тебе стать Невским,
Показать замах на льду,
Разворачивать план дерзкий
У фашистов на виду?»

Но в долгу не остается
Виктор Басов, щурит глаз:
«Слышь, историк, мне сдается,
Твой запал давно погас».

Их обоих гложет дума,
Не дает ночами спать,
Как бы катер тот — без шума
Ухитриться им взорвать.

В тот же миг, как будто спичка
Ворох сучьев подожгла,
Мысль простая, невеличка,
Взвод в движенье привела.

Глядь, пила в лесу запела,
В ход пошел коловорот...
Кто же план придумал первым—
И сам бог не разберет.

То один подаст мыслишку,
То другой — и все в тетрадь.
Накопилось мыслей слишком—
План и начал проступать.

Были разные советы...
Аптраман руководил,
Наподобие ракеты
Он салазки смастерил.

Он поставил их на лыжи,
Прикрепил к ним длинный трос...

Басов юркий, будто чижик,
Вклад свой в это дело внес:

Телефонную коробку
Крепко к санкам привязал,
К проводам приделал кнопку,
Чтобы в срок подать сигнал.

Все проверено, готово.
День к концу. Метель метет.
Лица двух друзей суровы.
Кто же спустится на лед?

Аптраман иль Басов? Кто же?
Оба вызвались. И — в спор.
«Жребий бросить — он поможет», —
Кто-то вставил в разговор.

Жребий брошен. В маскхалате
Лег на санки Аптраман.
Санки замерли на скате.
Ночь над Ильменем. Буран.

«Ну, до встречи, Виктор! Выпьет
Враг воды в гостях у рыб.
Если ж твой чуваш погибнет,
Не забудь, за что погиб.

А вернусь — сочтемся славой,
Как сказал один поэт.
Что ж, командуй переправой
Аптрамана на тот свет.

А оттуда жди сигнала!
Непременно жди звонка!
Отпускайте трос помалу,
Братцы, милые, пока!»

И исчез он, как в провале,
Санки скрыл метельный шквал,

Только трос мы отпускали,
Только провод уползал.

Сквозь лихую толщу мрака,
Сквозь крутящуюся муть
Санки по льду шли в атаку,
Лед потрескивал чуть-чуть.

Трудно санки на морозе
Целый час толкать рукой...
Медленно скользят полозья,
Заметает след пургой.

Ветер бьет в лицо, неистов,
Хлещет с маху басурман,
Звон в ушах стоит от свиста...
Но подкрался Аптраман,

Заложил под борт «гостинец»,
Улыбнулся: «Это вещь!»
Сколько надо — пехотинец
Отступил, чтоб шнур зажечь.

Вот зажег он шнур бикфордов,
Тайный страшный огонек,
И нажал рукою твердой
Кнопку — и вдали звонок!

Виктор слышит долгожданный
Прерывающийся звук,
Сразу трос во мгле буранной
Потянули тридцать рук.

Потянули споро, рьяно,
Что есть силы, вперехват,
Так, что санки с Аптраманом
Быстро двигались назад.

Пролетели две минуты,
И, окрестность озарив,

Грохоча, сверкая люто,
Как пружинный, взвился взрыв.

И, увидев страшный пламень,
Все мы поняли одно:
Катер с пушками, с врагами
Навсегда пошел на дно.

Право, чистая работа!
А на вражьем берегу
Стали бить из минометов
Немцы — наугад, в пургу.

Беспокоясь за солдата,
Тянем дружно, аж кряхтим.
Вот и санки. «Жив, ребята!»—
Закричал солдат своим.

Через час Эндри в землянке
С Басовым, с друзьями был,
Отдуваясь, у лежанки
Чай горячий, крепкий пил.

АПТРАМАН ПОДМЕТАЕТ ПЕЧКУ

ром всю ночь. Огонь. Ракеты.
Трепет световых полос.
Незадолго до рассвета
Немцев выбить удалось.
Батальон вошел в село.
Только-только рассвело.

В этот час Эндри бесшумно,
Хоронясь за дымкой мглы,
Все облазил — клетки, гумна,
Все укромные углы,
И спешит, как на парад,
Вдоль по улице солдат.

Тут же к бравому мужчине
Баба кинулась с ведром,
Зашептала, потащила
Аптрамана прямо в дом...
«Тише, тише, не кричи,
Фриц один храпит в печи.

Их стояло в доме — пропасть,
А меня из дома — в хлев.
Истрясла мне душу робость,
И жила я, онемев.
Заставляли печь топить,
Хворост из лесу носить.

Телку съели, кур сожрали,
И добро мое трясли.
И не сеяли да жали,
Насмехались, как могли.
Вражья сила дальних мест,
Три аршина ей да крест!

Прошлой ночью, будто стадо,
Гужевалась эта тьма,
Прохватила, видно, гадов
Крепко-накрепко зима.
Шли обмерзшие с полей,
Мест искали потеплей».

Отворила двери дома,
Дом загажен, будто хлев:
Гильзы, тряпки, грязь, солома...
Вот он, в печке вшивый лев,—
Баба тихо говорит,—
Печь зажечь бы, пусть сгорит».

«Что ты, тетка, это ж рвота.
Брось пустое говорить.
Щи, пожалуй, неохота
Будет в ней потом варить.
Немец нужен нам пока,
В штаб доставим «языка».

Расхрабрилась лихо баба
И взялася за ухват:
«Тут затапливать пора бы...
Ведь по-русски говорят—
Выбирайся, немчура,
Честь бы знать тебе пора.

Вишь, еще он недоволен,
Просишь ирода добром...
Вот те крест, моя бы воля,—
Изрубила б топором!»
Немец, видимо, смекнул,
Ноги в печке подогнул.

«Ну и ну, скажи на милость,
Разоспался как — смотри!
Гутен морген! Что приснилось?
Вылезай!»— кричит Эндри.
А хозяйка прямиком:
«Ты штыком его, штыком!»

Вылез немец, и, понурясь,
Размотал на шее шаль.
Право, волк в овечьей шкуре,
А такого разве жаль?
Весь в золе, в угле. Опух,
На колени сразу — бух!

«Встать! А-ри-ец... Поздновато
Ты раскаиваться стал.
Зря ты молишься солдату...
Ишь ты, как залопотал!
Отряхнул бы хоть шинель.
Так-то лучше. Быстро! Шнель!»

А хозяйка — следом, следом,
Ненависти не тая.
«Дай прикладом дармоеду,
Разреши, — ухватом я...»
Отвечает ей солдат:
«Не хочу марать приклад».

Аптраман привел фашиста
На КП. «Хорош, хорош!
Где такой торчал нечистый?
Не видал подобных рож,—
Виктор Басов засмеялся,—
Экземпляр с крестом попался».

Аптраман глядит, как солнце.
«Расскажу, уж так и быть...
Впопыхах друзья-саксонцы
Позабыли разбудить.
Он в печи храпел себе,
Сажа сыпалась в трубе».

А фашист застыл на месте,
И комбату отдал честь.
Нам сует портрет... Невеста,
Дескать, в фатерлянде есть.
Эдмунд Шиффке. Рядовой.
Вид веселый, деловой.

Обыскали по порядку,
А тряпья, тряпья на нем!
Всякой всячины в подкладку
Позашил. Ходячий дом!
Как раздели до конца,
Он затрясся, как овца.

Маргарита — да и только
В панталонах кружевных.
Сразу видно, грабил с толком,
Заготовил впрок жених.
Мы — ему: «Теряешь честь!»
Он опять: «Невеста есть...»

Мы тогда его спросили:
«Ты воюешь за кого?»
И ответил нам насильник:
«Я не знаю ничего.
Я хотел поехать в дом...
Я подумаю потом...»

«Что ж, подумай, — мы сказали, —
Не такой ты идиот...
Может, совесть в наказанье
По лицу тебя хлестнет;
Тень раскаянья — не страх —
Может быть, мелькнет в глазах»,

А глаза его, как омут,
Будто застеклил мороз.
И отправили его мы
В тыл, в разведку на допрос.
Там он свой язык развяжет,
Там, что надо нам — расскажет.

ШИРОКИЕ КРЫЛЬЯ

1

ень померк. Во всем селенье
По домам сидит народ.
Искорка в окне правленья
То сверкнет, то пропадет.

Керосин, а то и сало
Люди жгут пока — война!
ГЭС достроить помешала
Нашим чкаловцам она...

Кто-то к лампе осторожно
Спичку в комнате поднес.
Миг—и вот уж видеть можно,
Как усердствовал мороз.

Нити, звездочки, кристаллы
Серебрятся на стекле.
Сквозь окошко видно мало.
Это кто там? Не Илле?

Угадали: он, конечно,
С головой ушел в грессбух.
На войне ведь друг сердечный
И хыйматлах Самаюх.

И теперь на место друга
Сел Илле. Легко ль ему!

Нет тягла, с кормами туго—
Впору впрячься самому.

И, хоть он в большом почете,
Часто думает Илле:
«Тяжело в конечном счете
Быть главою на селе...

Угодил ты мне, приятель,—
Знай, крутись то так, то сяк..
И какой я председатель?
Что за рыба в речке — рак?..

Ну, да ладно, рак ли, рыба,
Лишь бы дело шло вперед..
Только дел-то нынче — глыба!
Дел у нас невпроворот...»

Вот он взялся за газету:
В курсе надо быть ему
Всех событий... Трудно это.
Разберись-ка, что к чему!

Имена, события, даты...
Все смешалось — тыл и фронт.
«В самом деле Головаты й
Этот самый Ферапонт...

Понял он, как тесно с фронтом
Тыла связана судьба.
Надо вслед за Ферапонтом
Что есть силы бить в набат.

Стыдно мешкать при пожаре,—
Размышляет наш Илле,—
О его богатом даре,
Вон, узнали и в Кремле!

Сотня тысяч — это дело!
Крепкий, стало быть, старик.

У меня бы тут заело,
Я б не поднял — груз велик...

Но помочь и мне придется
Натали и сыновьям.
Сто не сто, а что найдется
Вплоть до красненькой отдам!

Пусть печатают в газете,
Так и так, мол... Аптраман...
Не для славы... Знали б дети,
Чей берег отец карман.

Помнили б, что в эти годы
Чести дома не ронял.
Ну, и нашему народу
Неплохой пример подал.

Может быть, прочтет Самаев...
Где-то нынче старый друг?
Ничего о нем не знаю.
Все не пишет — недосуг.

Да, достанется Ивану...
Что ж, и мне тут тяжело...
В трудный час на старикана
Он оставил все село».

Думы эти Аптрамана
Допекли, лишили сна.
В голове роятся планы.
«Что с ним?» — думает жена.

Знать не зная про затею
Накопить на самолет,
Мужа Кулине жалеет:
Захворал — не ест, не пьет!

А Илле и так и эдак
В голове ведет подсчет.

«Нет, — решает напоследок, —
Дело, видно, не пойдет...

Вот, коль весь колхоз поможет, —
Самолет взовьется ввысь...»
Что ж, пожалуй, он предложит
Землякам такую мысль...

И с земли не улета
В помыслах под облака,
Председатель наш считает
То, чем сам богат, пока.

«Бык двухлетний... На сегодня —
Это клад... Ягнят пяток...
Мед в запасе прошлогодний,
А теперь в цене медок...

И картошка подороже
Нынче, может быть, пойдет:
Кто-нибудь с мешками сможет
Сесть на первый пароход.

Волга вся теперь свободна —
Можно в Астрахань уплыть,
Ради цели благородной
Надо б не продешевить...»

Смотрит наш Илле на карту,
Что закрыла полстены.
Каждый вражеский удар тут
И ответный наш видны.

Сколько сельские стратеги
Здесь нарисовали стрел,
Левый край от них стал пегим,
Правый с центром уцелел.

Вспоминает он, как много
Здесь трудилось дюжих рук

В дни, когда одна тревога
Всех сводила в тесный круг.

Встав, вздыхает с облегченьем:
Дело движется вперед.
Наши нынче в наступленье,
Наша, стало быть, берет.

2

Мысль, с которой Головатый
Самым первым в банк пошел,
Поддержали таровато
Жители чувашских сел.

Как повсюду, оборонный
И у нас был создан фонд.
Трудовые миллионы
Потекли рекой на фронт.

Разные у всех достатки,
И сыны моей земли
Сотни тысяч и десятки,
И рубли в тот фонд несли.

Точно так и в Ярмухале
Раскошелится народ.
Целый месяц толковали
Все про сбор на самолет.

И, конечно, каждый житель,
Делая посильный взнос,
Требовал, чтоб истребитель
Назван был, как их колхоз:

«Где бы после ни летал он,
Кто бы в бой его ни вел,
Назовем «Валерий Чкалов».
То-то летчик был! Орел!»

«Да! Но случай тут особый—
Ястребок-то будет наш»

Надо нам добиться, чтобы
В бой его повел чуваш».

* * *

А тем временем природа
Дело делает свое,
Наши беды и невзгоды
Не касаются ее;

Солнце светит, тучи ходят,
Разнося то снег, то дождь;
Яровые в пору всходят,
В пору колосится рожь.

Вот еще одна страница
Вечного календаря:
Прилетели с юга птицы,
Что ни день — красней заря.

Греет солнышко — смолою
Бор запах, растаял лед,
Над набухшею землею
Голубой парок плывет,

Зажурчали по оврагам
Ручейки, взошла трава...
Чудеса: лучи да влага—
Вот и все, а жизнь — жива!

Возле речки загудело:
Пчелы взяток понесли,
А с цветов яснотки белой
Им в ответ гудят шмели.

Под стрехой у Аптраманов
Поприбавилось жильцов—
Ласточки за океаном
Не выводят ведь птенцов...

Щебет деду грудь бередит,
Так и слышится ему:

«Жалуешь ли нас, Хеведер?
Мы опять в твоём доме...»

К старому пришла забота:
Не напал бы мор на пчел.
Целый день он ладит что-то,
А сейчас вбивает кол.

Видно, улей ставить хочет,
В чем он, прямо скажем, спец.
Этим делом озабочен,
Слышит сзади он: «Отец!

Отдохни-ка, ради бога,
Что себя вгоняешь в пот...
Доложи-ка лучше, много ль
Будет цвету в этот год?»

«Как сказать, сынок? Приметы
Есть, что в нынешнем году
Плодовито будет лето...
И медку немало жду...»

Смолк старик. Должно быть, сыну
По душе такой ответ.
Что-то он в уме прикинул
И назад — простыл и след.

* * *

Ровно сорок девять тысяч
Накопил с зимы Илле.
Не сидел мужик, набычась,
На картофельном куле,

Выжидая цен на рынке,
Чтоб набить себе кошину,
По ночам не прятал в кринки
Он подпольную казну.

Нет, себя кой, в чем урезал,
Кое в чем семью прижал.
На пальто или отрезы
Ни рубля не издержал.

Цель имея — даром скромным
Подкрепить советский фронт,
Он полсотни тысяч ровно
Сдать решил в заветный фонд.

Нынче сам Илле с женою
И Хеведер с Сабани
На совете. Я не скрою
Слов их жарких. Вот они.

Чуть помедлив для начала,
«Родичи, — сказал Илле,
Глядя в книжку, что лежала
Под рукою на столе. —

Дело срочно и серьезно:
Порешили в этот год
Мы всей силою колхозной
Сделать сбор на самолет.

(«Ероплан так называют», —
Пояснил для женщин дед.)
Как тут быть — и сам не знаю...
Не дадите ли совет?

Отставать мне не пристало:
Председатель как-никак...»
«Этого не доставало, —
Дед Хеведер сжал кулак. —

Сроду не было порядка —
Аптраман, да чтоб в хвосте!
Или нет в дому достатка,
Или мы уже не те?!»

«Нет, отец! Ты так не думай:
Сорок девять тысяч есть.
Но ведь надо круглой суммой
Сделать вклад наш... Сам ты взвесь...»

«Вот в чем дело! Да... досадно...»
«Скверно, что и говорить...»
«Получается нескладно,
Надо тысячу добыть».

«Может быть, и этих хватит,—
Заявила Сабани,—
Важно то, что деньги кстати
Государству в эти дни».

Дед Хеведер с возмущеньем
Мигом рот заткнул жене.
Тут же с новым предложеньем
Выступила Кулине:

«Нечего тут долго думать:
Тут стянул — распустишь там...
Сэкономить эту сумму
На хозяйстве надо нам...»

Дед свое: «А в доме были,
Помнится, хушпу, тухья...
Все про них давно забыли,
Не продать ли, мыслю я...»

Ну теперь уж рассердилась
Не на шутку Сабани:
«А кому, скажи на милость,
Кроме нас нужны они?»

«Э! Охотницы найдутся!
Взять артисток иль певиц,
Так еще передерутся,
Лишь с тухьей к ним заявись».

Им она что клад... Сама ты
Понимаешь что к чему...

И выходит, что богата
Только ты у нас в дому.

Выручай, ведь не для свадьбы
Собираешь короб, мать.
Коль тухью твою продать бы,
Нечего б и горевать...»

Тут Илле наш шелкнул по лбу
Сам себя: «Да где ж я был!
Будь Палля — в момент дошел бы:
Про проценты я забыл!»

«Хватит ли?» — И на сберкнижку
Поглядел с почтеньем дед.
«Хватит, хватит и с излишком!..»
Тем и кончился совет.

* * *

Весть о вкладе ярмухальцев
Из районного села
До высокого начальства
В Шубашкар, в обком, дошла.

То начальство доложило
В тот же день самой Москве,
И Москва-столица живо
Шлет в Чувашию ответ.

Как-то утром рано-рано, —
Так гласят слова молвы, —
Вдруг стучатся к Аптраманам:
«Телеграмма!.. из Москвы!»

Телеграмму прочитали:
Благодарность Ставка шлет
Ярмухальцам, что набрали
Средств на новый самолет.

Описать перо не в силах
Радость чкаловцев моих,

Что столица не забыла
В эту пору и про них.

Вечерком у Аптраманов
Разговор идет живой.
Вспоминать его не стану:
Занял бы тетрадь собой.

Ради истины однако
Доложу, что и они
Рады были, как и всякий,
В Ярмухале в эти дни.

Сабани и та сказала,
Что, мол, во поле один—
Не батыр; силенок мало,
А все вместе — победим.

«...Поскорей бы только, что ли,
Внуки гнали прочь врагов!
Много дела нынче в поле,
Не поднять без мужиков...»

А уж сколько полегло их,
Сколько на селе калек!
Вот уж времечко лихое—
За войной война весь век!»

И в таком же духе, впрочем,
Все те памятные дни,
А, случалось, даже ночи
Сокрушалась Сабани.

3

Летний луг, как шаль, цветастый,
Возле речки Ярмухи,
На лугу — народ. Не часто
Так гуляют земляки.

Кто по жердочкам, кто бродом
Переправился сюда.

Столько всякого народу
Луг не видел никогда.

Близ речушки этой скромной
Ярмухальцы не одни,
Тут, среди толпы огромной,
В меньшинстве сейчас они.

Из окрестных деревушек
И больших районных сел.
Там оставив лишь старушек,
Весь народ сюда пришел.

Здесь юнцы и пожилые,
Девушки и пареньки,
И давно, как лунь, седые
Патриархи-старики.

Все ждут новый истребитель—
Нынче митинг в честь него.
Аптраман — распорядитель,
Но пока что нет его.

Видно, он сейчас с гостями.
Их прислал и Шубашкар.
Понимаете вы сами—
Не игрушка этот дар.

Говор, смех кругом. Иные
Уж давно пришли на луг.
Нынче даже и больные
Позабыли про недуг.

Вон и школьники в сторонке
От больших стоят гурьбой.
Тут — мальчишки, там — девчонки.
В платьях полный разнобой.

Собрались кто в чем сумеет,
Придираться было б грех.

Только галстуки алеют
Одинаково на всех.

Кстати, здесь, на этом поле,
И Палля наш. Он село
Не покинул. Парень в школе —
Слово Германа дошло.

Слово Германа законом
Стало нынче для Палли.
«Герман первый наш ученый!
Вы б такими ж стать могли...

Да, могли бы, если б так же
Занимались, не ленясь», —
Сам Турхан нет-нет и скажет,
Успокаивая класс.

Аполлон Иваныч тоже
На лугу среди ребят.
Он покинуть их не может —
Жизни он без них не рад.

Мог на пенсии давно бы
Он с женою жить, да нет:
Словно сговорились оба —
Без труда не мил им свет.

То не диво: вы учитите,
Что и стаж его велик,
И заслуженный учитель,
Депутат притом старик.

В Ярмухале каждый горд им,
Что суров он — не беда.
На груди Турхана орден,
Сам он скромн, как всегда.

Он, как все его питомцы,
Вдаль глядит из-под руки,

Видно, как блестят на солнце
Круглые его очки.

— Вон, летит, летит, смотрите! —
Наш Палля воскликнул вдруг.
— Истребитель! Истребитель! —
Подхватили все вокруг.

Самолет из малой точки
Превратился между тем
В небе в черточку с кружочком
И таким стал виден всем.

А уже через минуту,
Описав три раза круг,
Ястребок блестящий круто
Опускаться стал на луг.

Крики. Возгласы привета.
Там, где школьники — содом.
А Турхан в минуту эту
Думал все же о своем.

Крик Палли ему напомнил
Германа: «Живой ли, нет?
Обещал прислать письмо мне,
Да, увы, — пропал и след...»

Между тем из самолета
Наземь выпрыгнул пилот.
Вот к нему подходит кто-то,
Летчик рапорт отдает.

Школьники теснятся ближе
К самолету, и Турхан
Слышит: «Эй, Палля, иди же!
Летчик, глянь-ка, капитан...»

А Палля молчал: читал он
Надпись краткую в тот миг,

Даже вслух «Валерий Чкалов»
Произнес наш ученик...

Видно, что пилот из ассов:
На груди блестит звезда...
«Вот какой ты, Асламасов,
Юных чкаловцев мечта.

Ты такой же точно парень,
Как и тысячи других.
Шлем тебя немного старит,
А защитные очки,

Что на лоб сейчас ты сдвинул,
Мальчигов приводят в раж,
В остальном же ты мужчина,
Как и мы — простой чуваш.

Разве взгляд немного зорче
Да потверже — ты ведь асс,
Ну, а голос — так не громче,
Плечи тоже как у нас».

Так, примерно, думал каждый.
Уловить такой момент,
Наставляя «кодак», жаждал
Разбитной корреспондент.

Вот Илле, распорядитель,
Асса под руку берет—
Мол, хотите, не хотите,
А народ мой речи ждет.

Здесь товарищ из обкома
И райком почти что весь,
А соседей и знакомых
Из окрестных мест — не счесть.

Очутившись на помосте,
Аптраман надел очки.

«Дорогие наши гости!
Дорогие земляки!—

Далеко разнесся голос,—
Все вы видите, каков
Дар наш фронту!..»— Раскололась
Тишина вдруг от хлопков.

Вздрыгнула земля от крика:
Чье-то громкое «ура!»
Со старанием великим
Подхватила детвора.

Выждав срок, Илле поздравил
Дорогих односельчан
И трибуну предоставил
Гостю. Вышел капитан.

Переждав, пока улегся
Гул приветствий над толпой,
Бить, покуда сердце бьется,
Обещал врага герой.

Ярмухальские девицы
С летчика не сводят глаз.
Не одна сейчас томится
И потом вздохнет не раз.

Мысли их ясны до точки,
Хоть скромны они на вид:
Неужели ни денечка
Здесь герой не погостит?

Неужели смелый сокол
Нынче снова взмлет ввысь?..
Что ж, лети, герой, высоко
Да с победою вернись!»

Дед Хеведер слушал речи,
К старой липе прислонясь.

«Эх,— сказал он,— ну и плечи!
Крепок этот Асламас!

Асламас... Слышал я, вроде,
Не припомню только — где,
Уж давно об этом роде...
Молодой, а при звезде!»

А Палля, вздохнуть не смея,
Слушал летчика слова.
Быть сильнее, быть смелее
Клятву он себе давал.

Если б мог, с какой отвагой
Полетел бы парень в бой.
А пока вздыхал бедняга:
Полетит не он — другой.

Секретарь райкома с жаром
Поздравлял потом колхоз,
Представитель Шубашкара
Речь большую произнес.

Впрочем, что ж я: речи эти
Всем известны из газет.
Был, мне помнится, в газете
Даже летчика портрет.

Так что, место экономя,
Тут бы надо об ином.
Митинг был, а что же кроме?
Вот об этом и начнем.

В липняке неподалеку,
Примостившись меж стволов,
Приготовленные к сроку
Ждут людей ряды столов.

Кто б, скажите мне, позволил
В день такой своих гостей
Провожать без хлеба-соли?
Где найдешь таких людей?

За убранство не из пышных
Просит не судить Илле,
Ведь конца войны не слышно,
Бой грохочет на земле.

Вот когда с войной, мол, кончим,
Так богаче заживем
И тягаться, между прочим,
Станем с городом во всем.

А сейчас, мол, чем богаты,
Тем и рады — «Вот медку
Пчеловода Яганата
Да домашнего сырку

Попрошу у нас отведать» —
Он широкий сделал жест.
Сели гости. «За победу!»
«За победу!» — слышно с мест.

— А медок-то, видно, с хмелем, —
Улыбнулся капитан.
— Да, крепенек в самом деле...
Ну-ка, брат, еще стакан!

Яганат лицом светлеет.
Эту речь он слышать рад.
Медоварнею своею
Горд недаром Яганат.

Шевеля густою бровью,
Шепчет тихо старый дед:
— Пейте, дети, на здоровье
Да живите двести лет.

* * *

Взмыл, взревев, «Валерий Чкалов»
Сделал круг и — был таков.
Сколько вслед ему махало
Веток, кепок и платков!

И семейство Аптраманов
Провожало самолет.
Все хвалили капитана:
Уж такой не подведет!

Если б мог пилот их слышать,
Эти теплые слова!
Но беря все выше, выше,
Он летел к тебе, Москва.

Он летел, чтоб от народа,
Что с тобой делил в борьбе
И победы, и невзгоды,
Передать поклон тебе.

Как батыр в старинных былях,
Нес тебе от нас он вновь
На своих могучих крыльях
Нашу братскую любовь.

ПРОШУ СЧИТАТЬ КОММУНИСТОМ

1

столу продолговатом
Под большим стеклом квадратным
Зелень свежая сукна,
Как сквозь слой воды, видна.
На столе лежат газеты,
Сводки, книги, календарь...
Медленно по кабинету
Ходит, ходит секретарь.
Будто лучики, морщинки
Возле глаз, изрядно сед,
На щеках кой-где рябинки—
Черной оспы давний след.
А глаза чуть покраснели,—
Может, он всю ночь не спал,
Может, людям в важном деле
От души он помогал...

И глубокая в райкоме
Водворилась тишина,
Кажется, в огромном доме
Машинистка лишь одна.
За окном бушует лето,
Солнце в небе, как янтарь.
Медленно по кабинету
Ходит, ходит секретарь:
Подойдет к столу — запишет,

Вновь, задумавшись, пойдёт.
Шаг его почти не слышен,
Время движется вперед.

Вот он вновь остановился,
Над листком опять склонился,
Покрутил слегка усы,
Взгляд вдруг бросил на часы.
Позвонил. Строга, смугла,
Тотчас девушка вошла.
Он спросил: «Никто не ждёт?
Есть? Отлично. Пусть войдет».

Человек, смутясь немного,
Задержался у порога.
Он, исполненный волнения,
Двадцати, примерно, лет,
С радостным благоговеньем
Получает партбилет.

Кто он? В самом деле, кто же?
А не все ль равно. Быть может,
Это ты, читатель мой.
Партбилет в карман положен.
Сам ты стал, пожалуй, строже,
Возвращаешься домой.

Ты, как небо голубое,
Сердцем чист, перед тобою
В жизнь открыт просторный путь.
Ты идешь в тени акаций
И не можешь удержаться,
Чтоб еще раз не взглянуть...

Радуешься, как мальчишка,
Горд, в глазах мерцает свет;
Эту маленькую книжку
Достаешь... «Мой партбилет!»

Пролетят, промчатся годы,
Ты, глядишь, пойдешь на отдых,

Вероятно, станешь сед,
Но и через много лет
Будешь помнить день врученья,
Поздравленье и волненье,
В тихом доме кабинет.

* * *

Но не всем так доводилось
В нашу партию вступать.
Валом смертным накатилась
На Россию вражья рать...

Впереди овраг покатый,
Позади лощина, лог,
В том логу в траве косматой
Притаился ручеек.
Между ними взгорья гребень,
Млечный путь над взгорьем в небе.
И на самом на бугре
Как-то ночью, на заре,
Затаясь, ребята наши,
Длинный выдержав поход,
Прямо с ходу, прямо с марша
Взяли землю в оборот—
И отрыли здесь окопы
Для короткого житья.
Тишина, лишь слышен ропот
В ложе каменном ручья.

Окопался взвод солдат,
Все посты вперед глядят,
Все направлено вперед—
Оборону держит взвод.

Справа, слева тоже взводы,
Роты, целые полки...
Ясно. Выдалась погода.
Звезды яркие, высоки.
Начеку всегда стрелки!

Сзади — в роще пункт командный.
Подполковник рослый, складный
Смотрит карту, наклонясь,
Разбирает знаков вязь;
Крестиком отметил ту
Занятую высоту,
Где посты глядят вперед,
Где не спит в дозоре взвод;
Стрелкой красный карандаш
Намечает натиск наш...

А в окопах тех, на взгорке,
У солдат — и двор, и дом,
Пахнет хлебом и махоркой,
Жизнь — нормальным чередом.
Пули свищут, в дрожь кидая,
Пулемет в ответ строчит,
Иногда снарядов стая
В гости к недругу летит...

И, представьте, как в отместку
За удачный артналет,
Заревет ишак немецкий—
Шестиствольный миномет.

И над нашею горою,
Прорезая небосклон,
«Фокке-Вульф» жужжит порою
(Нами прозван «бороною»),
Как комар, назойлив он.

Так и щупаем друг друга
В ясный день и при луне,—
И подчас бывает туго
Той и этой стороне.
То ведем разведку боем,
То огонь «Катюш» устроим,
То охотиться идем
За немецким «языком».

Фронт — из грома и огня,
Без конца страда одна—
Нет ни ночи, нет ни дня,
Нет ни отдыха, ни сна,
Ни зимой, ни по весне,
На войне как на войне.

Поле боя — поле горя,
Кровью блещешь — не росой,
Ты от Баренцова моря
До бурунов Черноморья—
Огневою полосой.
И на этом протяженье,—
Прямо с севера на юг,—
Все в движенье, в напряженье...
Знай, читатель, старый друг,
Здесь в земле по грудь пехота—
Становой хребет фронтов;
Загляни в любую роту,—
Я на спор идти готов,—
Повстречаешь непременно
Ты солдата-чуваша.
Он, наш труженик отменный,
С точки зрения военной—
Та же русская душа;
На пиру не обносили,
Любит выпить парень-кряж...
На сто человек в России,—
Как ни кинь,— один чуваш.

Вот такой один и здесь
На холме в окопах есть.
Кто же он? Простой солдат.
Познакомить буду рад.

Он стоит, куря махорку,
Он в зеленой гимнастерке,
Правда, выцвела она,
На подоле два пятна,—
Замарал ружейным маслом.
А пилотка — набекрень,

Светит звездочкою ясной.
Под бровями свет и тень,
А глаза черны, как уголь;
На ремне, как на подпруге,
Сумка с дисками, гранаты,
Над плечом ствол автомата.
Он соседа из кисета
Угощает: «Закури!»
Узнаете? Нет? Да это—
Аптрамана сын, Эндри.

* *
*

Наступленье! Весть об этом
Просочилась в каждый взвод.

Отцвело, отпело лето,
Ветер дует — пыль метет.
Под луной, под звездной крышей
Часовой глядит вперед,
Он напрягся, что-то слышит,
Кто-то, кажется, ползет...
Может, немец? Немец, видно...
Не видать во мгле. Обидно!
И боец открыл затвор:
«У меня суд будет скор!»—
Он подумал: «Пуля — доля».
Озадачен. «Вот так враг!»
Мимо перекаати-поле
Колесом летит в овраг...

Никому почти не спится
Перед боем в эту ночь.
Ночь неделей целой длится,
Сердцу грустно — не помочь.
Группами сидят солдаты
(Меж коленей автоматы),
Курят, тяжким дымом дышат,
Думы думают — и пишут...
Каждый положил листок—
Кто на кирзу голенища,

Кто на диск, а кто на днище,
Опрокинув котелок.

Наш Эндри склонился низко.
Из тетради лист — на диске,
В гильзу вставлен карандаш.
Басов спрашивает: «Слышишь,
Ты, Эндри, чернильным пишешь?»
«Да». «Пиши, потом мне дашь...»

Написал он кратко, кстати,
Словно зрел всю жизнь тот план:
«Коль умру в бою — считайте
Коммунистом.

А п т р а м а н».

* * *

Человеку жизнь одна
На весь век его дана.
Сколько бы ни шла война,
Все же кончится она.
Здесь окоп трава заглушит,
Ласточки-береговуши
В норах выведут птенцов.
Мы вернемся в край отцов,
Где девчата в рощу ходят,
Хоровод весенний водят.
В бусах, в лентах и шелках;
Мы войдем в дома под крыши,
Где в бочонках брага дышит,
Ходит, пенится в ковшах.
Брось, голубчик, не хандри,
Поживем еще, Эндри!
Надо дело делать чисто,
Лучше жить, чем умереть,
Чтоб навек орду фашистов
Нам с лица земли стереть.

2

Пробил час. Светало. Плыло
Тихо облачко вдали,

Будто на краю земли...
Вдруг за лесом что-то взвыло,
Потрясающая сила
В небо брызнула огнем.
Гром! Гром! Гром!
Басов молвил: «Вон «Катюша»
Заиграла... Началось!
Знаешь что, Эндри, послушай,
Как бы нынче не пришлось
Нам друг с другом распротиться
И расстаться навсегда...»

В небо огненные птицы
Из железного гнезда
Вылетают, пролетают
Над окопами, гудят;
В стан врагов их провожает
Аптрамана зоркий взгляд.

«О судьбе сам бог не знает...—
Про себя подумал он,—
Смерть, она не выбирает,
Бац — и выпал вечный сон».

И добавил вслух: «Да что ты,
Виктор, друг, — ни в рай, ни в ад
Нас не примут из пехоты,
Нас, отъявленных солдат».

Аптраман свернул цыгарку,
Курит, держит в рукаве.
«Смерть иль нет?.. А будет жарко...»—
Мысль мелькает в голове.

В небе наши самолеты,
Непрерывно пушки бьют,
Следом бьют и минометы,
Взрывы, взрывы — там и тут.

Мчатся танки. Как в воротах,
На заре они видны.

Вот сейчас пойдет пехота—
Сила главная войны.
Перед ней, живой лавиной,
Распадается металл,
Без пехоты ни единый
Генерал не побеждал.

Здравствуй, русская пехота!
Вот поднялся первый взвод,
Вот встает за ротой рота,
Полк, дивизия встает...

«Аптраман и Басов, братцы,—
Отделенный им сказал,—
Надо к танку подобраться,
И оттуда... Зря не рваться,
Ждать, когда дадут сигнал.
Будем брать вон ту траншею,
Дот, где немец, как паук.
Я пойду ложком, левее,
Справа — наш Понамарчук
И другие... Ясно?»—«Ясно».
«Нет вопросов? Ну, прекрасно».

* * *

В поле танк КВ подбитый,
И к нему среди быльи
В борозде, что как корыто,
Вдоль межи ползут друзья;
Прижимаются плотнее
К лону матушки-земли,
Так оно в бою вернее,
Чтобы пули не нашли.

Что ж еще желать солдату?
Всюду комья, травы смяты,
Напрочь вырванные корни—
То полынь, то лебеда.
Нет, не хлебопашца кони—
Здесь идет война-беда.

Аптраман ползет, вздыхает,
Жизнь солдата нелегка,
Дух полынный он вдыхает—
И полынь напоминает
Вкус парного молока.

Он ползет. В носу щекочет,
Пыль едка, что твой табак;
Он чихнуть, представьте, хочет,
А чихнуть нельзя никак.

А с боков полно воронок,
Глубже есть и мельче есть,
Среди трав, огнем спаленных,
Столько их, что и не счесть.

Ведь все лето поле это
Артогонь хлестал и рвал.
Вдруг в зенит взвилась ракета...
«Басов!»—«Что?»—«Уже сигнал...»

И тотчас «ур-ра-а!» взлетело,
И над ширью полевой
Покатилось, загремело,
Будто вихрь над головой.

Два ровесника, два друга—
Оба сразу поднялись,
И — вперед... Дрожит округа,
В молниях зловещих высь.

И они бегут, ложатся,
Поднимаются опять,
И стреляют, чтоб подняться,
Вновь ложатся, чтоб стрелять.

Аптраман в воронку — камнем.
Разрывается фугас.
Где же Басов? Дым кусками...
Скрылся друг сердечный с глаз.

Пуль, осколков ливень встречный...
Трудно голову поднять,
А поднимешь — так навечно
Здесь останешься лежать.

Но есть долг, есть повеленье
Сердца, ненависть, как бог;
Улучил боец мгновенье—
Сделал в сторону прыжок.

И — вперед — ползком и катом...
К заграждению подбежал,
Яростно метнул гранату,
Очередь по немцам дал...

И на проволоку бросил
Плащпалатку, сам — по ней.
Враг, того гляди, подкосит,
Аптраман, быстрее, быстрее!

Он в траншею прыгнул сразу,
Сердце яростно стучит.
«Хенде хох!» — услышал фразу;
Это кто же там кричит?

Знать, боец впросак попался,
Справа, там фашистский дот;
Аптраман не растерялся—
Побежал на окрик тот.

А траншея уже, уже,
Аптраман, едва дыша,
Увидал: навел оружие
Басов, дерзкая душа.

Дуло светится стальное,
Луч рассвета на щеке...
Враг стоит к Эндри спиною,
Враг с гранатою в руке.

Аптраман подкрался сзади,
За руку с гранатой — хватъ.

«Ты еще не «хох», приятель?!
Сколько можно повторять?»

* * *

Басов рад. «Дружище, — кстати.
Мне живьем хотелось взять.
Хорошо что ты к гранате
Сразу... Немец — тот, видать».

Обыскали быстро немца,
Из карманов извлекли
Зажигалку в виде сердца,
Письма, русские рубли
Да гармонику губную,
Да открытку площадную,
На которой дева-фея —
В чем мамаша родила...
Право, видно по трофеям
Из какого он числа.

Перебрали все вещицы,
Обомлев от одного —
Треугольники с петлицы
На бумажнике его.

Басов вздрогнул, охватило
Душу жутким холодком.
«Старшину, должно, убил он...
Чтоб похвастаться потом...»

Людоеды лишь могли так,
Состязаясь в похвальбе,
Из зубов людей убитых
Бусы мастерить себе.

Между тем привел другого
К ним Понамарчук. «Друзья,
Он твердит одно лишь слово —
«Тельман». Тот кивает: «Ja».

Аптраман не понимает.
«Кто ты? Т е л ь м а н — что? Девиз?»
«Тельман, Тельман!— повторяет
Пленный немец,— комуниз!»

Он сапог с ноги снимает,
Из-под стельки достает
Партбилет — и раскрывает,
Улыбаясь, подает.

Басов смотрит. «Да, похожий...
Он на карточке моложе.
Ловко спрятал, парень знал...»
Немец рад, заметно ожил.
«Их геноссе»¹, — он сказал.

И отметил Басов: «Рад он.
Слышь, Эндри, хоть немец мил—
Разберутся там, где надо,
Отведи обоих в тыл».

По земле родной советской
Зашагал товарищ наш,
Конвоирует немецких
Двух солдат один чуваш.
Весел взгляд у конвоира:
В одинаковых мундирах—
Две души, два разных мира.

---

¹ Их геноссе—я товарищ (немецк.).

СЧАСТЬЕ

войне и так бывает:
День и ночь бушует бой,
Словно филин, завывают
Мины прямо над тобой,

Рвутся с грохотом снаряды,
Танк скрежещет и ревет.
Пыль и дым столбом, а рядом
Птаха, знай себе, поет.

Иногда заметишь с грустью,
Как, прервав на миг полет,
Сядет ласточка на бруствер,
Смотрит, что тут за народ.

Хлопотунья-невеличка
Не нарядна, голос тих.
Отчего же эта птичка
Мне милее всех других?

Люди жмутся по окопам.
Дела нет ей до войны—
По своим небесным тропам
Вьется в ветре вышины.

Запеваet в ясном свете,
Люди, слышите слова?
«Я в тевете, я в тевете!
Посмотрите, какова!

Я в тевете! Видят все ли?
Нарядилась я с утра.
Ягат-Педер, ты в постели?
Ягат-Педер, встать пора!»¹

Ягат-Педер!.. Где-то ныне
Педер мой? Ты что ж, Сумбай?
Натали твоя в кручине.
Ты хоть весточку подай!

Зла разлука. Нету мочи
Знать, что милый друг вдали.
Ясным днем и темной ночью
Парень в мыслях Натали.

И, хотя тоска-страданье
Девичью терзает грудь,
Все ж надежда на свиданье
В сердце теплится чуть-чуть.

И любовь горит — не гаснет:
Пусть разлука, пусть война,—
С каждым днем сильней, всевластней
Душу в плен берет она.

«Вот бы, — думает девчина, —
Мы друг друга здесь нашли!..»
Что же, что сулит судьбина
Непоседе Натали?

* * *

А весна приспела к сроку,
Блещет, искрится, звенит,
И любовь, любовь-морока
Молодых сильней томит.

Тропы в даль манят куда-то,
В мир, что зелен, свеж и юн.

¹ Вольный перевод народной песни, основанной на звуко-подражании.

Звонче чалый конь комбата
Ржет, просясь в луга, в табун.

Сливы, яблони в обновы
Убрались в погожий день,
Грозди пышные готова
Распустить в садах сирень.

А в лесок свернет дорога—
Шелест листьев, полутьма...
Подожди еще немного—
Соловьи сведут с ума...

Украина, Украина—
Украшение земли!...
Но, случилось, на руины
Попадала Натали.

Отдавался в сердце чутком
Болью горький плач сирот.
В ночь она ни на минутку
Глаз, бывало, не сомкнет.

Вился сизый дым туманом
Над прекрасной стороной.
Трудно заживали раны,
Нанесенные войной.

Все же, как враги ни гнали,
Ни топтали здесь ее,
Как над ней ни лютовали,—
Всюду жизнь брала свое.

С ликованием природы
После первых вешних гроз
Ликование народа,
Вновь свободного, слилось.

Был наряд на украинках
Как на праздник в эти дни.

В пышных юбках-многоклинках,
В ярких вышивках они.

Как пленяли мастерицу
Из чувашского села
Их уборы! Поучиться
Кой-чему она могла.

Запросили дела пальцы,
Что вести привыкли нить,
Потянуло сесть за пяльцы,
Ткань узором оживить.

Радость жизни птахи малой
Песенка передает,
Ну, а девушка, бывало,
Холст узором разошьет.

Так и о тоске разлуки
Рассказала бы она.
Только огрубели руки,
Да и некогда — война!

Слышен топот молодецкий
Закаленных в битвах рот,
Знамя гвардии советской
Продвигается вперед.

Над весенними полями
Золотым блестит шитьем
Боевое наше знамя, —
Образ Ленина на нем...

Впереди еще немало
Будет ратного труда,
Но уже свободной стала
Украина навсегда.

Веет свежестью весенней
И над Польскою землей.

Светит ей освобожденье
Алой утренней зарей.

Будут битвы и потери.
В землю ляжет не один.
Но близка берлога зверя.
Час пробьет — падет Берлин!

* * *

В Польше как-то между делом
(Трое суток ливни шли)
Сшить себе передник белый
Ухитрилась Натали.

Села вышить, но затею
Отложить пришлось: зовут.
Сам комбат прислал за нею,
Срочно, мол, на пять минут...

«Что там? Немец не стреляет
Со вчерашнего утра...
Значит, кто-нибудь хворает...»—
Так решает медсестра.

Но больных не оказалось.
Захотел узнать комбат,
Как с бинтом: «Бинта осталось
Очень мало, говорят?»

«Правда...»—«Бинт получишь в среду.
Ты садись-ка...» Поняла
Натали, что ждет беседа
И присела у стола.

У комбата вот какая
Цель была, затем и звал:
Самолично земляка ей
Он представить пожелал.

«Знаешь, нынче с пополнением
Прибыл новый адъютант.

Боевой... Имел раненья
Этот старший лейтенант...

Ну, а главное — чуваш он,
Так что гостя принимай...
К слову, орденом украшен...
Вот он сам...»— Вошел Сумбай.

И, как будто всколыхнуло
Тяжким взрывом грудь земли,—
Что-то подняло со стула
И толкнуло Натали.

«Натали!»— И в самом деле
Это Педер — не двойник.
Щеки девушки зардели,
Сразу тесен воротник.

«Педер, Педер!»— от волнения
Дрогнул голос медсестры.
Скрыть старается смущенье,
Да ресницы-то мокры.

А Сумбай не растерялся:
«Вот что значит — перст судьбы!..»
В этот миг вдали раздался
Треск винтовочной пальбы.

Загудела вся округа,
Начинался жаркий бой...
Так они нашли друг друга
На дороге фронтовой.

* * *

Слезы выдали комбату—
Кто Сумбай для Натали.
Встречу счел он суховатой:
«Почеломкаться б могли...»

Впрочем, он заметил вскоре,
Что таков обычай наш,

Что и в радости и в горе
Сдержан, молчалив чуваш.

Натали держалась робко
В этот день и потому,
Что наряд ее в коробку
Спрятан был в родном дому,

Что обличьем изменилась:
Стала — парень без косы.
Гимнастерка подносилась,
В блиндаже не до красы.

Полинявшая пилотка,
Кирзовые сапоги,
Брюки — тоже не находка:
Их попробуй, сбереги.

Невозможно, сами взвесьте,
Если в поле день за днем
По-пластунски метров двести
Проползаешь под огнем...

Коль не голос, коль кармашка
Грудь слегка б не подняла,
То за юношу бедняжка
За пригожего б сошла...

Я надеюсь, не обидел
Санитарок мой рассказ.
Что до парня — этот видел
Только свет любимых глаз.

Натали ушла в смятенье.
Педер вслед ей: «Погоди!»
Взглядом просит позволенья,
А комбат: «Иди, иди!»

* * *

Нету спора, редкий случай,
Что невеста и жених

Повстречались в самой буче
Трудных будней фронтовых

Прав, однако, лишь отчасти,
Кто заметил: «повезло»,
Потому что это счастье
Не само собой пришло.

Не ждала невеста дома,
Словно горлинка, тиха,—
В бурю к берегу крутому
Вышла встретить жениха...

Случай был в полку замечен.
Это и немудрено:
Часты вот такие встречи
Только в книгах да в кино.

Вышло даже так, что вскоре
Сам «хозяин»— генерал
В душевном разговоре
О друзьях моих узнал.

Как-то раз зафыркал виллис
У штабного блиндажа.
«Из дивизии явились»—
Слух по ротам побежал.

Принял рапорт от комбата,
Поздоровался комдив,
Пошутил: «Не надо в хату,
На НП меня веди».

Коренаст, виски седые.
От бритья щека сиза.
Твердо смотрят молодые
Жизни полные глаза.

На НП отер платочком
Генерал высокий лоб,

Осмотрелся, выбрал точку,
Сам наставил перископ.

«Да. Не зря мы торопились...—
На комбата он взглянул.—
Тут они зашевелились,
Ты их здорово тряхнул.

Что ж, лиха беда начало...
То ли будет, капитан!
Ну, пройдем к тебе, пожалуй.
Мысль пришла... наметим план...»

Засиделись у комбата,
Планом заняты всерьез,
И хозяин тароватый
Гостю «светленькой» поднес.

За столом пошла беседа
О семействе, о родных.
Генерал уже был дедом,
Вспомнил он внучат своих.

Генерал твердит про внуков,
А комбат, нахмурив бровь,
Речь заводит про разлуку,
Про погибшую любовь.

Случай он припомнил сразу,
Что влюбленных наших свел.
Генерал его рассказу
Удивился: «Вот орел!

Значит, так-таки к невесте
И пожаловал герой?
Ну, а сам он как? На месте?»
«Да, как будто с головой...»

Педер призван был к ответу.
Осушил и он стакан.
Генерал: «...но, чур, не сетуй,
Коль изменишь, Аптраман!

Я к тому, что есть прохвосты...
Много с ними маяты.
Дело-то уж очень просто:
То да се, а сам — в кусты.

На пути твоём не станем—
Крепко любишь, так женись,
Но, скажу при капитане,
Если что... тогда держись!

Так-то, брат... Все в вашей власти...
Коль любовь вам дорога,
Защищайте сами счастье,
Крепче бейте вы врага!»

* * *

Может статься, скоротечна
Радость пары молодой.
Юность пылкая беспечна—
Что ей срок: хоть час да мой!

Завтра бой начнет «катюша»,
Танков ринется волна,
Щебет ласточки заглушит
Диким голосом война.

Вспыхнет красная ракета:
«Ну, пехота, выходи!..»
Но ведь «завтра» это где-то—
За горою, впереди.

А сейчас на день, на два ли—
Дальше видеть не дано!—
Две души одною стали...
Счастье это? Да, оно.

* * *

Средь некошенной травы
На лесной опушке
Две чернявых головы
На одной подушке.

Льется звездный свет в глаза,
Небо, словно синька.
Сохнет девичья слеза—
Светлая росинка.

Нет, не свадебная клеть,
Не родные сени—
Тут, куда ни поглядеть,
Только лес весенний.

Но мерцает Ковш-звезда¹
Так же, как и дома,
И в ручье журчит вода
Ласково, знакомо...

Слабый свет блеснул вдали
И пропал за тучей—
В нем узнала Натали
След звезды падучей.

«Может быть,— мелькнула мысль,—
Кто-нибудь из наших
Увидал ее...» И высь
Показалась краше.

И шепнула горячо
Дорогому другу:
«А моя горит еще
Там, над нашим лугом!..»

На плечо ее шинель
Сползшую надвинув,
Муж сказал: «Взгляни на ель—
Хоть рисуй картину...»

Пусть в ночи весь оком
Бороздят ракеты,—
Любо им смотреть вдвоем
В небо до рассвета.

---

¹ К о в ш - з в е з д а — созвездие Большой Медведицы.

Недалеко соловей
Щелкнул, выждал время
И залился меж ветвей
Где-то в самой теми.

«Хорошо! А на Суре,
На родном Сявале
Н а ш и звонче на заре
Все же распевали!»—

Так заметил мой Сумбай.
Так и я считаю.
Кто не верит — тот ступай
В Ярмухаль к Сумбаю.

Может, скажете: чуваш
Потерял, мол, меру,
Но езжайте под Канаш,
В Терлемес, к примеру.

Вот где соловей поет!
Перелив, прищелку
И кукушкин перелет—
Все исполнит с толком...

Все же польский соловей
Тоже пел неплохо.
Грудь у Натали моей
Поднялась от вздоха.

Заглушив журчанье струй,
Вновь свистит проказник:
«Чуп-чупту — целуй, целуй!»—
Не поет, а дразнит!

Вдруг сменилась тишина
Гулом отдаленным—
То напомнила война
О себе влюбленным...

В ПОЛЬСКОМ ГОРОДКЕ

старом польском городке
Завершилось дело.
Здесь, на Висле на реке,
Битва отгремела.

Очень краткое о ней
Было сообщенье,
Трудно выдумать скромней:
«Местного значенья...»

Бой как бой — чего же тут
Распинаться долго.
Сотни вам таких начтут
Те, кто шел от Волги.

Бой как бой среди других,
Частых в эту пору.
Мало знаем мы о них.
Вот и этот город—

Хоть и с боя заняли,—
Не салютовали,
Спешно не чеканили
В честь того медали;

Лиха враг попробовал,
Быстро пятки смазал,—
Не было о с о б о г о
Издано приказа.

Но вернусь к тому опять,
Что, хотя не мило,
Хоть и горько вспоминать,—
Только все же было.

А случилось так подчас,
Что один ты в щели,
Скрытой от враждебных глаз,
День, другой... неделю!

Головы единственной,
Что других не плоше,
Не поднять, не высунуть:
Мигом уokoшат.

Не без дела голова
У тебя однако,
Ворошит она слова:
Фронт, маневр, атака...

Рядом берег. Там и сям
Ивы к струям свисли.
Сквозь туман чуть виден нам
Островок на Висле.

Много ли корысти в нем,
В островке с осокой,
С изувеченной огнем
Рощей невысокой?

Отчего же все-таки
В маскировке пестрой
То плоты, то лодки
Курс берут на остров?

Отчего ж, с утратами
Доставляя каждый
Термос, тюк с гранатами
Тридцати отважным,

Все ж не покидаем мы
Островок тот жалкий?
Может, затеваем мы
По-пустому свалки?

Нет! Пройдет денек, другой,
Ну, пускай — неделя,
И саперы над водой
Шаткий мост настелют,

И на берег тот, чужой,
Словно сквозь ворота,
Через остров небольшой
Ринется пехота.

Каждого из тридцати, —
Нынче тридцать было, —
Ждет иль орден на груди,
Или ждет могила.

А еще, друзья, — живых,
Мертвых ли, — по праву
Ожидает слава их,
Боевая слава!

* * *

Рядом в польском городке
Битва затихает,
А на страшном островке
Медсестра рыдает.

Час ударил, и вдали
От родного края
Потеряла Натали
Навсегда Сумбая.

Счастье пары молодой,
Где ты затерялось?
Натали моя вдовой
Горькою осталась.

Не летать двум голубям
В небе друг за дружкой,
Не лежать двум головам
На одной подушке.

О последней, впрочем, я
Вставил ради краски:
Сами знаете, друзья,
Что подушка — сказки.

И Сумбай, и Натали
Оба этим летом
И на камнях бы могли
Сладко спать, да где там!

То бомбежка, то обстрел
Будят среди ночи.
Ну, а днем хватает дел,
Не заспишься очень.

А теперь конец... Нашла
Пуля сердце друга.
Не поспела, не спасла
Натали супруга...

В этот день она чуть свет
Поспешила к штабу:
Там еще Сумбай иль нет,
Ей узнать хотя бы...

Вдалеке разрывы мин,
Свищут пули злые.
В блиндаже штабном один
Рядовой Алиев.

«Где же старший лейтенант?»
«На энпе с комбатом», —
Отвечает ей солдат,
Точно виноватый.

Словно он тому виной,
А не служба, скажем,
Что не могут муж с женой
Чаю выпить даже.

«Посидите у огня,—
Говорит ей парень,—
Чай хороший у меня...
Только что заварен...»

В блиндаже тепло, уют...
В маленькой печурке
По-домашнему поют
Смоляные чурки.

Вот и чай в стакан налит.
Но ничто не мило
В это утро Натали:
Сердце вдруг заныло.

Ноем, будто суждено
Встретиться с бедою.
Что предчувствует оно,
Сердце молодое?..

Рощей, что, как шаль, пестра
От багряных листьев,
Торопливо медсестра
Зашагала к Висле.

Залпы слышатся вдали,
Как раскаты грома.
Эти звуки Натали
Уж давно знакомы.

Все вокруг знакомо ей,
Словно в Ярмухале.
Много здесь ночей и дней
Наши простояли.

Отходить случалось нам
Под нажимом страшным—
Немцы даже по ночам
Лезли в рукопашный.

Но потом пришлось врагу
Убираться срочно.
Мы на этом берегу
Закрепились прочно.

Сколько раз у Натали
У моей, бывало,
Чуть носилки понесли,
Сердце замирало.

Чудилось: его несут
На брезенте шатком...
Но Сумбай был тут как тут
После каждой схватки.

Раз в бою, во тьме ночной,
После перевязки,
Раненый про дом родной
Вспомнил по-чувашски.

Допытаться у него
Натали хотела,
Где он, дом родной его,
Только не успела.

В ней землячки не узнал
Храбрый воин этот,
С ней на Волгу не послал
В смертный час привета.

Взор сраженного потух,
Стон его раздался,
С телом богатырский дух
Нехотя расстался...

* * *

С тех пор тревога за Сумбая
Не оставляла Натали,
А он все на переднем крае.
Они встречаться не могли.

С тех пор и за обоих братьев
Сильней тревожилась она.
В свои смертельные объятия
Могла и их схватить война.

Кервень... Эндри... За них немало
Мучений выпало сестре.
Но боль, что нынче сердце сжала,
Всех пережитых мук острее.

Спешит она, как вдруг «Наташа!»
Послышалось. Глядит — комбат
Ей издали рукою машет.
«Старшой наш ранен, говорят...

Живой, живой! Не падай духом.
Быть может, рана не страшна.
Пройдем овражком... Нынче сухо...
Крепись, товарищ старшина!»

А старшина себя не помнит.
Как уголь, мысли сердце жгут.
Спешит — словечка не обронит,
Спешит — а ноги не идут.

* * *

Как тополиный лист с изнанки,
Был бледен раненый Сумбай.
Лежал он в маленькой землянке.
Рвались снаряды то и знай.

На раненого от разрывов
Со стенок сыпался песок,

Порой казалось, что не жив он,
Лишь чуть пульсировал висок.

Под ним шинель, и в изголовье
Она же: тут постели нет,
А сбоку, словно наготове,
Лежат бинокль и пистолет.

В землянке санитар усатый
И молодой телефонист.
При появлении комбата
Тот и другой подобались.

«Что ж плохо держишь связь?» — сурово
Сказал связисту капитан.
«Обрыв случился, долго провод
Искать пришлось, ведь был туман...»

Да вот царапнуло немного...»
Но увидал уже комбат,
Что обошелся слишком строго:
«Ах, вот что... Ну, прости, солдат!»

Он над Сумбаем наклонился:
«Ну как, старшой?» А тот: «Дышу...
Ты, Натали? — Он оживился. —
Не плачь, родимая... прошу...»

А Натали бела, как вата,
Кивнула молча головой,
Глотнула воздух и комбату:
«Позвольте мне везти самой».

«Да, да... конечно... поезжайте, —
Заботливо, как старший брат,
Сказал комбат ей. — Выручайте,
Гоните прямо в медсанбат!»

На берег, минами изрытый,
Снесли Сумбая с островка.
В возок, соломою набитый,
Здесь запрягали меринка.

Сумбай не чувствовал касанья
Горячих, бережливых рук.
Он потерял уже сознание,
Его успел сломить недуг.

Комбат, прощаясь с верным другом,
Поцеловал холодный лоб,
А конь, косясь назад с испугом,
Все рвался с места взять в галоп.

«Надеюсь...»— И на этом слове
Комбат ладонь поднес к глазам.
И Натали сдвигает брови,
Но воли не дает слезам.

Повозка тронулась по лугу,
Промяв две свежих колеи,
Коня в карьер, спасая друга,
Пустила с места Натали.

Близ городка, на месте новом,
Своих палаток длинный ряд
Вдоль просеки в бору сосновом
Уже расставил медсанбат.

По корням, рытвинам и лужам,
Одним стремлением полна,
Сюда с возлюбленным и мужем
Спешила верная жена.

Да, без гулянки, где сплясать бы
Могли родные и друзья,
Без чарки горького, без свадьбы
Спаялась новая семья.

Весной, во время передышки,
Чуть отгремит орудий гром.
И залпов отмелькают вспышки,
Вновь соловьи звенят кругом.

Такой порой Сумбай подругу
Назвал своей в лесной глуши,
И польский соловей супругов
Благословил в ночной тиши.

И вот жена, спасая мужа,
Коня торопит что есть сил.
Дорога с каждым шагом хуже:
То на мосту разбит настил,

То посреди пути — воронка, —
Свой след оставили бои, —
И умный конь берет в сторонку
От проторенной колен.

Но скоро кончился проселок,
Дорога вышла на шоссе.
Вот прожужжал, как шмель, осколок,
Вот мина лопнула в овсе.

Конь завернул от взрыва круто
И чуть повозку не свалил.
Сумбай очнулся на минуту,
Вздыхнул и веки приоткрыл.

Он в синем небе над собою
Увидел «раму». «Фокке-Вульф»
Следил внимательно за боем,
Недосягаемый для пуль.

Кто не видал его на фронте!
Явился — знать, близка беда.
Артиллеристам и пехоте
Немало он принес вреда.

И Педер, истомленный жаждой,
Кому-то крикнул: «Целься, пли!»
Таким в бою его однажды
Уже видала Натали.

Она склонилась над Сумбаем:
«Что, Педер? Что с тобой, родной?»
Как бьется пульс, как лоб пылает!
Заговорит ли он со мной?

Она на миг оцепенела
Над мужем, стонущим в бреду,
«Беда мне... так и не успела
Сказать, что я ребенка жду.

Вот что самой пришлось увидеть!—
Вздыхает женщина с тоской.—
Нет, не отдам я — целым выйдет
Из этой сечи Педер мой!»

Она нагнулась, шепчет мужу.
Ее слова все горячеей:
«Ребенка жду... Ему ты нужен,
Не покидай нас, пожалей!..»

Вдруг мужнину большую руку,
Стыдясь самой себя, берет,
Забыв на миг тоску и муку,
Кладет ее на свой живот.

Она еще склонилась ниже,
На мужа капнула слеза.
«Ну, Педер, милый, посмотри же,
Узнай меня, открой глаза!»

Молчит Сумбай. Еще он дышит,
Но жизнь в нем теплится едва.
Он слов возлюбленной не слышит—
Бессильны жаркие слова.

И лишь в полуверсте от цели
Сумбай очнулся. Легкий стон...
Черты страдальца просветлели,
Узнал жену, должно быть, он.

«Я жду ребенка»— шепчет громко,
Нагнувшись к мужу медсестра.

Он повторяет: «Ждешь... ребенка?»
Но боль вернулась, боль остра.

Как сумеречный свет, и зыбкий,
И слабый, по его лицу
Прошла лишь тень былой улыбки—
Ребенка не видать отцу.

Без жалоб встретил он кончину.
Лишь побелел, как первый снег,
Да прошептал чуть слышно: «Сына...»
И замолчал уже навек.

Колеса все еще гремели,
Свой скорбный груз еще везли.
Светлело. Сосны поредели,
И вот на людях Натали

В расположении санбата
Поцеловала в первый раз
Того, кого любила свято,
Кто на руках ее угас.

Ее узнали санитары,
Один из раненых и врач,
Уже знакомый с юной парой.
Ее спросил он: «Что за плач?»

«Не ранена ль сама случайно?»
«Да! Только мне помочь нельзя».
«Но что с тобою, коль не тайна?»
Ведь здесь одни твои друзья...»

А между тем вдова Сумбая
Его не слышала речей,
Заветный фартук доставая
Из сумки кожаной своей.

Его, должно быть, пуще глаза
В окопах чистым берегли,
Его, наверное, ни разу
Не повязала Натали.

Она еще раз посмотрела
На дорогое ей лицо
И фартуком накрыла белым,
Блюдя обычаи отцов.

Потом безмолвно отступила
И поклонилась до земли...
Так друга верного почтила,
Скорбя безмерно, Натали.

А через сутки в изголовье
Могилы, где лежал герой,
С латунной звездочкой надгробье
Поставил плотник полковой.

* * *

Урны, ангелы, распятия
И скорбящие мадонны...
В золотом осеннем платье
Жимолость, каштаны, клены.

Над могилою Сумбая,
Загрустив о солнце вешнем,
Наклонилась молодая
Тонкоствольная черешня.

Лист берет вдова на память
С деревца, каких немало
И цветущих, и с плодами
На пути она встречала.

И чугунную ограду,
И дорожку до часовни
Натали сегодня надо
Крепко-накрепко запомнить.

Ведь весною или летом, —
Скоро, нет ли — как придется, —
Может быть, пройдя полсвета,
Натали сюда вернется.

А сейчас прощайте, братья,
Что от мины иль от пули
В польском городке при взятии
Непробудным сном уснули.

Натали не может мешкать:
Батальон уходит дальше.
Люди, кони вперемежку
С грозной техникой — на марше.

Дрогнула земля степная.
В поле двинулись колонны,
Вас, герои, оставляя
Здесь, в земле освобожденной.

Ваше верное оружие,
Братья, павшие со славой,
Мы с собой берем: пусть служит
До конца нам в битве правой.

Натали моя выходит
За чугунную ограду.
Видит — время на исходе,
Догонять своих ей надо.

Не заброшена могила,
Где вдовица молодая
Георгины посадила,
Долг последний отдавая.

Сквозь стекло на медальоне
Лейтенант глядит открыто,
А вокруг в цветах все тонет,
Все свежо, росой умыто...

Что ж, горька судьба Сумбая,
Но не мало горше было:
Ведь не всем рука родная
В смертный час глаза закрыла.

Дорогой жены передник
Покрывал не всех по смерти,
Не у всякого наследник
Есть, друзья, на белом свете.

И сама могила эта—
Тоже случай, редкость, право.
Обелиск с его портретом...
Надпись... Это ли не слава!

А ведь чаще в поле чистом
Над останками солдата—
Только холмик неказистый,
И ни имени, ни даты.

Лишь с годами, выбрав место,
Как история твердит нам,
Над солдатом неизвестным
Ставят памятник гранитный...

В городке уже не слышат
Отголосков канонады,
Все вокруг покоем дышит,
Людям прятаться не надо.

Над могилою Сумбая
Солнце лист позолотило.
Я всегда ее узнаю,
Эту скромную могилу.

Там знакомая черешня
Над знакомым обелиском
Все грустит о солнце вешнем,
Наклонившись низко, низко.

Польки часто навещают
Уголок, залитый светом,
Кто-то холмик поправляет
И цветы сажает летом.

Пани старая, седая,
Дерна взяв на ближнем поле,
Выложила над Сумбаем
Крест, такой же, как в костеле.

«Может, сам ты и не верил,
Может быть, и не крещенный,
Ну, а вдруг откроют двери
Для души твоей спасенной...»

Так старушка утвердила
В простоте в соседстве близком
Крест из дерна на могиле
И звезду над обелиском.

В обелиск рукой умелой
Друга павшего Сумбая
Медальон овальный вделан
С бронзой яркою по краю.

Долго старая стояла,
Восхищенная работой,
О погибшем горевала
И разглядывала фото.

Мимо шел неторопливо
Офицер в конфедератке
Вместе с девушкой красивой
В новой форменной крылатке.

Видимо, могилу чью-то
Эта пара здесь искала,
За старушкою с минуту
Издали понаблюдала.

А когда пошли, мужчина
Пошутил, тая волненье:
«Не страшна теперь кончина
Для идущего в сраженье.

Коль не по сердцу земляца
Неприютная, сырая,
Пани может помолиться
О небесных куцах рая...»

А знакомая черешня
Над солдатским обелиском
Все грустит о солнце вешнем,
Наклонившись низко, низко.

И не знает та черешня,
Под осенним солнцем рдея,
То ль чужой он, то ли здешний,
Кто уснул навек под нею.

Так скажу я: кто б он ни был,
Он погиб за наше благо.
За сады, луга и нивы
В бой вела его отвага.

Он за мир оружие поднял,
За людей всех рас и наций,
Чтоб они могли сегодня
Строить, петь, любить, смеяться.

За веселых и цветущих
Малышей на битву шел он,
За Коперников грядущих,
За науку, книги, школы.

Жизнь любил он неизменно,
Дорожил он каждым часом.
Здесь, на родине Шопена
И Мицкевича угас он.

Оттого всё безутешней
Тонкими ветвями машет,
Гнется польская черешня
Над могилою чуваша.

ВАРВАРИ

олодок. Над лесом свет зари.
Вышла в поле женская бригада.
Оглядела тетка Варварí
Конопляник. «Экая громада!»

Что подлесок частый—конопля.
С бугорка весь клин как на ладони.
«Уродила добрая земля...
Потрудились тракторы и кони...

Да попробуй убери ее.
Кроме конопли немало дела...
И у каждой горюшко свое...»
А работа на поле кипела.

И вперед, справляясь за двоих,
Двинулась по клину мать Сумбая.
Бабы — следом. Варвари у них
Как-никак начальство — звеньевая.

На бугре сверкнул велосипед.
Издали звонок донесся слабый.
Разглядев, во что ездок одет,
«Сандор с почтой...»— замечают бабы.

«Тетка Варвари, письмо тебе!»—
Крикнул бойкий мальчик, подъезжая.

«Пусть с добром бы!»— говорят в гурьбе,
Дедовский обычай соблюдая.

Варвари, притихшая, бледна.
Ей письмо протягивает школьник.
«Сам ли пишет?»— думает она,
Принимая белый треугольник.

«Нет. Рука-то, словно, не его...
Может, сам писал, да торопился?..»
А уже не видит ничего—
Белый свет над нею помутился.

«Бабы, прочитаю — догоню...
Не отстану я от вас... идите...»
Но не бегать старому коню,
Коль в ногах не станет юной прыти!

Примостилась тетка на снопах,
Развернула лист рукой дрожащей,
Как дошла до «умер», — на губах
Замер возглас, душу леденящий.

И крупнее зерен конопки
Много их упало — капель жгучих,
И письмо несчастной Натали
Расплылось от этих слез горючих.

А они все катятся из глаз—
Каждая до сердца грудь прожгла бы—
И, хоть нет обычая у нас
В голос выть, — заголосила баба.

«За селом косила луговину
Да гвоздику срезала косой.
Потеряла я навеки сына,
Не вернется Педер дорогой.

Перстенок с глазочком из коралла—
В быстру речку обронила я.
Горе нам на головы упало,
Натали, невестонька моя.

О тебе не знала я худого,
С Педером ждала тебя домой.
Не увидать больше нам родного,
Не дожидаться счастья нам с тобой!

Слушайте, леса, поля и реки,
Слово горькое, что рвется с губ;
Я тебя отныне и навеки
Проклинаю, Гитлер-душегуб!

Пусть тебя, злодей, холера скрючит,
Лихоманка пусть тебя трясет,
Чтоб весь век страдал ты от падучей,
Чтоб ты дня не видел, словно крот!..»

Так, глотая слезы, Варвари
На колхозном поле причитала.
«Горе, горе...»—«Ох, не говори!..»—
Бабья речь вокруг нее звучала.

«Тетка Варвари, ступай домой!»
«Без тебя управимся, иди-ка...»
«Что вы! Будет тошно ей одной.
Покричит — тоска и выйдет криком...»

Но от плача горе не прошло,
Хоть осталась на поле старуха.
Да, старуха! Всю ее свело,
Всю скрутило горюшко-присуха.

Утром не такой еще была,
Тверды были голос и походка.
Вдруг на щеки сеть морщин легла,
И сбегают слезы к подбородку...

Рано овдовела Варвари,
Сын ей был единственной отрадой;
От зари, бывало, до зари
Баба в поле со своей бригадой.

А мальчишка, ей на радость, рос,
С ним росли надежды и мечтанья.

Варвари поддерживал колхоз
За ее великое старанье.

В избу, опустевшую навек,
Как идти ей с горем безутешным,
Ей сейчас так нужен человек,
Труд — забвенье на поле безмежном.

Но не это в думах звеньевой
Было в миг, когда, едва очнувшись,
Поднялась она с земли сырой
И пошла, на ровном спотыкнувшись.

Воробьи затеяли возню,
Пир-горой устроив в отдаленье.
«Конопля-то вся ведь на корню,
А убрать бы надо к воскресенью...

Много нам осталось... До темна
Полосу еще одну пройти бы...»
Глянула, а место, где она
Дергала, все убрано. «Спасибо!»

Бабы, чтоб от горьких дум отвлечь,
Разогнать ее тоску-кручину,
Про другое с ней заводят речь,
Потихоньку двигаясь по клину.

За спиной у них за рядом ряд,
Все одна в одну, все без изъянов—
То ль тухьи огромные стоят,
То ли шлемы грозных великанов.

* * *

Много бед узнала Варвари,
Да не знала горюшка такого.
Вот оно стучится — «отвори»—
Не отходит от крыльца резного.

Как стемнело, прибрела домой,
Прислонилась к двери звеньевая,
Постояла так в тоске немой,
Словно бы о чем-то вспоминая;

А в избу-то так и не вошла,
Глаз на глаз с бедою быть не смея,
Двор пустой свой взглядом обвела:
«Посижу пока у Кулине я».

И пошла к ровеснице своей,
К той, кого в мечтах она, бывало,
Веря в то, что породнится с ней,
Дорогою сватьей называла.

Сумерки сгустились над селом,
Людям в избах свет уже стал нужен.
Кулине в печурке под котлом
Развела огонь — готовит ужин.

В эту пору и вошла вдова,
Бледная, как будто из больницы,
Прошептала «Педер...»—и слова
Встали комом в горле у вдовицы.

Вздригнула от страха Кулине,
Хоть всего не поняла сначала.
Гостья, побледнев еще сильнее,
На скамью, закрыв лицо, упала.

А когда сумела рассказать
О своем великом горе сватье,
Та рыданий не смогла сдержать.
Обе шлют войне свои проклятья.

Варвари опять письмо прочла.
Те же строчки, в сердце муки — те же.
Кулине вздыхает у стола:
«Что на свете мать теперь утешит?»

Пива нацедила Кулине,
Думая: «Могло быть по-иному...
Дети повстречались на войне,
Не сочтешь за сколько верст от дому...

Радоваться б мы сейчас могли.
Мир-то не родимая округа,
Он велик, а Педер с Натали
Все-таки и там нашли друг друга...»

Повздыхала: «Ох, война, война!
Сколько вдов теперь по околотку...
Видно, не одна душа нужна,
Чтоб заткнуть ей, ненасытной, глотку!

Натали... Писала-то сама,
Да поди узнай теперь, цела ли...
Только бы вернулась... А письма
Будем ждать, как никогда не ждали...»

Погадала вместе с Варвари
О судьбе других птенцов далеких—
Где-то, мол, Кервень наш и Эндри,
В край какой забросил нынче рок их?

К ужину пришел домой Илле,
Бабка возвратилась от соседки.
Все уже известно на селе.
Сабани вздыхает: «Детки, детки...»

Дед Хеведер сад покинул свой:
«Черви гложут листья на беду мне».
Услыхал. Качает головой,
Что-то шепчет в горестном раздумье.

Развернул опять Илле письмо,
Сватья глаз с него не сводит красных.
«Весточка, конечно, от самой...
Натали писала, это ясно.

Глянуть бы глазком одним теперь
На дочурку... Пишет-то как грустно.

По письму — здорова, а проверь...
Боль свою скрывать она искусна...»

Говорят весь вечер об одном.
Боль, что сжала душу, — отпускает.
Но печально в доме. За окном
Тонкий месяц, словно льдинка, тает.

На небо взглянула Варвари,
Как пошла домой, уже к рассвету,
Много ясных звезд над ней горит,
Звездочки лишь Педера там нету!

Мать солдата не зажгла огня:
Только чтоб раздеться сил осталось.
Занялась заря другого дня,
А она все не спала — металась.

Огонек светился лишь в окне
Комнатушки старых Аптраманов.
Сабани шепталась с Кулине—
Не давала спать им та же рана.

Наконец легли. Тоски полна,
Бабка долго охала, вздыхала:
«Ох, старик, плохие времена!
Вот еще души в селе не стало».

ВЫЗЫВАЕТ ГЕНЕРАЛ

адо ж было так случиться:
Все надежды в пух и прах...
И Эндри, как говорится,
Ходит в ясный день впотьмах.

В перекур и за обедом
Затеваает он беседу,
Рассуждает: «Как на зло,
Мне в бою не повезло».

Он, конечно, горячится,
Хмурит брови: «Скверный факт...»
За Эндри мне объясниться
Разрешите. Было так.

Все бойцы подразделений,
Обложив Берлин кругом,
Видели одно виденье,
Каждый думал об одном...

Бушевала в каждом смелость,
Жар солдат легко понять.
И Эндри, как всем, хотелось
Над рейхстагом флаг поднять.

Где штыком, а где гранатой
Подавляли мы врагов,

Очередью автоматной
Выбивали из домов.

Каждый шаг в бою опасен...
На какой-то узкой штрассе
Преградил нам путь вперед
Где-то скрытый пулемет.

Дал свинцовую погоду,
Хлещет пулей разрывной.
Взвод залег (ему нет ходу)
За разрушенной стеной.

Где он? Близко ли, далеко?
То ль в подвале он торчит,
То ль на кирхе на высокой,—
Знай себе огнем строчит.

Аптраман смекнул, прикинул...
Каску на брови надвинул,
Через стену перелез,
Крикнул: «Ждите!»— и исчез.

Да, исчез. И в самом деле,
Ну, примерно, через час
Где-то (где — не разглядели)
Вражий пулемет погас.

И, поднявшись, перебежкой
Ринулись бойцы вперед.
А по взводу, как в насмешку,
Вновь ударил пулемет,

Из другого, правда, места
Хлобыстнул, свиреп, тяжел...
Но, сорвавшись, как с насеста,
Взвод — пошел, пошел, пошел!

Пядь за пядью, шаг за шагом—
То петлять, то колесить

Начал он, чтоб над рейхстагом
Наше знамя водрузить.

А Эндри один остался.
Представляете, отстал.
Немца снял — и задержался,
С кирхи виден весь квартал.

Пригляделся, обнаружил
Из-под крыш дымков полет,
И сказав «а ну, послужим»,
Лег за вражий пулемет.

«Ну-ка, сделаем проверку,
Огонька подкинем им». —
Резанул по трубам сверху
И по окнам слуховым.

Вон гараж, а вон ворота —
Подозрительны на вид...
И спускаться неохота,
Надо ж точки подавить...

И теперь грызет досада —
Аптраман ворчит всердцах:
«Получилось как не надо,
Не пришлось мне брать рейхстаг».

Он беседу, брови хмуря,
С другом, Басовым, ведет,
То вдруг сядет и закурит,
То по комнате пройдет.

«Даже надписи не сделал
На стене», — сказал Эндри.
Басов свистнул: «Эко дело!
Брось, приятель, не дури.
Не на пьянке на гулянке
Тот момент ты прогулял,
Не на ливенской тальянке
Бой последний проиграл.»

Ты же проявил отвагу...
Не прикончи пулемет,—
Вряд ли был бы у рейхстага
В самый раз наш первый взвод.
Брось, голубчик, надрываться,
Это блажь. Совсем не то».

«Думал первым я ворваться
В ад, в осиное гнездо.
А пошло вразрез, нескладно...
Знать, начертано судьбой.
Коль не вышло — так уж ладно...»—
И Эндри махнул рукой.

В этот миг посыльный прямо
Шел к нему. Эндри привстал.
«На вот, те-ле-фо-но-грам-ма,
Вызывает генерал».

«Вызывает?»—«Вызывает».
«Чем такое заслужил?»
«Знаешь, всякое бывает,
Генерал не доложил».

Аптраман веселый малый,
Круглолицый, как орех,
Улыбнулся: «С генералом
Познакомиться не грех».

Все злословят: «Загордится!
Аптраман к обеду зван».
А Эндри растерян. «Бриться?
Надо бриться, Аптраман».

Будто луч сверкает бритва
«Золинген». Трофей. Змея.
И идет лихая битва
С бородой у лезвия.

Чтоб читатель не дивился,
Нужен краткий репортаж:

Взвод прекрасно разместился, —
Целый заняли этаж.

О себе пошла забота,
Ванна есть, и не одна:
Мылься, матушка пехота,
Хоть вода и холодна.

Аптрамана оглядели
С четырех сторон бойцы.
«Чист, как голубь, в самом деле!»
Отдал наш Эндри концы.

Мыт и брит, и разутюжен,
Сапоги горят огнем.
Подтянул ремень потуже,
И — к комдиву на прием.

Комнат много. Двери, двери...
Сердцу страшно. Тяжек вздох.
То ль окажут тут доверье,
То ль накажут, знает бог.

И отяжелели ноги,
Аж тащить их нету сил.
«Генерал-то очень строгий?» —
У дежурного спросил.

«Как увидишь, так узнаешь, —
Отвечал сержант бойцу, —
Виноват — так поморгаешь,
Если нет — то, как к отцу».

Встал, как штык, пред адъютантом.
Тот — рукою по усам.
«Значит, будешь Аптраман ты.
Хорошо. Комдивом зван ты».
«А зачем?» — «Узнаешь сам».

Адъютант широким жестом
Указал ему на дверь.

Он вошел, тих, как невеста,
Хоть в бою был сущий зверь.

Он подумал: «Ну, а если
Виноват, быть может, в чем?»

Генерал, в глубоком кресле,
Что-то пишет за столом.

Генерал слегка покашлял,
Статен, свеж, черноволос,
Хоть не молод... «Не чуваш ли?»—
В голове вдруг пронеслось.

И Эндри чеканит: «Прибыл!..»—
Звонко раздалось в тиши.
И свалилась, будто глыба,
Тяжесть вызова с души.

Генерал залюбовался.
«Вольно! Ну, солдат, садись».
Помолчал. За папку взялся.
Поглядел в какой-то лист,
И уселся в кресле прочно.
«Аптраман?»—«Так точно — я!»
«Из Чувашии?»—«Так точно!
Это родина моя».

«Ну, земляк, конец дороге...
Кончено, отвоевал.
Как дела-то?»
— «Плохи». — «Плохи?»
«Да, товарищ генерал».

«Отчего же?»— «Нету бани».
«Ванны есть... Грешишь, боец».
«Пробу делал в этой ванне,
Задыхается пловец.

Влезешь в ванну, как гагара,
Тесно, тяжело... Полынья!

Нет ни веника, ни пара,
А без них и нет мытья».

«Да, пожалуй, это верно,—
Рассмеялся генерал,—
Я и сам лет пять, примерно,
В руки веника не брал.—

И добавил:—К возвращенью
Будет зелен лист ветвей».

Воин понял слов значенье,
Но слукавил: «Вам видней!»

Встал комдив. «Вот за отвагу
Наградить тебя хотят.
Взводу путь открыл к рейхстагу
Ты в сраженье, говорят».

Он очки слегка поправил,
Наклонился чуть к листу.
«Командир тебя представил.
Вот... на «Красную Звезду».

Есть медали, орден к ряду...—
Генерал прищурил глаз,—
Может быть, мала награда?»
«Отчего же, в самый раз!»

«Ты, я вижу, острый малый»,—
Улыбнулся генерал.
«Здесь иначе б не стоял я—
Под травой в земле лежал.
Придавило б душу камнем...
Это к слову и не в счет.
Не награда дорога мне,
Дорог воину почет».

«У меня такое ж мненье.—
Генерал взял карандаш,—
Из какого ж ты селенья?»

«Знаете, район Шлаваш?»
«Как же, знаю... Жил там долго.
В середине края он.
Ну, а я с верховьев Волги,
Бывший сплавщик, плотогон».

Аптраман душою ожил,
Осмелел и напрямик:
«Встретимся еще, быть может,
Край чувашский невелик.
Приезжайте в гости летом».

На часы глядит комдив.
«Что ж, спасибо, брат, за это,
Загляну, коль буду жив.
Ты женат?»—«Нет, независим».
«Значит, ты, как перст, один?»
«Потому и нету писем
От жены ко мне в Берлин».
«А кисет невестой вышит?»
«Вышит».—«Как зовут?»—«Верук».
«Из колхоза что же пишут?»
«Трудно сеять, нету рук.
Нет коней в колхозе нашем—
В кавалерию ушли.
На коровах дома пашут.
Много ль вспашешь так земли?
Надо думать, скоро людям
Труд начнем мы облегчать,
Каждый танк разбитый будем
В новый трактор превращать».

«Будем, будем... Поздравляю
С новым орденом, земляк.
Чтоб мечта сбылась, желаю,
Были б дети и табак».

Он пожал по-братски руку,
Разговору тут конец.
Каблуками лихо стукнув,
К двери двинулся боец.

Генерал остановился
У окна и закурил,
Поглядел на дым, что вился,
Сам с собой заговорил...

Вспомнилось ему, как было
Тридцать лет тому назад,
Наша память не забыла
Каторгу и каземат.

Если ты, мол, инородец,
Нужен кнут тебе и страж.
На земле родной был, вроде,
Бедным пасынком чуваш.

Вспомнилось ему, какие
Рекрут песни пел тогда,
Вспомнились ему крутые
В царской армии года.

«Нет уж мачехи — Россия
Стала матерью родной,
Времена пошли другие
И чуваш — с судьбой другой»

ХАМЫРЪЯЛ

амыръял... Да что такое?
Хутор иль село?
Нет, не то и не другое,
А звучит тепло.

Хамыръял — как прибаутка,
Слово для души,
Так зовут друг друга в шутку,
Встретясь, чуваши.

Скажем, быть в Москве придется,
И при встрече там
Друг признает, улыбнется:
«Хамыръял, салам!»

Пристань ли, перрон вокзала—
Тут народу тьма,
Восклицанья: «Хамыръялы!
Как живете? А?»

Друг-читатель, ты серчаешь:
«Автор, мол, чудак...
Хамыръял — односельчанин,
Иль точней — земляк».

Верно. И об этом речь я
Сразу начинал.
Коль тебя, читатель, встречу—
Крикну: «Хамыръял!»

А покамест — я в Берлине,
Здесь повержен враг,
Здесь огня вбивали клинья
День и ночь в рейхстаг.

А пока — на Фридрихштрассе
Вижу двух солдат.
Дождь сквозь солнце. День прекрасен.
Облака стоят.

Облака, они — как перья,
А бойцы идут,
Тротуар шагами мерят,
Разговор ведут.

Вот один — в плечах могучий, —
Лет под пятьдесят,
Ус чапаевский закручен,
Бородач солдат.

А другой — птенец, пожалуй,
Длинноног и сух,
Раз в неделю бритвы жалом
Он снимает пух...

Видно, встретились случайно
Только что, сейчас;
Каждый рад необычайно,
Не отводит глаз.

Бородач басит: «...Да, где-то
Я тебя видал.
Помнится обличье это...
Может, хамыръял?»

«Хамыръял? А что — возможно.
Ты отколь, орел?» —
По-чувашски речь нарочно
Молодой повел.

И у старого солдата
Заискрился взгляд.
«Говорю ж, видал когда-то...
Хамырьял ты, брат!»

«Ну, а если и не видел,—
Отвечает тот,—
Я на это не в обиде,
Повстречались вот...»

Улыбаясь, отвечает,
Будто век знаком,
Лоб неспешно вытирает
Носовым платком.

«Из какого, брат, села ты?»—
Борода басит.
«Прежде, друг мой бородатый,
Ты район спроси.

Верно?»—«Да».—«Потом разведай,
Мать где родила...»
И пошла, пошла беседа,
Речкой потекла.

Парень тертый — дальше-больше—
Страны называл:
«Я и в Венгрии и в Польше,—
Всюду побывал.

Все измерил, слышь, ногами,
Шел издалека.
Над Берлином, знаешь, знамя
Нашего полка».

Бородач кивнул,— мол, вижу,
Зря, мол, тратишь пыл;
Ус покручивая рыжий,
Парня перебил:

«Это так... И я на месте
Не стоял, браток.

Сам в Софии, в Бухаресте
Побывал чуток.

Тоже шел чертовски долго,
Видел много рек,
Но таких, как наша Волга,
Нет, мил-человек.

Видел разные деревья:
Граб, платан, самшит...
Все ж ветла и дуб, поверь мне,
Краше для души.

Камни городов Европы
Хоть и потоптал,
Но в полях родимых тропы
Я не забывал.

Спал в садах я плодоносных
В здешней стороне,
А видал, представь, колхозный
Огород во сне.

Эх, у нас, наверно, сухо,
Ведь и там весна!
С ног, поди, моя старуха
Сбилась до темна.

В кринках, знаю, на печь ставит
Семена она,
Расщепляясь, прорастают
Тихо семена.

До колхоза, встарь, бывало,
Все ждала примет...
На лягушках, брат, гадала—
Сеять или нет.

Ночью голову с подушки
Приподымет, ждет...
С первым кваканьем лягушки
В огород идет.

Раз-другой впросак попала...
А на мне опять
Отыгралась, как попало,
Начала ругать.

Да всердцах как хлопнет дверью,
Дескать, вера — сеть,
Никакому суеверью
Не поддастся впредь.

Видно, бабе надоело
На бобах гадать,
Баба книжки захотела
Дельные читать.

И рублевых, и дороже —
Наташила в дом.
Будто сделалась моложе,
Да в очках притом.

А теперь совсем иное.
Все же виден рост.
Ей пред самую войною
Должность дал колхоз.

Огородницею стала,
Должностью горда.
А лягушек нынче мало,
Уж не та вода.

Речку малую в большую
Мы произвели,
Гидростанция бушует,
Свет в селе зажгли.

И старуха в огороде,
Понимаешь сам,
Так сказать... Мичурин вроде...
Ну, по огурцам,

По моркови, по капусте...
Говорит народ:
«В овощном она искусстве
Двигается вперед».

А к чему веду тут речь я?
Все к тропе одной—
Сердце наше человечье
Тянет в край родной.

Надоело на чужбине,
Право, братец мой.
Черта ль мне теперь в Берлине,
Мне б скорей домой!»

«Поправимо это горе,—
Молвил молодой.—
Слышал я, отпустят вскоре
Стариков домой.

Так что можешь на досуге,—
В этом нет беды,—
Написать своей старухе:
«Жди ко дням страды».

Напиши: «В честь ветерана
Пусть готовит пир».
Накажи, чтоб у барана
Наслоила жир;

Подготовила бы солод,
Вырастила хмель.
Знаешь сам — ты, чай, не молод—
Где какая цель.

Может быть, и я приеду
Браги ковш поднять,
Коллективную беседу,
Скажем, поддержать».

«Хорошо б!»— воскликнул старый,
Теплой встрече рад.
На скамье в тени бульвара
Земляки сидят.

Тот достал кисет из плиса—
На любовь намек,
Этот зажигалкой высек
Искру-огонек.

Дым над ними к веткам вяза
Взвился, горьковат.
Затянулся всласть два раза
Пожилой солдат.

«Да, накрылся Барбаросса,—
Молодой сказал,
Эх, погасла папироса,
Сыро, шут бы взял!

Тут погода, как загадка,
Дождь — не дождь, туман...»
Распахнул он плащпалатку
И полез в карман.

На погоне видно лычки—
Ровным счетом три.
«Погоди, оставь ты спички,
На-ка, прикури.

Я совсем про зажигалку
Позабыл, чудак...
А подумать можно, жалко». —
«Что ты, нет, земляк,—

Молодой ему ответил, —
Зря не трать ты слов». —
И солдат в душе отметил:
«Вот сержант каков!»

А сержант, забеспокоясь,
На часы взглянул,

Подтянул потуже пояс,
Головой кивнул.

«Час беседе, миг прощанью.—
И сержант привстал,—
Мне пора, друг. До свиданья!
Счастья, хамыръял!»

Руку земляку пожал он:
«Жить нам не тужить!
Дома встретимся, пожалуй?
Правда?»—«Может быть».

Крепко обняли друг друга,
Как отец и сын.
Стук сапог раздался глухо,—
И солдат один.

«Ах, ушел...—вдохнул он,— бравый,
Видно, хамыръял».
Так вдохнул, как будто, право,
Что-то потерял.

Проводил сержанта взглядом.
Грустно, хоть умри.
«Ну, ни дать, ни взять, по складу—
Аптраман Эндри!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

сли летом гром не грянет,
Дождь не хлынет раз-другой,
В небе радуга не встанет
Многоцветною дугой.

Взрывы я иного грома
Долго слушал на войне.
Миру мир! Я снова дома,
В нашей светлой стороне.

Каждый кустик здесь мне дорог,
Каждый цветик на лугу.
Я гляжу в мои просторы,
Наглядеться не могу.

Вижу птицу ль, жеребенка,—
Все как будто в первый раз;
От чубарого теленка
Оторвать не в силах глаз.

Вон ветелки близ оврага
Кто-то густо посадил:
И в полях побольше влаги,
И размывы укрепил.

Разве сделал он все это
Для себя, для одного?
Человека, может, нету,
А вот я люблю его.

Сделал он все это с толком,
По-хозяйски подгадал,
Здесь он каждою ветелкой
Путь оврагу преграждал.

И когда с живым волнением
На его дела гляжу,
Я в какое-то смущенье
Поневоле прихожу.

Память, хоть и небольшую,
Все ж оставил человек.
Ну, а я,— себя спрошу я,—
Что за свой оставлю век?

Так пускай не зря земная
Жизнь моя замрет во мгле,
Пусть собрат-потомок знает,
Что и я жил на земле.

Был и я народу другом,
Не бежал от трудных дел,
В меру сил ходил за плугом,
Думы думал, как умел.

Ты, земля, меня кормила,
Труд и от меня прими.
Здесь родился, рос с людьми я
И состарюсь здесь с людьми.

Росы будут серебриться,
Теплый ветер будет плыть,
В небе ласточки резвиться,
Филин хохотом дразнить...

Будет расцветать над Волгой
Вечно юная заря.
Жить я, может, буду долго,
По-чувашски говоря.

Пусть моя над Волгой льется
Песня жизни и любви.
Может, мне прожить придется,
Сколько прожил Шелеби¹.

Может, дольше жить на свете—
Вообще излишний труд,
Если звуки песен эти
Раньше, чем я сам, умрут.

И какая это жалость!
Пусть хотя бы два-три дня,
Пусть стихи мои хоть малость,
Но переживут меня!

Может, песнь моя в народе
Будет жить, полна добра.
Ведь поют же что-то вроде
«Ай-люли!» да «Ай-я-ра!»

И когда уйду со света,
Как уходит весь наш род,
Может, и меня, поэта,
Не забудет мой народ.

И одну из поперечных
Улиц, может, там ли, тут
Именем моим навечно
В Чебоксарах назовут.

«Да, он вытерпел не мало,—
Скажет кто-нибудь в свой срок,—
Крепко жизнь его трепала,
Крыла вдоль и поперек!»

А, по правде, коль от вздора
Отрешиться на момент,
Для чего стеснять мне город?
Право, я не претендент.

Всею силой молодою
Жажду я в мечтах моих,

---

¹ Ш е л е б и—Народный поэт Чувашии, умер 64 лет.

Чтобы хлебом и водою
Для народа стал мой стих.

Чтоб мое простое пенье
Шло, как светлый луч, в народ,
Чтобы добрые волненья
Звали бы всегда вперед.

Чтобы слово стало делом
На земле и на воде,
Чтоб оно горело, грело,
Прибавляло сил в труде.

Так поэзия живая
Нам нужна на каждый день,
Молодая, огневая,
Не пустая дребедень.

А поняв душой все это,
Как сыны своей страны,
И о завтрашнем поэты
Думать каждый день должны.

Если я, создатель песен,
В продолженье жизни всей
Стану хоть чуть-чуть полезен
Для народа и друзей,

Никакой особой славы
Не спрошу я, жизнь моя!
Пусть меня укроют травы
И родимая земля.

* * *

Мать одна у человека,
Жизнь одна ему дана,
Есть у каждого от века
В мире родина одна.

Горец хвалится горами,
Степью — человек степной,

Я — чувашскими дарами—
Волгой, дубом и сосной.

В Черном море, в Красном море
Бьются волны о гранит,
А у нас в лесном просторе
Море листьями шумит.

Есть народ в горах, в долине,
Где-то за морем вдали,
Мы живем посередине
Что ни есть большой земли.

Среди русского народа
Испокон веков живем,
Та ли, эта в нас порода,
Русь мы родиной зовем.

И ее, как светлый храм, я
Чту всегда в душе своей,
Никому чернить не дам я
Имя родины моей.

В нем и жизнь, и песня наша—
В этом имени святом,
С ним земля и солнце краше
И родней отцовский дом.

* * *

Не всегда светла погода,
Льет порой и дождь большой.
Люди так же, как природа,
Изменяются душой.

Много пел я песен страстных,
Нежных много спел в тиши,
Сколько слов осело разных
На ладах моей души!

Если пел я очень строго
Про суровые дела,

Это значит, что эпоха
Тоже строгою была.

Далеко за синим морем
Есть еще наш давний враг,
Много он принес нам горя,
Всюду сея зло и мрак.

Об одном тот враг хлопочет—
Захватить весь шар земной,
Затоптать всю правду хочет,
Отравить нас беленой.

Потому и гневно пел я,
И горел я всякий миг:
Гневной песнею хотел я
Опалить врагу язык.

Край мой светлый, край мой новый,
Ты судья в моей судьбе,
О тебе простое слово,
Стих и песня о тебе.

* * *

Аптраманов род был в славе...
Только где вы на земле—
Натали, Эндри и Павел,
Кулине, и сам Илле?

Где вы, добрые соседи—
Где Самаевы, Верук?
Существует ли на свете
Виктор Басов, милый друг?

Как-то дед Хеведер дышит,
Тянется ль старухин век?
Что-то Герман им не пишет...
Не иголка ж человек!

Аптраман ли он все так же,
Как хотел упрямый дед?

Кто об этом все расскажет...
Сам, постойте, дам ответ.

Кстати, вот и берег Волги,
Утро настает как раз.
Сквозь туман седой и волглый
Воды выглянут сейчас.

Вот и славно. Вот и ладно.
Вон с ухваткой молодой
Двое моются прохладной
Волжской утренней водой.

Кто такие? Если надо,
Огляди со всех сторон.
Это ясно, два солдата
Потеряли утром сон.

Сняв рубашки, как обычно,
И, дрожа на холодке,
Обливаются привычно
На песчаном берегу.

Вот они уже оделись.
Вынув зеркальца тотчас,
Причесались, огляделись
По-солдатски оба враз.

Замигал в тумане бакен
И погас невдалеке.
Старый бакенщик-балакарь
Плыл на лодке по реке.

Он махал веслом широко,
Будто разгребал туман.
Будто солнышку дорогу
Расчищал, как великан.

* * *

Плыл вдали, как в белой пене,
Белый лебедь-пароход...

Боже мой, каких сравнений
Не придумает народ!

Если лебедь не по нраву,
Могут соколом назвать.
Но не в этом дело, право,
Я не то хочу сказать.

Вот, гудками просигналив
И давая тихий ход,
Сразу к пристани причалил
Этот белый пароход,

Тут его название «Герцен»
Два товарища прочли
И спокойно, с легким сердцем
На корму его взошли.

Средь людского изобилья,
Средь узлов, того-сего,
Где-то, как-то примостились,
Тесно, мол, да ничего!

Нет свободной ни минуты,
День и ночь народ в пути,
Где простора да уюта
На земле сейчас найти!

В нашу бурную эпоху
Нас ничем не удивишь.
На корме ж совсем не плохо,
Как посмотришь-поглядишь.

И, усевшись на канаты,
Два знакомца, два дружка,
Два известных нам солдата,
Молча роются в мешках...

Вот один, спокоен, весел,
Из мешка извлек арбуз,

Подержал в ладони, взвесил...
«О, тяжел! А как на вкус?»

Но арбуз попал законный,
Сразу видно, что хорош,
С коркой яркою зеленой
Он на глобус был похож.

Потому солдат так странно
Осмотрел арбуз кругом,
Словно он моря и страны
Отыскать хотел на нем.

Но потом, неспешно, чинно,
С хитрецей промолвив «ну-с»,
Вынул ножик перочинный
И вонзил его в арбуз.

Затрещал арбуз что надо,
Лопнул сразу, как струна,
Из арбуза черным градом
Полетели семена.

Тут солдат по дружбе чистой
Первым долгом, как он мог,
Подавал сочный, сахаристый
Своему дружку кусок.

Вот над Волгой солнце встало,
Осветило все кругом,
На арбузе заиграло
Золотым своим лучом.

Едут два солдата Волгой,
С калачом арбуз едят
С передышкой, с чувством, с толком,
В Волгу корочки летят.

Где-то рядом, эка парень,
Под машинный ровный гул
Песню длинную татарин
На всю Волгу затянул.

Это верная примета,
Только сядь на пароход,
Как татарин с песней где-то
Обнаружится вот-вот.

Ляжет на свою котомку
Поудобней, половчей
И затянет тонко-тонко
Нитку песенки своей.

Тих всегда в пути чувашин,
А кто трезвый запоет,
Он того не хвалит даже,
Счастья недостойн тот!

Ну, а что сказать о русском,
Ты спроси-ка чуваша.
Он, как Русь сама, не узкий,
Нараспашку вся душа.

С гордым видом, с ясным смехом
Крикнет грузчик «берегись!»
По всем рекам мощным эхом
Эти клики разнеслись.

И матрос, бросая чалку
С парохода на причал,
«Берегись, коль жизни жалко!»—
Зычным голосом кричал.

«Берегись!»— живой, свободный
Клич катился по волне.
Стал он голосом народным,
Зазвучал по всей стране.

Вот такой во время оно
Волга-матушка была.
Нынче, ясно, по другому
Жизнь на Волге потекла.

Нынче часто и чувашин
Трезвым песню запоем...

* * * * *
Так сидят солдаты наши,
Каждый думает свое.

Весь арбуз до самой шейки
Съеден, выдолблен ножом,
Корка в виде тюбетейки
Остается непричем.

В эту корку собирают
От арбуза семена...
«Хорошо бы в нашем крае
Посадить их». — «Вот те на!

Нет арбузов что ли сроду?..»
«Есть-то есть, а по пути
Астраханскую породу
Не мешает завезти!»

И солдат затею эту
Порешив осуществить,
Тотчас зерна на газету
Пораскинул посушить.

Сам улегся здесь же рядом
На шинельке помечтать,
Прошлогодний «Таван Адал»¹
Начал медленно листать.

Из кармашка гимнастерки
И дружок его добыл
Книжечку «Василий Теркин»,
Всю затертую до дыр.

Хорошо в уюте где-то
Со спокойною душой
Почитать стихи поэта,
Помечтать часок-другой.

---

¹ „Таван Адал“ — альманах чувашских писателей.

Весь народ певцом гордится,
Стих его в любом краю
Заставляет сердце биться
У любого, как в бою.

Но в сто раз славней, коль рядом
Сам поэт идет с бойцом,
Согревает душу взглядом,
Верной дружбой и стихом.

* * *

Книжка склеена, измята,
Замусолена дотла:
Как винтовка для солдата
На войне она была.

Без куренья как в сраженье?
Есть табак, бумаги нет.
Тут солдаты для куренья
Разорвут и свой портрет.

Так оборван был и «Теркин»
Во всю белую кайму,
И в кармане гимнастерки
Уместился потому...

Тихо, плавно плещет Волга,
Чуть колышет пароход.
Плыть, наверно, уж недолго,
Пароход сбавляет ход.

Пароход любой не даром,
Как бы ни был он красив,
Лишь завидит Чебоксары,
Во всю силу забасит.¹

Так своим особым ладом
Вдруг и «Герцен» загудел.

---

¹ Намек на шутовую чувашскую песню: «Вверх по Волге поднимается белый пароход, поравнявшись с Чебоксарами,—не стерпел, не выдержал,—загудел».

Тут листавший «Таван Адал»
Быстро берег оглядел.

«Чебоксары?.. Слушай... Где мы?...»
Это тот, другой, сказал,
Что про Теркина поэму
С увлечением читал.

Пять минут, по крайней мере,
Потолкавшись зря вокруг,
Два дружка сошли на берег,
Удивились оба вдруг:

«Семена забыли. Грустно!
Не вернуться ль? Эх, конфуз!
Астраханский ведь арбуз-то,
Не какой-нибудь арбуз...»

«Не горюй, Всегда отыщем
В Шубашкаре семена.
Волга-матушка, дружище,
Семенами не бедна.

Тут найдем любых, я чую,
Астраханских и иных...
А и то б сказал Мичурин,—
Астрахань ведь в нас самих!..»

Прогудев три раза строго,
«Г е р ц е н» увеличил пар...
Два дружка своей дорогой
Зашагали в Шубашкар...

«Сáра»,— глянул друг на угол
То ли будки, то ль шатра...
Но чуваш поправил друга:
«То не сáра, а сарá!

По-чувашски значит — пиво.
Может, выпьем по одной
За хороших, за красивых,
За любовь, за край родной?

Пусть растут ветелки в селах,
Мед хмельной в ковшах кипит.
Так у нас народ веселый
И поет и говорит.

Жил у нас тут доктор старый,
Хоть и старый да седой,
А душой был нам под пару—
Бодрый, сильный, молодой.

Рассказал тот доктор древний,—
Думаю, не мог он врать!—
Захворал чуваш в деревне,
В пору хоть и умирать.

В старину, в тот век суровый,
Кто б врача загнал в село?..
Чуваша квасок медовый,
Пиео пенное спасло!

Был тот доктор,— что за диво!—
Мне родня, я не солгу.
Может, я не выпить пива
Потому и не могу.

Может быть, и устарел он
Тот рецепт уже давно.
Только мне-то что за дело,
Мне-то это все равно!

Эй, сестренка или дочка,
Как тебя там величать?—
Для солдат открой-ка бочку
Да попробуй накачать».

«Опоздали чуть... открыта!»
«Что ж тут делать — лей со дна.
Может, там на дне-то жито
Слаще пива и вина!

Эка, пенится чудесно,
Пена льется через край.
Наливай полней, невеста.
Будь здорова. Не хворай!»

Смотрит девушка приятно:
«Пей во здравие любви...»
«Про любовь сказала складно.
А отец благословил?»

«Нет отца-то...»—«Что ж такое?
Где ж родилась-то, в кого?»
«Из села из своего я».
«Ну и я из своего!»

«Холостой?»—«Пока не вдовый».
«Ой, не парень, а мечта!»
«Ах, язык, какой бедовый...
Выпей с нами, красота!»

Легкий хмель в крови играет.
Кто же случаю не рад,—
С резвой девушкой болтает
Молодой чуваш-солдат.

Своему же он дружочку
Так по-русски объяснил:
«По-чувашски семь годочков,
Кажется, не говорил.

Свой язык, болтают люди,
Можно, дескать, позабыть.
Так и мать с отцом забудешь,
Как же так на свете жить?..

Встретил, друг мой, я в Берлине
Генерала-чуваша.
Как отец толкует с сыном,
Просто человек-душа.

Кто такой да чей, откуда,
Как, мол, молодая жизнь.

Говорю: живу не худо!
«Так, земляк. Садись, садись!»—

Приглашает, встречи ради...
Но хотя он и сказал,
Перед ним не очень сядешь:
Генерал есть генерал!»

«Да, зовет душа к родному,
Все за край родной отдашь!...»
«Может, посмотреть кино нам?»—
Говорит солдат-чуваш.

«Посмотреть кино? Не знаю...
Вот с котомками как быть?»
«Впрочем, может, погуляем,
Надо кое-что купить.

Я гостинца не имею.
Знаешь, это не слова—
Все со мной мои трофеи:
Раны вот да голова».

Так по улицам шагают
Два солдата, два дружка,
«Честью» воинов встречают,
Улыбаются слегка.

К саду выбрались два друга.
Эх, афиша-благодать:
«Черноокая подруга»,
Эту надо повидать!

«А пока свернем сюда вот,—
Говорит чуваш,— вот так!
Слева, кажется, иль справа
Проживает мой земляк.

У него тут вроде дачи,
Как он написал в письме...»

«Знатный человек-то, значит,
Если дачу заимел...»

«Как сказать? Не это, кстати,
Нас волнует, мой дружок.
На ночь нам дадут полати,
Вот уже и хорошо.

А земляк, коль знать охота,
Человек не без ума.
У него своя работа—
Красит в городе дома».

«Что ж, маляр он?»—«Нет, он мастер!
Он, как я сказал, с умом...
Стой-ка, вот... автобус, к счастью.
Остановка. Подождем!

Что ты скажешь, коли в миг тут
Засверкает синий ЗИС?
В самом деле, друг мой, Виктор!
Вот и ЗИС тебе — садись!»—

В этом месте мой читатель
Может мысленно сказать:
«Где-то это имя, кстати,
Приходилось мне встречать...»

— Точно!— скажет автор,—верь мне,
Это слово не обман:
Возвращается в деревню
Из Берлина Аптраман.

Он и Виктора, как друга,
Тянет в гости. Ну и что ж!
На пиру и ты побудешь,
Коль еще главу прочтешь.

П Р И В А Л

ока в пути мои герои,
Читатель, отдохнуть позволь.
Всего нужнее нам порою
Глоток воды и хлеб да соль.

Скакун мой (Ургамах, Пегас ли—
Не в кличке дело!) утомлен.
Спит на ходу и видит ясли—
Все удила мусолит он.

Ну что ж, стреножу работягу,
Пускай пасется на лугу,
А сам в тени куста прилягу
Под веткой, согнутой в дугу.

Героям что! Они моложе.
Дорога их не растрясла.
А я ведь вдвое больше пожил,
Вкусил всего — добра и зла.

Но стоп! Займемся лучше лугом
И ветерком, что так пахуч.
Вон солнце полным желтым кругом
Висит над кромкой дальних туч.

Как любят желтое чувашки!
Я сам к иным расцветкам слеп.
Мой луг ромашкою украшен,
Желтеют дрок и курослеп.

Вдали ручей. Манят кулижек
Нетоптанные берега.
Но подойди туда поближе—
В трясину угодит нога.

Лужок мой — выдумка, читатель.
Под видом луга, не таю,
Замыслил я, не знаю, кстати ль,
Представить лирику мою.

Мне кажется, верна картина,
И в творчестве бывает так:
Глядишь, — как бархат, луговина,
Пойдешь — опасен каждый шаг...

И все же, все ж, какую участь
Я со своей бы мог сравнить?
Мой стих! То радуясь, то мучась,
Тобою лишь могу я жить!

Был и чулан с тобой не тесен.
Недаром рос я в той земле,
Где в памяти семь сотен песен
Хранит Хеведер Каверле.

Мой край, напевами богатый,
Богаче будешь ты стократ,
Коль и простые пимокаты
Стих, как сокровище, хранят!

Придет и тот, кто песню сложит,
Что будет прежних веселей...
Наследство дедов приумножит
Земляк мой Кызья Васyleй.

Но он, судя о жизни здраво,
Над строчкой вечно не корпит:
То стих напишет он на славу,
То печь отменно смастерит.

Большое дело эти печи,
Им радо не одно село.
Любой недуг и боль излечит
Их благотворное тепло.

Когда остынет кровь, поэту
Найдется теплый уголок...
А я привык встречать рассветы
Над правкою строптивых строк.

Мне с колыбели слово любо,
Я забываюсь над строкой,
Сжимаются упрямо губы
И сон снимает, как рукой.

Мне говорили, что рожая.
Меня в мучениях на свет,
Изнемогла моя родная,
Пришли беспмятство и бред.

И в том бреду, в бессвязных звуках,
Что стали душу надрывать,
Вдруг различила повитуха
Обрывки песни. Пела мать.

И повитуха просияла
Своим морщинистым лицом,
И, шлепая меня, сказала:
«Ну, значит, быть тебе певцом!»

Я оправдал слова старушки,
Хоть по дороге на Парнас
Мне доставались колотушки
И подзатыльники подчас.

Уж больно много было всяких
Мужей, что «наставляли» чад.
Теперь не то, порыв иссяк их,
Забились в щелочки, молчат.

А как же был иной неистов,
К себе скликая молодежь.

Теперь всех этих «модернистов»
И днем с огнем ты не найдешь.

О них не стал бы вспоминать я—
Что прошлогодний снег копать!
Но изворотлива их братья—
А ну как выскочит опять?

Ах, как наставники такие
Умеют дать тому щелчка,
Кто их «намеренья благие»
Распознает издалека!

Все вспоминать мне нет охоты.
Случалось сожалеть о том,
Что никакой другой работы
Не знал, захваченный стихом!

* * *

А впрочем уж мои герои
В пути, а я не «на ходу»,
И конь копытом землю роет:
Пора, пора — чего я жду?

Чего же я на самом деле?
Вперед, мой Ургамах, вперед!
Еще не близко нам до цели,
Род Аптраманов жив и ждет.

В РОДНОМ СЕЛЕ

1

он видала я сегодня,—
Бабка деду говорила,—
Наша курица-хохлатка
Будто бы снесла яичко
Без гнезда, на голом месте.

Ах! Оно ведь разобьется,
Думаю, бегу скорее.
Вот беру яйцо, гляжу я,
А оно уже разбито.
Треснуло оно, яйцо-то!»

«Ну, коль треснуло и ладно»,—
Отвечает дед Хеведер.
«Ах, старик! Ты вовсе нынче
Ни в какие сны не веришь,
Признавать примет не хочешь.

Я нарочно даже, знаешь,
Чтоб мне этот сон приснился,
С вечера Эндри рубашку
Под подушку положила.
Так вот все и получилось».

«Ну и что он, сон твой, значит?»—
Говорит Хеведер мягче.
«Это значит, внук вернется,

Только раненый придет он», —
Сабани ему сказала.

«Коль война прошла и внук наш
На войне живым остался,
Он без всяких снов вернется».
«Хорошо, коли вернется,
Только сон мой все же в руку!»

«Что ж, ведь я не возражаю, —
Говорит старик жене, —
Только в снах не разбираюсь
И они не снятся мне».

* * *

Двое спрыгнули с машины,
Смело двинулись вперед
Где оврагом, где равниной, —
Сразу видно, свой народ.

В поле копны. Все как было!
Жнитва с колкою стерней.
Сердце радостно забилося,
Чуя близко дом родной.

В поле копны встали часто.
Будут свадьбы и любовь.
Ах, какое это счастье,
В отчий дом вернуться вновь!

Многолюдно в нашем крае,
Всюду в селах, что ни год,
Много парней подрастает,
Много девушек цветет.

Так вот по полю шагая,
Вкруг посмотришь с бугорка,
Тридцать сел ты насчитаешь,
Это уж наверняка.

Прежде, если выйдешь в поле,
На равнинах, на буграх,
Всюду вышки колоколен,
Отблеск солнца на крестах.

Нынче ж, коль идешь куда-то,
Глянешь ли вперед, назад—
Тут завод, там элеватор,
Вон заложен новый сад.

Взгляд у Аптрамана верный:
Вот антенна, как свеча,
Там пожарная, наверно,
Завиднелась каланча.

Вон ветряк стоит, красуясь.
Крыша клуба? Да, она...
Сердце прыгает, волнуясь,
Будто с крепкого вина.

В этом клубе ты с любимой
Танцевал... Цвел мирный май...
Сколько лет промчалось мимо?
Не считай, солдат, шагай!

По щеке нежданно—надо ж!—
Покатилась вдруг слеза.
Пять годов она солдату
Не туманила глаза.

Басов видел слезы эти,
Но Эндри платком тотчас
Вытер щеку и заметил:
«Пыль, должно, попала в глаз...»

Вот на двух дощечках узких
Надпись на столбе видна,
По-чувашски и по-русски
Здесь исполнена она.

Басов к столбику в сторонке
Присмотрелся, подошел,
По-чувашки надпись громко
По всем правилам прочел,

Соблюдая ударенья:
«Берегитесь поездов!»
Улыбнулся на мгновенье
Аптраман от этих слов.

У околицы с шинелей
Пыль решили отряхнуть,
И под ветлами присели
Покурить и отдохнуть.

Вдруг околицы ворота
Заскрипели, как рыдван...
«Сторожит их нынче кто-то?
Умер старый Эльдиван».

Тут к солдатам подбегают
Двое стриженных ребят,
У ребят глаза сверкают,
На солдат мальцы глядят...

«Я вас знаю! — молвил старший, —
Вы живете здесь в селе...
Эй, Валерий! Полным маршем
Сбегай к дяденьке Илле!»

Враз мальчишечьи привычки
Аптраман припомнил сам,
И, старинный чтя обычай,
По монетке дал мальчикам¹.

Скрылся вмиг Валерий где-то,
Счет прослушав «раз-два-три».
А второй вертел монету
И глядел в глаза Эндри.

«Нет ли денежки испанской?»
«Не был там я... Не пришлось...»

---

¹ За открытие ворот в старину дарили ребятам монеты.

«Ну, хотя б... американской...
Или франки есть, небось».

«Не дошел и в эти страны», —
Улыбнулся Аптраман.

«А дойдете, вы тогда нам
Дайте деньги этих стран».

«Ладно, ладно», — отвечает
Мальшу его земляк.

А мальчишка все болтает,
Видно, в этом он мастак!

«Есть и польские деньжата
И румынские у нас,
Нашим отдают ребятам
Их солдаты каждый раз.

Есть немецкие монеты,
Есть у всех они, да что ж,
Если думать о цене-то,
Вся цена-то им ведь — грош...»

«Ты, смотри, разбогатеешь,
Убежать куда не смей...»

«Нет! Мы их храним в музее,
В школе есть у нас музей!»

Аптраман, весьма довольный,
Другу тотчас передал
Все, о чем пыливый школьник
Так серьезно рассуждал.

* * *

На бревнышках зевают вслух
И шерсть прядут старухи,
Весь день проходит у старух
Примерно в этом духе.

К закату солнышко, глядишь,
Пошло без всякой спешки...

Катает улицей малыш
Какой-то груз в тележке.

Вот ветка,— ветер, зная, сломил.
Лежит на травке ветка.
Тележку здесь остановил
Мальчишка-малолетка.

Он тотчас ветку ту забрал
К себе в тележку тоже.
«Ты рыбку, вижу я, поймал!»—
Сказал старик прохожий.

Малыш глядит ему в глаза
Серьезно, без улыбки.
Ведь деда правильно сказал:
Конечно, листья — рыбки.

А дед, увидевши солдат,
Снял шапку, поклонился,
И вновь, заботами объят,
Уйти поторопился.

Где здесь признать односельчан,—
Солдат теперь так много!
Их каждый день старик встречал—
Идут по всем дорогам.

Мальчишка дяденькам чужим
В лицо взглянул несмело
И тоже занялся своим,
Как видно, важным делом.

Скрипит тележка. Очень рад
Мальчишка этот босый,—
Нет-нет и поглядит назад—
На месте ли колеса.

При виде мальчика грустней
Солдатам как-то стало:
Что значит, парни на войне—
Детей в деревне мало!

Насквозь вся улица видна,
Стоят рядочком хаты.
Старушка поднялась с бревна:
«Кажись, идут солдаты?»

«Мне сон приснился... Может, наш?—
Тут Сабани сказала,—
Да где узнаешь, наш ли, ваш,
Давно ведь не видала».

Она так пристально глядит,
Глядит из-под ладони:
У всех солдат солдатский вид,
Бедняжка чуть не стонет.

Но вот к ним подошел один:
«Здорово, кинемеи!»
«Пока здоровы. Вот сидим...
А сам-то не хиреешь?»

«О, нет. Я — крепок. Я ж — солдат!»
«Что ж, отдохни».—«Спасибо!
Колхоз-то как у вас? Богат?
Иль в чем нехватка либо?»

По делу видно, в этот год
Сказать совсем не в диво,
Что ладно будет жить народ,
Наварит к свадьбам пива?..»

«Вот поживешь, и будет, друг,
Все самому известно»,—
Одна сказала из старух
Не очень-то любезно.

Другая молвила: «Платки
Не одного ведь цвета.
У тех блины и пирожки,
Кто потрудился летом...»

«Ай, батюшки мои... ой, ой!
Ах я, слепая муха!
Гляжу, гляжу... Родной ты мой!»—
Узнала бабка внука.

«Смотри-ка стал какой. Смотри...»
Она заулыбалась
И молча, вдруг обняв Эндри,
К плечу его прижалась.

«Узнала бабушка моя,
Не сразу, а узнала»,—
Свиданья радость не тая,
Товарищу сказал он.

«Сон, милый внучек, снился мне:
Снесла яйцо пеструшка...
Я после расскажу о сне»,—
Добавила старушка.

Она поправила платок,
Забрала шерсть, и звонко,
Заслышав детский голосок,
Покликкала ребенка.

«Ай, Педер! В носик твой, видать,
Забралась ласка снова,
И надо нам ее прогнать.
Постой, постой, бедовый!

Племянничек, сестры сынок...
Да, Натали цветочек...
Отец-то там, на фронте лег...»
«Я знаю».—«Жалко очень!

Должно же быть такой беде,
Немного бедный прожил!
А брата не видал нигде?
Кервень неужто тоже...

Ну, Педер, это дядя твой,—
Ребенка нежно глядя,
Сказала бабка,—цветик мой,
Скажи ему —«мой дядя».

«Не бойся, Педер, подойди!»—
Позвал Эндри мальчишку.
«Стесняется еще, поди,
Совсем еще глупышка».

Внучонка за руку взяла,
Штанишки отряхнула.
«А из какого он села?»—
На Басова кивнула.—

«А, русский... Мать с отцом-то есть?
Коль есть, так дело свято.
Пойдем-ка в дом попить-поесть,
Зови с собой солдата...»

* * *

Вновь на пир, что был войною
Прерван в тот суровый год,
В Аптраманов дом гурьбою
Собирается весь род.

Сам Илле по рюмкам споро
Разливает всем винцо—
Тем, кто жив и тем, которых
Нету нынче налицо.

Разливая гостьям пиво,
Шепчет тетка Кулине:
«Это Герману. А жив он?
Может, сгинул на войне...»

И еще стакан огромный
Наполняют. Для кого б?..
Вот встает хозяин дома,
По привычке морщит лоб:

«Тост, друзья, сказать хочу я...
За отчизну! За народ,
И за партию родную,
Что к победам нас ведет!»

Кто-то крикнул: «Молодчина!
Правду режь. Не прячь в карман.
Весь народ теперь — единый,
Я сказал бы, Аптраман!»

Это, кто ж, Самаев? — скажут.
Да, Самаев. Не пропал!
И на пир семейный даже
К Аптраману он попал.

Он такой же все, Самаев,
И веселый, и простой,
Он все тот же, сын Исаев,
Лишь один рукав пустой.

Уцелевшею рукою
Поднял рюмку, говорит:
«Не дает вино покою,
Вся душа во мне горит.

Мало ль может что случиться.
Что нам в жизни суждено:
Может ведь вино пролиться,
Могут и отнять вино;

Может выдохнуться, знаешь...
Так беда чтоб не стряслась —
Будь здоров!» — сказал Самаев,
К Аптраману обратясь.

«Будь здоров!» — Он выпил разом;
«Вот оно местечко ей!»
Улыбался Виктор Басов,
Медлил с рюмкою своей.

«Пей! Не пил вина что ль сроду? —
К Басову пристал, — чудак! —

Знаешь, русскому народу
Надо ковш, а тут — пустяк...»

С гостем и с Эндри желает
Чокнуться сам старый дед.
Он, довольный, восклицает:
«Изобилъе — перевет!»

Он старается по-русски
С Басовым поговорить:
«Кушать, значит, вин, закуски,
Песня петь и снова пить.

Сам солдат я, сам ехветер,
Наша, ваша, значит, все,—
Объясняет дед Хеведер,—
Мы топерь — один Расей!»

Он на госте орден Славы,
На Эндри «Звезду» не раз
Оглядел, и с видом бравым
С лавки поднялся тотчас.

«Эх, ты, бабка! В час веселья
Надоумить не могла!»—
Дед поспешно вышел в сени,
Словно ждали там дела.

Он вернулся молча, гордый,
Сел на место, вновь привстал.
На груди его «Георгий»
Серебром своим блистал.

Виктор сразу крест заметил:
«Значит, воин-ветеран?»
Дед с достоинством ответил:
«Никак нет, я — Аптраман!»

Так веселье продолжалось
Целый день, и у окна
Ребяшня весь день толкалась,
К стеклам липла до темна.

* * *

Где ж Палля, братишка Павел,
Самый младший Аптраман?
Он два года, как оставил
Дом родной «для дальних стран».

Он писал картины маслом,
Сочинял стихи порой,
В форме летчика не раз он
Видел сам себя, герой.

Но не стал Палля пилотом,
Не вспарил в стихах орлом.
Кончил школу, и заботы
Новые пришли потом.

Недруги нам вскоре бомбой
Стали атомной грозить,
Возмечтал Палля. О чем бы?
В вуз московский поступить.

«Что же, Репиным не стал я,
В Пушкины я не гожусь,
А вот в атоме, пожалуй,
Поучившись, разберусь.

Быть поэтом не последним
В жизни не удастся мне,
А вот физик, даже средний,
Пригодится все ж стране».

И в веселые моменты
Дед охотно говорит:
«Внук-то мой какой! В студентах,
Да, в студентах состоит!

На каникулы соседка
Ждет его, а парня нет.
Даже письма пишет редко,
Видно, там такой секрет...»

Хорошо в прохладной ласи¹,
Пахнет хмелем и травой,
Заливает душу счастьем
Мягкий свет вечеровой.

Натали с своей подружкой
Тихо шепчутся давно.
А о чем, коль их послушать, —
Не узнаешь все равно.

На подружке платье цвета
Зоба голубя блестит.
Шелк его, как ниву летом,
Легкий ветер шевелит.

Шелк скользит, плывет в коленях,
Утекает, как песок,
Крутит девушка в волненье
В пальцах витый поясок.

На закате солнце в избу
Через окна и крыльцо
Мечет розовые брызги
Прямо девушке в лицо.

Часто девушка вздыхает,
Словно ей чего-то жаль,
То улыбкой засияет,
То мелькнет в лице печаль.

То она вся загорится,
То задумается вдруг,
То головка закружится
У Самаевой Верук.

Возвратился с фронта милый,
Сердце жар любви палит,
Только в дом войти нет силы,
Стыд девичий не велит.

---

¹ Л а с ь — летняя изба-кухня с земляным полом.

Мало ль умников найдется!
Да и надо ль тут ума,
Коль увидят, что суется
К парню девушка сама.

В дверь вечерний луч ворвался,
Засверкал в последний раз,
К щечке девушки прижался,
Приласкался и погас.

Натали, что овдовела,
И счастливая Верук
Неразлучны вечер целый,
Обнявшись, мечтают вслух.

Их мечты кому известны?
Кто поймет их, разберет?—
Ждет свою судьбу невеста,
И вдова, наверно, ждет!

Не могу ничем помочь я
Их мечтаньям молодым.
Пожелаю доброй ночи,
Может, ночь поможет им!

* * *

Вот уже и показалась
В небе полная луна.
Но в избе не воцарялась
Очень долго тишина.

Сабани всегда ночами,
Как-никак, а все же спит.
А сейчас звенит ключами
И в сенях дверьми скрипит.

То в амбар, то в погреб сходит,
То во двор, то со двора,
И подумать можно — вроде
Бабка уж не так стара.

Вот и дед в окошко шею
Тянет на манер коня:
«Сабани, иди скорее,
Надоела мне возня».

Наконец все стихло, только
Слышно было издали,
Как журчал из ласи тонкий
Мягкий голос Натали.

Это Педера прилежно,
Глядя ласково рукой,
Принялась баюкать нежно
Мама песенкой такой:

Лес шумит, бушует ветер,
Поднимает ералаш.
Спят все зайцы и медведи,
Спи, мой маленький чуваш.
Успокойтесь, ручки, ножки,
Спят и кошка и баран.
Понемножку, понемножку
Засыпай, мой Аптраман!

Теплый дождик поливает,
Он лопочет — чав, чав, чаш...
Вырастай, нужды не зная,
Спи, мой маленький чуваш.
Дружен будь всегда с друзьями,
Злым не дай себя в обман.
Не робей перед врагами,
Крепким будь, мой Аптраман!

Будь ты русскому приятель
И татарину — юлдаш.
На земле все люди братья,
Спи, мой маленький чуваш.
Смело в добрый путь пускайся,
Путь тебе широкий дан.
Позади не оставайся,
Будешь счастлив, Аптраман!

Пробудились Аптраманы,
 Педер голос подает:
 «Эй, вставай, скорее, мама,
 Петушок уже поет».

«Раз поет, то встать придется, —
 Нечего тут зря лежать!» —
 Говорит — не улыбнется,
 На сынка взирая, мать.

«Я сегодня рыбку тоже
 Где-нибудь поймаю, мам...»
 «Да,ймаешь, мой хороший.
 Может, ты уже поймал?»

Мать оглядывает сына,
 Быстро щупает постель:
 «Нет пока что... Молодчина!
 Осрамишься неужель?»

Дядя дома. Будет стыдно!...»
 «У меня есть пруд в саду, —
 Молвил Педер безобидно, —
 Я пойду ловить в пруду».

«Ладно, ладно, мой сыночек.
 Ты, я знаю, молодец!»
 Натали встает, хлопочет,
 Да и время, наконец,

Вот прошла в простом уборе
 Кулине с ведром в руках.
 Со двора донесся вскоре
 Вкусный запах молока.

Для внучонка дорогого
 Напоследок кугамай
 Кружку самого густого
 Нацедила: «Подрастай!...»

Крышкой молоко, как надо,
Принакрыла, убрала,
Со двора корову в стадо
За ворота погнала.

Ловко спрыгнул с сеновала
Мой Эндри и во дворе
Малость помаршировал он,
Поразмялся на заре.

Он и стоя, и вприсядку,
По-солдатски, как умел,
Сделал краткую зарядку
И на небо поглядел.

Небо ясное. Похоже,
Как вчера и ожидал,
День безветренным, погожим
Быть сегодня обещал.

Где-то в рельсу зазвонили
Тонко, мерно: раз, два, три...
«Сколько же часов пробили?»—
У сестры спросил Эндри.

«Шесть, должно быть»,— отвечала
Натали ему с крыльца.
Ей никак не удавалось
Хорошо умыть мальчика.

Он ногами начал дрыгать
И выкрикивал слова:
«Я хочу, как дядя, прыгать,
Я хочу «раз-два, раз-два».

Вдруг взлетел он, как на крыльях:
Дядя поднял малыша.
«Ну, а как твоя фамилья?»—
Он спросил у племяша.

«Аптраман-Сумбай, я знаю!»—
Крикнул громко мальчуган,—
Эта вот рука Сумбая,
А вот эта — Аптраман!»

На сыночка дорогого
Смотрит мать—и ясно в нем
Видит Педера другого.
Вот гордился б он сынком!

«Ты давно, должно быть, встала?—
Брат у Натали спросил.
«Путь до Горького немалый,
Гостя ты едой снабдил?»

Вот яичек я сварила,
Яблоки достала, мед...»
«Что ж, ты верно поступила,
Виктор это все поймет.

Эта добрая услуга,
Право, тронет хоть кого.
Ну и... ты достойна друга
Боевого моего».

«Их, достойных, мало что ли
И у них там, и у нас!
А моя такая доля,
Не до шуток мне сейчас».

«Ты обиделась не к месту.
Натали, ведь мы свои.
Дом родной не будет тесным
Для любой родной семьи».

«Не об этом я. Ты знаешь,
Тяжело мне в эти дни...»
«Что ж, сестра. Я понимаю.
Но, поверь, пройдут они!»

«Что пройдет, да что случится!
Счастье все же далеко.

Я сейчас хочу учиться,
А заочно нелегко.

Может, буду биться даром,
Тешить сердце, так сказать.
Хорошо бы в Чебоксары,
Или даже бы в Казань!

Хорошо, да есть причина...
Будет легче, если вот...—
Мать кивнула тут на сына,—
«Богатырь мой подрастет!»

Сын кивок ее заметил.
«Мама, так не говори!—
Голосок ребенка светел.—
Вот расту я, посмотри».

Он на цыпочки поднялся,
Торопясь повыше стать,
И еще, еще старался,
Принатужась, подрастать».

«Ты большой, большой, я знаю,
Выше нашего стола...»
И сынишку мать родная
Крепко, крепко обняла:

«Колокольчик голосистый!—
Мать растрогалась совсем. —
Ты мой сладкий! Мой анис ты!
Вот тебя я — ам! и съем!»

«Я и сам,—резвясь, играя,
Крикнул Педер,— съем тебя!»
«Ты и впрямь меня съедаешь...»—
Мать сказала про себя.

* * *

Прогостил у Аптраманов
Трое суток и вчера

Басов начал утром рано
Собираться со двора.

«Ну, три дня прогостевал я,
Время гостю за порог.
Так и бабушка б сказала—
Любит троицу, мол, бог».

Тут ему в ответ любезно
Кулине вздохнула: «Ах!
Дом-то строят, как известно,
Ведь о четырех углах.

Ночку бы еще проспал ты...»
«Нет, вы скажете потом—
На руке у нас пять пальцев...
Вас прошу теперь в мой дом!»

«Побываем, коль не были.
Не взыщи, сынок, на том,
Может, чем не угодили,
Ведь не в городе живем!»

«Хорошо. Аван, мамаша!
Да, аван, аван вполне».
Вполовину по-чувашски
Он ответил Кулине.

«Хорошо ль, сказать не смею,
Брать ведь не с кого пример...
Каждый, видно, как умеет,
Так живет на свой манер...»

Ночевал, однако, Басов
Снова в доме у Эндри.
Не сомкнул всю ночку глаз он
Вплоть до самой до зари.

Раньше, чем Эндри, с рассветом
Басов встал и вышел в сад.

Повстречался там он с дедом,
Тот курил свой самосад.

Басов вынул папироску,
Угостил и старика.
Папироску, будто соску,
Пососал старик слегка.

«Трубочку кури, сыночек», —
Он внушительно сказал.
«Лучше что ли?» — «Сытно очень!»
«Сытно? Право, не слыхал...»

«Не слыхал? Поди ж ты. То-то!
После трубки всякий раз
Пить бывает страсть охота,
И вода, что... сладкий квас!»

Смотрит Виктор: «Что ж такое,
Шутит старый или нет?»
Ну, а дед вполне спокоен,
И не улыбнется дед.

Лишь под бровью чуть прищурен
Аптрамана хитрый глаз.
«Эко ведь какой я дурень», —
Басов говорит, смеясь.

Тут и дед весь вспыхнул жаром.
Словно он того и ждал.
«Хе-хе-хе! — смеялся старый,
Быстро шутку разгадал!

Мы же ведь простые люди,
Посмеяться каждый рад». —
Дед Хеведер часто шутит,
Мягко, на старинный лад.

«Яблоньку женить хочу я, —
К подошедшему Эндри

Обратился он,— ты чуешь
Сок-то бродит как... смотри...»

«Что ж,— сказал Эндри,— поженим!¹
Я могу тебе помочь.
Раз такое положенье,
Потрудиться я не прочь».

Дед сказал тогда серьезно:
«Здесь-то вроде ни к чему.
Вон запущен сад колхозный,
Надо помогать ему.

Придушил мороз проклятый
В финскую войну, зимой.
А теперь вот вы, солдаты,
Возвращаетесь домой.

Вот колхозный и наладьте.
Вам и пестовать его.
Ну, а тут силенок хватит
У меня у самого...»

И, увлекшись длинной речью,
Лишь теперь заметил дед,
Как дружки подались к речке—
По росе тянулся след.

Через две усадьбы видно
Огород отца Верук,
Там по берегу солидно
Вербы разрослись вокруг.

Шли дожди. Раздуло воду.
Не узнать совсем пруда.
Подступила к огороду
У Самаевых вода.

Всходит солнышко над плесом,
Плаваясь золотом в реке.

---

¹ В отдельных районах Чувашии, вместо „привить яблоню“, говорят „женить яблоню“.

Шумно грохают колеса
Мукомолки вдалеке.

Из-за мельницы сквозь ветви
Брызжут первые лучи,
Пруд сверкает на рассвете
Ярче шелка и парчи.

Вот Эндри с солдатом-гостем
Оба вместе издали
На виднеющийся мостик
Дружно взоры навели.

Оба вместе, в самом деле,
Смотрят, смотрят без конца,
Будто вдруг окаменели
Два отважных молодца.

Их обоих к этой точке
Потянул один магнит:
На самаевом мосточке,
Чья-то девушка стоит.

Вся она, как в панораме,
И не близко, а близка,
Треплет волосы руками,
Отжимает их слегка.

На зеленый на купальник,
Ластясь к солнечным лучам,
Кудри темные упали,
Рассыпаясь по плечам.

Кто ж перед такой картиной
Не размяк бы всей душой,
Столько прелести невинной
В этой девушке простой!

Вот она, надев халатик,
В дом спешит, светла, чиста,

Словно бы, заметим кстати,
Здесь сбылась ее мечта.

У Эндри лицо пылает
Ярче, кажется, зари,
И от гостя не скрывает
Буйной радости Эндри.

«Что, она?» — смутясь, заметил,
Также покрасневший, друг.
«Да, она, — Эндри ответил, —
Да, она. Моя Верук!

Быть сейчас бы нашей свадьбе.
Урожай куда велик.
Но придется подождать мне,
Как обычай наш велит.

Испокон веков положен
Он отцами, говорят:
По порядку свадьбу должен
В доме справить старший брат.

Может, брат-то и вернется.
Он не стал бы возражать...
А пока что... ждать придется.
Да, придется подождать!»

* * *

Друга после угощенья
Проводив домой, тотчас
Аптраман зашел в правленье
По приезде в первый раз.

По-солдатски крепко руку
Председателю потрянул.
С интересом все вокруг он
Осмотрел, в окно взглянул.

За окном земля родная,
Мир все так же мил и прост.

Возвратясь с войны, Самаев
Снова занял прежний пост.

Он старательно трудился,
Сделать многое хотел,
Но здоровьишком подбился,
Часто уставал, потел.

«А, Эндри!— вскричал Самаев,—
Где ж ты прячешься, юлдаш?
С гостем все, видать, гуляешь,
А работать, брат, когда ж?»

Не пора ль впрягаться с нами,
Вместе двигать наш колхоз?..
В общем, завтра партсобрание,
Важный ставится вопрос».

«Что ж, Иван Исаич,— дело!
Ты у нас ведь голова.
Кстати, мне бы вот хотелось
Почувствовать года два...»

«Значит, я опять вояка!
Что ж я за герой такой?
Трудновато мне однако
Здесь махать одной рукой...»

Словом, вот что, друг-приятель,
Чтобы зря не гомонить:
Я уже не председатель,
Должен ты меня сменить».

«Я?»—«Ну да! А кто ж еще-то?»
«Ты, как был, и будь опять!»
«Я больной. Мне с огорода
Галок да ворон гонять.»

Мне замену непременно
Подыскать велел райком.
Вот я и нашел замену—
Молодую, с огоньком!»

«Наберу ума едва ли,
Дел теперь такая тьма...»
«Ну, а в армии не дали
Вовсе что ль тебе ума?»

Марш, атака, наступление,
Нынче и в деревне так.
А помочь, там всем правленьем
Мы поможем, так ли, сяк».

«Опыта, Иван Исанч,
У меня совсем ведь нет!»
«Опыт, знаешь, мой красавец,
Не девический секрет.

Опыт в шапку не положишь,
Это ведь ты должен знать:
У народа всюду можешь
Всякий опыт перенять».

«Да и не удобно вроде—
Когда ты был на войне,
Мой отец тут верховодил,
А теперь, выходит, мне...»

«Испугался! Люди скажут,
Что опять, мол, Аптраман?
Брось! Обрадуются даже.
Разве тут какой обман?»

Выберет артель свободно,
Партия тебя пошлет.
А кому коль неугодно,—
Дело личное не в счет.

Соглашайся, друг любезный.
Без людей совсем беда.
Многие ведь, как известно,
Не вернутся никогда.

Есть, как видишь, и больные,
Есть, брат, и такой народ,

Что бормочут, как шальные:
«Мой амбар, мой огород...»

И такие есть, которым
Жить в деревне «не судьба»,
Прибыл с фронта — сразу в город,
На готовые хлеба.

Им ничто и мать с папашей,
Дом родной, родной порог.
Не куют, не жнут, не пашут,
Любят есть чужой пирог.

И такие есть, ты знаешь,
Вечно ноют — ох да ах!
Васянка¹, припоминаю,
Пробирает таких в стихах.

Ну, а нам с тобою просто
Стыдно охать, друг родной,
Нам ведь дорог наш колхоз-то,
Нам не двор он проходной!

Да и так вот скоро будет,
Время движется к тому—
Что вернутся эти люди
К полю, к дому своему...»

«Да,—Эндри с волнением что-то
Про себя решал сейчас,—
Партия в своих заботах
Много думает о нас!..»

---

¹ В а с я н к а — чувашский поэт-сатирик.

ОСЕННЯЯ ВЕСТЬ

Тепло в избе у Аптраманов,
Хотя морозец за окном.
Хеведер старый неустанно
Строгает палочки ножом.

Должно быть, правнуку игрушку
Седой затейник мастерит.
С ним рядом Сабани-старушка
Своею прялкою жужжит.

Илле уставился в газету,
Читает все статьи подряд,
А Кулине за стенкой где-то:
Там ложки с мисками гремят.

...Грачи летают как-то боком
Над тихой улицей села.
Уже отлет их недалеко.
Как скоро осень подошла!

День ясен, ласков, как голубка,
И даль над лесом голуба.
Давно бы так, а то уж в трубку
Пошли озимые хлеба!

Стучат в окошко к Аптраманам:
«Вам, дядюшка Илле, пакет.
Да толстый...»—«Толстый? Это странно...»—
Надел кафтан — и в сельсовет.

Там горожанин незнакомый
Илле вручает бандероль.
Илле схватил ее — и к дому.
Нет, расписаться, мол, изволь.

«Вот, вот, на этом самом месте...»
Вздыхнул мужик: «Ах, что-то в нем?
Откуда и какие вести
Принес пакет под сургучом?»

Илле домой летел стрелою.
Все заждались — терпенья нет.
Переглянулся он с женою
И вскрыл таинственный пакет.

Вот отношенье — бланк печатный.
В глаза всем бросилось «Москва».
«Кто ж это пишет? Непонятно...»
Стоп! Вот чувашские слова...»—

Умолк Илле, к столу припал он.
Пред ним страничка без полей.
Тут Кулине ему сказала:
«Ты вслух прочти нам поскорей!»

А мужа пот прошиб мгновенно:
Сыновний почерк он узнал.
Как не узнать, ведь неизменно
Кервеню сам он отвечал.

И вот Илле без проволочки
Родным примолкнувшим прочел
Все то, что до последней точки
Строкою ниже я привел.

1

...Германия. Барак сырой и темный.
Здесь госпиталь иль что-то в этом роде...
Под Клином был я ранен тяжело
И, потеряв сознание, в плен попал.
Когда хирурги пулю извлекали,

Я под наркозом бредил по-немецки.
Очнувшись, я заметил, что со мной
Весь персонал стал мягче отчего-то.
Какой-то врач со мной заговорил,
Но я в ответ не вымолвил ни слова,
Решив скрывать, что мне знаком язык.
Я сделал это так, на всякий случай...
Но переводчик, белоэмигрант,
Ослабившись, сказал: «Брось, Аптраман!
Таких, как ты, мы видели немало.
Вчера себя ты с головою выдал...»
Я чувствую: враги за мной следят.
Им кажется, что я не рядовой...

2

...Вот наступил и новый, сорок третий.
Два года скоро, как идет война.
Печалются домашние, наверно,
О войнах, что им вестей не шлют,
И я считаюсь без вести пропавшим.
Но я еще живу, живу, родные!

3

Коротконогий, круглый врач, баварец
(Такой арийской расы не украсит!)
Старается, чтоб я заговорил.
Его, должно быть, мучит любопытство:
Он чуваша впервые в жизни встретил,
А, может быть, впервые услышал,
Что есть такой народ на белом свете.
В его глазах я — представитель диких.
Он удивлен, что я немецкий знаю.
Как вразумить его, что под Москвою
Не только мы, советские студенты,—
Профессора, писатели, артисты—
Все встали под ружье, как рядовые,
И жизни не щадили, потому что
Во имя всех племен и всех наречий
На правый бой поднялся наш народ.

Январь. Десятый день. Толстяк баварец
 Сегодня долго говорил со мною:
 Германия... избранники-арийцы...
 Великая немецкая культура...
 Я думаю: кому она досталась
 И кто ее в Германии достоин,
 Кто защитит от немцев их самих?
 Таких мы помним. Именем вождя их
 У нас в районе назван был колхоз.
 Где человек тот? Сможет ли спастись?

В день двадцать первый января, сегодня,
 Великого вождя мы вспоминаем.
 Нет, он не умер, он и ныне с нами—
 К победе нашу армию ведет...

Сегодня третье февраля. Что случилось?
 Медперсонал угрюм и молчалив.
 На перевязке бинт срывали грубо...
 Дошло до нас, что немцы носят траур.
 На Волге, видно, наши взяли верх.

Начало марта. Рана заживает.
 Как ожидал я, начались допросы.
 Какой-то чин все требует признанья,
 Что коммунист я и не рядовой.
 Я не был членом партии, однако
 От партии себя не отделял.
 Когда себе вопрос я задаю:
 «А что тебе мешало стать партийцем?»,
 Я так обыкновенно отвечаю:
 «Мне думалось, что подготовлен слабо,
 Что в деле я себя не проявил»—

Рефлексия полуинтеллигента!
Так я и чину этому ответил.
Он не поверил: «Нет, ты коммунист!»
Что ж, если так, то я готов к тому,
Что коммуниста ожидает здесь:
Хочу я быть с товарищами вместе.

8

Восьмое марта. Вам привет мой, мама
И бабушка, и Натали... Тамара!
Как провели вы этот день? Здоровы ль?
Меня, за коммуниста принимая,
Куда-то отправляют: то ль в концлагерь,
То ль просто за барак, ко рву...

9

Германия. Апрель. Концлагерь в дюнах.
Куда ни глянь — песок, гранит и сосны.
Их не сравнить с приволжским нашим бором:
Бесплодная угрюмая земля
Питает только редкие деревья.
Их шум, как стон, как ропот на судьбу.
Мы трудимся, не покладая рук,
Но труд наш тяжкий никому не нужен.
Мы скалы в мелкий щебень обращаем,
Копаем ямы, чтоб засыпать их...
Какой же надо обладать душою,
Чтоб надругаться даже над трудом!

10

Мой день. Одиннадцатое апреля.
Исполнилось мне двадцать восемь лет.
Поэтому позволил я себе,
Весь сахар сэкономив за неделю,
Шербет из желудёвого отвара.
Надолго я запомню этот пир!
Отец и мать, ваш сын еще живой.
Он поддержал и здесь обычай рода—

В минуту трудную не унывает.
Скажите дедушке; что и прозвание
Он сохранил все то же — Аптраман!
Пусть радуется, пусть гордится старый.
Но вряд ли попадет к вам мой дневник:
Мы проволокой здесь окружены,
Что сотнями щетинится ежей,
И пулеметы с четырех углов,
Как псы цепные, сторожат нас зорко...
Насколько хватит нас — никто не знает.

11

Сегодня отмечаем Первомай.
Тюремщики по случаю такому
Еще пожиже, чем в обычный день,
В жестянки нам бурды плеснули мутной.
Проглатываем прямо с шелухой
Картошку — по одной на человека;
Она вся черная, во рту горчит.
И вот — мы снова в поле, на «работе».
И каждый за день тут разбить обязан
По столько камня, что его на воле
На пятерых здоровяков хватило б...
Сегодня двое из друзей скончались.
Я думаю: за кем теперь черед?

12

Берлин. Тюрьма. Я до сих пор не верю,
Что удалось мне пронести сюда
Листочки эти тонкие. Я счастлив.
Мне предъявили обвиненье в том,
Что я скрываю воинское званье,
Что скрыть пытался знанье языка
Не иначе, как с целью, и в плену
Вести пропагандистскую работу,
Чтоб дух противника поколебать.
Я должен выдать явки и пароль,
Назвать своих сообщников... Смешно.
Как трудно здесь тому, кто лгать не может!

Родимый уголок страны великой!
 Хотел я стать историком твоим,
 Хотелось мне на языке родном
 Народу о пути его поведать,
 Чтоб, оглянувшись, мог гордиться он
 Упорством, мужеством отцов и дедов,
 А поглядев вперед, чтоб верил в счастье,
 Чтоб радовался он, увидев вдруг,
 Какой пред ним широкий оком,
 Название которому — Р о с с и я...
 Однако не ученым кабинетным
 Мне стать пришлось,— я стал одним из тех,
 Кто сам творит историю, кто кровью,
 А не пером отстаивает правду...
 Быть может, я умру в подвале этом,
 Но жизнь пойдет вперед. Огонь и сталь
 Бессильны перед волею народа!
 Истории единственный творец,
 Он победит. Тогда и летописца
 Он обретет достойного себе.

В начале август. Лето на исходе,
 А осенью бывают мухи злее:
 Враг нынче осень чувствует свою—
 Становится еще бесчеловечней.
 Отчаявшись признания добиться,
 Они вчера меня подвергли пыткам,—
 Не надо, чтоб об этом знала мать.
 Я все-таки, надеюсь, что дойдут
 Вот эти строки до земли родимой.
 Ведь кто-нибудь из узников спасется,
 Тогда узнают о мученьях наших.
 Пока же, после варварской расправы,
 Словами, что кипят в душе моей,
 Я обличаю, распинаю их
 На этом вот листке. Проклятье им!

...Германия! Давно уж это слово
 Не звук пустой для слуха моего.
 Германия, не только два великих,
 Провозгласивших новую зарю,
 Но целое созвездие умов:
 Бетховен, Гете, Дюрер, Кант и Гегель—
 При имени твоём встают в сознание.
 Я восхищенно внемлю песням Гейне...
 Германия, но как могло случиться,
 Что твой народ, так много давший миру,
 Народ — поэт, философ, музыкант,
 Уверовал в слова дегенерата,
 Пошел за солдафоном полоумным?

* * *

...На вымощенный двор на пять минут
 Меня конвой выводит на прогулку,
 И я хожу вокруг помойной ямы.
 Со всех сторон кирпич и серый камень—
 Ни ветки, ни травинки, ни листочка.
 И вдруг я вижу маленькое чудо:
 Близ самой ямы — тонкий, нежный стебел.
 Ну, как же не узнать тебя, картошка!
 Я, видно, засмотрелся на росток,
 И мой конвойный тоже заметил
 Дрожащие на ветерке листочки.
 Меня окликнул он, остановил
 И, подойдя к растеньицу, с усмешкой
 С корнями вырвал тонкий стебелек.
 Эх, жалкий человек...

Сентябрь. Я жив еще. Уж две недели
 Со мной сидит Герганов Крум, болгарин,
 Лингвист-востоковед. Он жил в Софии.
 Мы оба рады этому знакомству.
 Крум заявил: «Спустя тысячелетье,

Сошлись опять болгарин с чувашом!»
Мой друг труды Ашмарина читал
И о родстве народов наших знает.

17

Последняя неделя октября.
Режим в тюрьме становится все строже.
Но мы пока вдвоем. Надолго ль это?
Крум начинает понимать чувашский,
А я стремлюсь болгарским овладеть.
Но все-таки посредником у нас—
Язык могучий русского народа.
Но, видимо, недолго нам учиться...

18

Седьмое ноября. В застенке темном
Приходится встречать мне светлый день.
Не будет ли последним этот праздник
Для друга моего и для меня?
Мы долго говорили с ним сегодня
О родственных славянских племенах.
Когда б владельцы денежных мешков,
Ссылаясь на обычаи, на веру,
Не отчуждали бы их друг от друга,
Какою силой был бы мир славянский!
А мы?.. Коль там потомки Аспаруха¹
Славянизировались тыщу лет,
То нам, живущим в глубине России,
Такого срока и не надо будет.
О языке я говорю пока.
А как с другим? Предугадать не просто.
Быть может, все советские народы,
Уже давно единые по духу,
Одним народом станут монолитным
По крови, по обличью — по всему.
Ведь громче всех колоколов славянских
«Авроры» залп над миром прогремел!

¹ Аспарух — болгарский хан, основатель болгарского царства—первого славянского государства на Балканах.

Прошел ноябрь. Тридцатое. Мне ясно,
 Что я из этих стен уже не вырвусь.
 Родимый край, воспрянувший народ,
 Товарищи и сверстники, родные!
 Простите, что так мало в жизни сделал,
 Своей мечты осуществить не смог.
 В последний путь я уношу любовь,
 Святую преданность и верность вам,
 Чувашия, свобода, мать-Россия...

* * *

Чьи руки комкают одежду,
 Чьи слезы льются на пакет?
 Не шло вестей — была надежда,
 Но весть пришла — надежды нет...

Сгибает человека горе,
 А горе матери — вдвойне.
 Застыли боль и скорбь во взоре
 У безутешной Кулине.

Илле лицо уткнул в ладони,
 Чтоб слез не видела жена.
 А сердце ноет, сердце стонет,
 Любви и гнева грудь полна.

Потупившись, сказал Хеведер:
 «Тобой весь род гордился, внук...
 Какие испытал ты беды,
 Каких ты натерпелся мук!..»

«Кервень, Кервень! Мой внучек милый!—
 Запричитала Сабани,—
 Ах, лучше б мне сойти в могилу...»—
 И долго плакали они.

Но слезы чистые не смоют
 Той черной вести след с сердец:
 Могилы зарастут травой,
 А скорби будет ли конец?

* * *

Еще листок был в том пакете.
Читатель-друг, меня прости,
Но, плохо, нет ли, строки эти
Я должен сам перевести.

Гласил болгарский текст посланья:
«День добрый, добрый человек!
Одно большое испытанье
Послал нам наш тревожный век.

Как тяжело печальной вестью
Покой душевный нарушать,
Но лучше горе, чем бесчестье.
И мне ли этого не знать!

Не все равно нам, как невзгоды
Встречают наши сыновья.
Мой Крум был стойким от природы—
Хоть этим утешаюсь я.

Мой сын был вместе с Вашим сыном
В тюрьме немецкой. Принял он
Такую же, как Ваш, кончину,
Но Крум позднее был казнен...

Через друзей он два письма нам
Успел прислать, и вложен в них
Был мученика Аптрамана
Вот этот маленький дневник.

В стремленье к воле неизменном
Крум с Германом, как понял я,
Делились самым сокровенным
И были больше, чем друзья.

Записки Германа я свято
При немцах у себя хранил.
Теперь здесь русские солдаты,
И я их Вам послать решил.

Как дороги листочки эти
Для Вас, я знаю по себе.
Страдали вместе наши дети
И в общей сгнули борьбе.

Что делать! Головы сложили
Милльоны... Только ль тосковать?
Нам надо не жалеть усилий,
Чтоб лемех из меча сковать!

Нас общая сроднила рана,
В Вас брата вижу я сейчас.
Вам шлет привет Младен Герганов,
Всем сердцем понимая Вас!»

ЧЕТ И НЕЧЕТ

в бору густом, не в роще,
Где березонька да ель,—
В поле, шелковый на ощупь,
Вырос хмель, кудрявый хмель.

«А какая же из птичек,—
Вспоминаешь в эти дни,—
Нанесла вверху яичек—
Все зеленые они?»

Словно по загадке этой,
Здесь, куда ни кинешь взгляд,
Солнцем осени пригреты,
Кисти пышные висят.

И с утра по вечер поздний
Стайки девушек-подруг
С проволок снимают грозди,
Щиплют хмель, собравшись в круг.

Шутят бабы, тем же делом
Занимаясь в свой черед:
Хмелю много, мол, поспело,
Дело к свадебкам идет!

Из Румынии, из Польши,
Из Германии самой

Парни, что ни день, то — больше,
Возвращаются домой.

А невест видали вы бы!
Каждый дом в селе не пуст.
Женихам богатый выбор.
Не с того ль и хмель так густ?

— Сколько центнеров с гектара?—
Не убравши, как сказать.
Но возились с ним недаром,
По двенадцать грех не взять.

Раньше рос он по заборам,
Клеть, бывало, оплетет,
А теперь зеленым бором
На п л а н т а ц и и растет.

Это слово в обиходе
Появилось неспроста.
Хмель теперь — статья в доходе.
Ну, и честь ему не та.

* * *

Двое — пожилой и юный—
Шли опушкою лесной.
Вот и проволоки струны,
Хмель стоит сплошной стеной.

Задержавшись на мгновенье,
Здесь единственной рукой
Самокрутку на колене
Ловко сделал пожилой.

«Погоди, Иван Исаич,
Вот столичных закури...»
«Э, да, ты, я вижу, барич
В смысле курева, Эндри!

Твой «Казбек», что хлеб пшеничный,
Я же больше с аржаным...»
Тут, как из трубы фабричной,
Повалил пахучий дым.

Дар мужик заткнул за ухо
И сказал: «Спасибо, друг!
Вот велит бросать старуха,
Да без дыма — как без рук».

И, должно быть, продолжая
Интересный разговор,
Парню указал Самаев
На возделанный бугор.

«...А по хмелю край чувашский
Первый, знай, в России всей.
Мы, как тесто от закваски,
С ним подыдемся, ей-ей».

Он пространно рассуждает,
Видимо, войдя во вкус.
Парень слушает, мотает
Слово умное на ус.

О главе колхоза старом,
Что, мол, хочет на покой,
Если пущен слух недаром,
Верен, значит, слух такой.

Подождем, что будет дальше—
Нет собрания пока.
Старый дело вел без фальши,
Да ведь ноша не легка...

Так что, если будет новый
Председатель — в добрый час.
За народом, впрочем, слово—
Демократия у нас...

Покурив, зашли неспешно
Собеседники в хмельник.

Сбор, должно быть, шел успешно—
Смех до слуха их достиг.

«С шуткою спорится дело...»—
Начал речь Эндри, как вдруг
Улыбнулся, просветлел он:
Им навстречу шла Верук.

«Ба, и сумка даже с нею...
С чем пришла?»— спросил отец.
«Дочь Сергея Сармандея
Проверяла».—«Молодец!

Помощь на поле сраженья.
Ну, совсем как на войне!
Что же с Кларою?»—«Мученье
С этой девушкой мне!

Сор попал ей в глаз. Промыла
Я честь честью, вдруг она
Говорит, что заходила
Раньше к бабке...»—«Вот те на!»

«А Крахьян, старухе темной,
Невдомек, что с языком
В глаз соваться — вред огромный.
И сама больна при том...»

«Ну и Клара! Надурила.
Потерять ведь может глаз!»
«Я и так ее корила.
Обошлось на этот раз...»

«Вот беда,— вскипел Самаев,—
Как трахому тут добыешь!
Я старушек этих знаю—
Их ничем не прошибешь».

Тут Эндри спросил лукаво:
«Как там хмель? Удался он?»

А Верук в ответ: «На славу!
Буен, буен хмель, силен!»

Слух прошел не без резона,
Что, мол, свадьба их близка.
Но не слышно шума-звона—
Пира не было пока.

«По страде решили, видно,
Или ждут до Октября...»—
Утверждал один солидно,
О влюбленных говоря.

«Э, да что гадать! Сыграют...—
Отвечал ему другой,—
Пусть пока что погуляют...
Хмель-то, хмель у нас какой!»

Правда, слухи — это слухи,
И не муж еще жених,
Но в таком, примерно, духе
Говорили все про них.

Вдруг друзья мои притихли:
Их, гудя на весь хмельник,
На колхозном мотоцикле
Щеголь-бригадир настиг.

«Вызывают к телефону!»—
Он Самаеву сказал.
«Кто?»—«Начальство. Из района.
Еле-еле вас догнал.

Надо бы на ток, да что там...
Дело срочное, садись!»
«Видно, я попал в работу.
Сам, юлдаш, тут приглядись!»

И, махнув рукой устало,
Сел Самаев в кузовок.
Хлопнуло, застрекотало...
И остался лишь дымок.

Мой Эндри вздохнул всей грудью,
Вдоль тропы взглянул, и вдруг,
Не показываясь людям,
Повернул вслед за Верук.

* * *

Осень. Осени дыханье!
Роща в красках увяданья.
Стал уже багряным клен,
С липы золото летит,
Лес задумчив, просветлен,
Скоро вовсе замолчит.
Над тропинкой — слева, справа
Лист орешника шершавый.
Тесно сдвинулись лещины,
Не пускают в середину.
«Вон орех, а вон еще!»—
К ветке тянется Верук—
Хоть они наперечет,
Да ведь лес велик вокруг.
Сжала маленький кулак:
«Чет иль нечет? Угадай!»—
«Нечет, нечет!»—«Как не так!
Чет! Пожалуйста, считай!»

Разрумянилась от смеха.
На ладони — два ореха.
«Проиграл, но, так и быть,
Штрафа можешь не платить.
У тебя у самого
Нет еще ни одного...»
И опять, залившись смехом:
«Ладно, ладно уж, иди,
Поделюсь одним орехом,
Отдохни-ка, посиди!»

Аптраман все глубже в чашу,
Голоса не подает.
«Парочку б, хотя б лядащих!»
А Верук молчит и ждет.

«Вот они висят, смотри», —
Шепчет сам себе Эндри.
Он нагнул высокий сук,
Снял находку и к Верук:
«Чет иль нечет? Говори!»
Смотрит девушке в глаза,
Та не знает, что сказать.
Чет, конечно, ей милей,
Но ведь нечет там скорей!
Как же быть? Себе верна,
«Чет!» — воскликнула она.
Силится разжать кулак.
«Не скрывай-ка, не хитри,
Покажи ладонь, Эндри!
Вот и все... Давно бы так!»

На ладони чет, конечно.
Можно ль сердце обмануть?
В жизни так и будет вечно,
Не изменится ничуть.
Отвести Эндри не может
Взгляда от румяных губ:
«Как с двойным орешком схожи!
Звонкий голос, как он люб!»
В поцелуе слились вдруг
Губы парня и Верук.

Птаха малая щебечет:
«Чет и нечет, чет и нечет!» —
Словно ей дразнить их любо,
Шелестит лесная молодь,
Да тяжелый спелый желудь
Падает сквозь листья с дуба...

ПРОЩАНИЕ

Теперь довольно! Позади ты,
Труд полюбившийся, родной.
Я вспомнил столбик, спешно врытый
На свежей насыпи одной.

Такие ставят после боя—
С короткой надписью на них,
Чтоб позже кто-нибудь героям
Там вечный памятник воздвиг.

Написанные мною главы,
Такой же вехой станьте вы.
Мне большего не надо, право,
Не кружит слава головы.

В землянке у лесной протоки,
В степи и посреди болот
Идущие от сердца строки
Спешил я занести в блокнот.

* * *

Над Волгой небо заалело,
Протяжно прокричал петух,
И я, к концу подвинув дело,
Перевожу покамест дух.

Да, скоро я поставлю точку!
Утомлены глаза, спина.

Рука, что дописала строчку,
Почти до боли сведена.

Но это — сладкая усталость,
Целебная, сказал бы я.
Хочу, чтоб чаще мне случалось
Ее испытывать, друзья!

Есть нечто схожее в природе:
Перед грозой — тишь, покой...
Со мною что-то в этом роде:
Едва-едва вожу рукой.

Порою и строки не можешь
Переписать с черновика
И говоришь себе: «Ты что же?
На печку рано, брат, пока».

Оцепененье сходит, к счастью.
Вдруг за теплом душевных слов
Друзей почувствуешь участие—
И снова петь для них готов.

Целитель есть у нас — природа.
Вот он, живительный бальзам!
На нем держался год от года,
Того не замечая сам.

Распахиваешь настежь двери,
И вот к тебе через порог,
Внося листву и птичьи перья,
Влетает волжский ветерок.

И слышишь ты касаток щебет
И гоготание гусей.
Орлан-волжанин в чистом небе
Парит во всей красе своей.

И чувствуешь: не стар еще ты...
Джамбула вспомнив старика,
Поймешь: в запасе для работы
Лет пятьдесят наверняка.

И наши Аптраманы живы,
Их горе не сломило, нет.
Вновь будет встреча — в час счастливый,
А это — книга трудных лет.

Люблю, признаться, я простую
И дружную семью Илле.
Всегда их сторону приму я,
Что б ни случилось на селе.

В их дом, что ласточкины гнезда
Под крепкой крышей приютил,
Приду я, рано или поздно, —
С годами мне он больше мил.

Они простят мое пристрастье
Вникать в любые их дела.
Я от души желаю счастья
Семье, где Натали росла!..

За Волгой в маленькой избушке
Пишу я за строкой строку.
Уже бездомные кукушки
Твердят в бору свое «кү-ку».

В окно открытое я вижу
От сна встающий Шубашкар.
Он на заре как будто ближе...
Спешат подводы на базар.

Вон к перевозу заволжане
Ведут коней, взяв под уздцы,
И понукают их вожжами
С телег нагруженных малыцы.

С лукошками да с коробами,
С кошелкой, с кадочкой, с ведром —
Кто с ягодами, кто с грибами —
Шагают бабы на паром.

А в городе с хвостами пыли, —
Глядеть отсюда, — золотой,

Уже снуют автомобили.
День начат — мирный, трудовой.

Две мачты радио видны мне.
Они, как два столба ворот,
Раскрытых в мир; а там — за ними—
Друзья, родные, весь народ...

Пора мне в путь! Уже довольно
Бередить боль подживших ран.
Гудит над Волгой ветер вольный,
Бушует жизнь, как океан.

А тут ни зимушки, ни лета
Не разглядев, проводишь год.
Покинута семья поэта—
Весь день стихам он отдает.

Жена, бывает, среди ночи
Вдруг спросит: «Что, опять корпишь?
Опять из-за десятка строчек
Ты до рассвета просидишь?..»

Не скажешь ей, боясь конфуза,
Что всех ревнивиц на земле
Ревнивее и строже муза,
И... гаснет лампа на столе...

Не упрекай меня, родная,
И огорчений не таи.
Всем сердцем я благословляю
Заботы верные твои.

Я благодарен за терпенье
Тебе, мать сына моего.
Пойми и ты мое стремленье,
Пойми и укрепи его!

Писал о тех я, кто душою,
Как ты сама, и прям и чист;
Писал с тревогою большою,
И выстрадан тут каждый лист.

Ты спишь спокойно. Нет причины
Для треволнений. Но пора:
Вставай и разбуди-ка сына,
Поздравьте вы меня с утра.

Пойдем, Атнер! Отец закончил
Свой труд — уплачен долг один.
Да что тебе! Ты смейся звонче,
Беги быстрее к реке, мой сын!

И, взявшись за руки, гуськом мы
Сбегаем по тропинке вниз.
Росой обрызганные поймы.
Кусты. Песок промыт, зернист.

Простор. Раздолье. Здравствуй, Волга!
Вернешь ли силу мне сполна?..
Ныряю, плаваю я долго.
Меня баюкает волна.

* *
* *

В последний раз из дальней дали
На дни минувшие взгляну.
Сдается мне, иными стали
Мои герои за войну.

Одною думой озабочен,
Как ты, как я, как весь народ,
С той памятной июньской ночи
Переменился старый род.

Огнем война запылала.
Я стал о ней писать тогда,
Но не коснулась поначалу
Меня солдатская страда.

Солдатской каши не отведав
Из фронтового котелка,
Не знал я тяжести победы,
И мимо цели шла строка.

Потом пришлось мне покороче
Спознаться с долею бойца,—
И потянулись дни и ночи
В походах, в схватках без конца.

Мы под напором устояли,
И отдал враг за пядью пядь
Все то, что он сумел вначале
С налета хитростью забрать.

Тогда-то и хлебнул я лиха,
Но стал острее карандаш,
И я узнал, какой он «тихий»—
Идущий на врага чуваш!

И для меня (как мой Самаев,
Гордясь за земляка, сказал)
Народ родной, в боях мужая,
Весь родом Аптраманов стал.

От Сталинграда до Берлина
(Могу сказать я, как солдат)
Не сдал, не дрогнул ни единый,
Никто не посмотрел назад.

Ты, что к земле со мною рядом
В мороз жестокий примерзал;
И ты, с кого катился градом
В жару пот, слепя глаза;

Ты, стиснувший от гнева зубы,
Враставший в землю в час ночной,
Ты, с кем я к общей фляжке губы
Прикладывал в палящий зной,—

Где все вы ныне, братья, сестры,
Товарищи мои? Кто пал,
Сраженный в схватке сталью острой?
Кого тот жребий миновал?

И чем вы заняты сегодня,
И как живете, земляки?
Я каждого б как брата, обнял,
Друг другу вечно мы близки!

Я помню, как я возвратился
В послевоенный Шубашкар.
Как раз в ту пору здесь открылся
Литературный семинар.

Собратья по перу, поэты,
Прозаики — все молодняк,
Собрались, только что полсвета
Пройдя в огне, в дыму атак.

Им, рубежи с налета бравшим,
Освобождавшим города,
И сад литературы нашей
Казался крепостью тогда...

Вот парень в гимнастерке, с пылом
Стихами за сердце берет,
Звенит строка литою силой:
«Род Аптраманов — весь народ!»

Что скажешь, книгу закрывая,
Читатель незнакомый, ты?
Тебе я отдал, доверяя,
Все чувства, мысли и мечты.

Друзьям, что шлют мне письма ныне,
И тем, кто в спор вступил со мной,
Прервав читать на середине,
Я шлю привет сердечный мой.

Пусть пробудил не все я струны,
А все ж строка в душе поет,

Что произнес собрат мой юный:
«Род Аптраманов — весь народ!»

Смущен я был, признаться надо,
Словами этими тогда.

Подумав, принял, как награду,
И мне теперь не жаль труда.

1941—1954

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

(Биографическая справка)

Народный поэт Чувашии Педер Хузангай (Петр Петрович Хузангай) родился 22 января 1907 года в селе Сиктерме Алькеевского района Татарской АССР в бедной крестьянской семье. В 1923 году он окончил сельскую школу, затем учился в Казанском чувашском педагогическом техникуме. Интерес к литературе, разбуженный его учительницей еще в селе, здесь резко повысился. Будущий поэт свои стихи помещал в стенной газете, посещал собрания Казанской ячейки Союза чувашских писателей «Канаш», вел активную переписку с чебоксарскими литераторами.

В 1927—1930 годах Хузангай учился в Восточном педагогическом институте в Казани. В 1930—1934 годах работал выездным корреспондентом издававшейся в Москве центральной чувашской газеты «Коммунар». С этого времени он полностью посвящает себя литературной работе.

В годы Великой Отечественной войны Хузангай штыком и пером отстаивал независимость и свободу своей Родины. Его боевые заслуги были отмечены орденом «Красной Звезды», медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». На фронте он вступает в члены КПСС. В тяжелых боях в 1944 году был ранен.

Стихи молодого поэта впервые были опубликованы в 1924 году, в первом номере журнала «Сунтал», и с тех пор он выпустил более тридцати книг стихов и поэм.

Встречи с Максимом Горьким, Вл. Маяковским оставили неизгладимый след на всем творческом пути Педера Хузангая.

Поэт много работал и над переводом произведений классиков русской и иностранной литературы, а также современных поэтов

на чувашский язык. Он переводил Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Шекспира, Маяковского, Твардовского, Исаакяна, Бараташвили и многих других.

Педер Хузангай — проникновенный лирик и страстный публицист. Читателям хорошо известны его яркие стихи «Мы понимаем» (1931) и «Слушай, Германия» (1933), в которых он дал достойный отпор клеветническим выступлениям французской и немецкой реакционной печати по адресу чувашского и других малых народов Советского Союза.

Поэма «Таня» (1943), посвященная славной дочери русского народа Зое Космодемьянской, выдержала уже около десяти изданий и стала одной из любимых книг нашей молодежи.

П. Хузангай создал поэмы «Песнь сердца», «Родина», «Дом в Горках». Ряд его произведений вышел в переводе на русский и другие языки народов СССР.

П. Хузангай — продолжатель новаторских традиций основоположника чувашской советской поэзии М. Сеспеля. Новая для чувашской поэзии силлабо-тоническая система стихосложения М. Сеспеля получила в творчестве Хузангая дальнейшее развитие, что позволило поэту перевести размером оригинала, с сохранением всех интонационных особенностей, такие произведения, как роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», поэму «Полтава», комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума». Большую услугу нашей литературе он оказал своими переводами произведений чувашских поэтов на русский язык.

Роман в стихах «Семья Аптраман», над которым поэт работал 13 лет, посвящен участию чувашского народа в Великой Отечественной войне, дружбе народов СССР.

За выдающиеся заслуги в области чувашской художественной литературы в 1950 году Хузангаю присвоено почетное звание народного поэта Чувашской АССР. В связи с пятидесятилетием со дня рождения и тридцатилетием творческой деятельности в 1957 году он награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1955 году он был избран депутатом Верховного Совета Чувашской АССР, а в марте 1959 года — депутатом Верховного Совета РСФСР.

Педер Хузангай — председатель правления Союза писателей Чувашии, член бюро правления Союза писателей РСФСР, член правления Союза писателей СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Напутствие. <i>Перевод А. Казакова</i>	5
Род. <i>Перевод А. Казакова</i>	8
В лесу. <i>Перевод В. Потаповой</i>	19
Дом. <i>Перевод А. Казакова</i>	27
Натали вышивает. <i>Перевод А. Казакова</i>	33
Первый день. <i>Перевод А. Казакова</i>	40
Родная Волга. <i>Перевод А. Казакова</i>	70
Натали учится. <i>Перевод А. Казакова</i>	98
Письмо отца. <i>Перевод А. Казакова</i>	117
Эндри в госпитале. <i>Перевод С. Поделкова</i>	121
В агитпункте. <i>Перевод С. Поделкова</i>	126
Натали — медсестра. <i>Перевод С. Поделкова</i>	131
Подарки. <i>Перевод С. Поделкова</i>	139
На берегу Ильмен-озера. <i>Перевод С. Подел-</i> <i>кова</i>	146
Аптраман подметает печку. <i>Перевод С. По-</i> <i>делкова</i>	153
Широкие крылья. <i>Перевод А. Казакова</i>	157
Прошу считать коммунистом. <i>Перевод</i> <i>С. Поделкова</i>	176
Счастье. <i>Перевод А. Казакова</i>	180
В польском городке. <i>Перевод А. Казакова</i>	201
Варвари. <i>Перевод А. Казакова</i>	218
Вызывает генерал. <i>Перевод С. Поделкова</i>	225
Хамыръял. <i>Перевод С. Поделкова</i>	234
Возвращение. <i>Перевод П. Дружинина</i>	242
Привал. <i>Перевод А. Казакова</i>	259
В родном селе. <i>Перевод П. Дружинина</i>	263
Осенняя вестъ. <i>Перевод А. Казакова</i>	290
Чет и нечет. <i>Перевод А. Казакова</i>	302
Прощание. <i>Перевод А. Казакова</i>	309
<i>Педер Хузангай</i> (биографическая справка)	317

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ
СЕМЬЯ АПТРАМАН

Роман в стихах

Перевод с чувашского

Художник *В. Ф. Солодовников*

Отв. за выпуск *В. И. Давыдов.*
Худ. редактор *М. А. Ильин.*
Тех. редактор *А. М. Михайлова.*
Корректор *С. Л. Баранова.*

НТ 02777. Сдано в набор 11/III-1959 г.
Подписано к печати 19/VI-1959 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Объем 16,40 п. л.,
уч.-изд. л. 14,45. Заказ № 491. Изд. № 072
Тираж 2000 экз. Цена 9 руб. 25 коп.

Типография № 1 Министерства культуры
Чувашской АССР.
г. Чебоксары, ул. Володарского, 5.

